

ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВ
СЕСТРА ЗЕМЛИ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Повесть «Сестра Земли» – вторая книга трилогии «Звездоплыватели».

Впервые была опубликована в 1959 году в альманахе «Мир приключений».

В сетевых библиотеках имеется книга с текстом из этого издания и обложкой серии БПиНФ. Однако этого издания в Сети пока найти не удалось.

Есть только обложка...

Данная электронная сборка не является копией какого-либо полиграфического издания.

Это компьютерная компиляция текста и различных элементов оформления книги.

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕНИНГРАД ~ 1960

Г. МАРТЫНОВ

Сестра Земли

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изготовителя электронной книги.

Занятная ситуация сложилась с этой повестью. Дело в том, что сам я ни раньше, ни в настоящее время ни разу не видел этой книги в «рамочном» исполнении 1959 года. Мало того, и сведений об этом издании в Сети найти не удалось. Известно второе издание 1960 года, но уже в составе трилогии «Звездоплаватели».

Публикация повести в серии БПиНФ в 1959 году подтверждается только обложкой. Причем не очень качественно отсканированной (даже год издания скорее угадывается, чем читается) и, вероятно, единственной в этом своём «качестве». Никаких других «серийных» элементов оформления этого издания найти тоже не удалось.

Вот и решил я сделать для себя «Сестру Земли» в «Рамочке». Так, как мне хотелось бы ее увидеть в этой замечательной серии. С использованием рисунков и элементов оформления 1-го и 2-го издания. У меня оба они как-то соединились. Захотелось соединить их и «на самом деле». Ну хотя бы в таком, электронном виде. Благо, это сейчас стало возможным. Но текст я взял из «Звездоплавателей», в редакции 1960 года.

Пощелкал «мышкой» и вот – получилась книжка. Такая «книжка из-под «мышки». Мне нравится. Может быть и еще кому-нибудь понравится.

А для тех, кому не понравится «Сестра Земли» в таком виде есть простой выход: ТРИ щелчка «мышки». И НЕТ книжки. И это сейчас тоже стало возможным.

2014г.

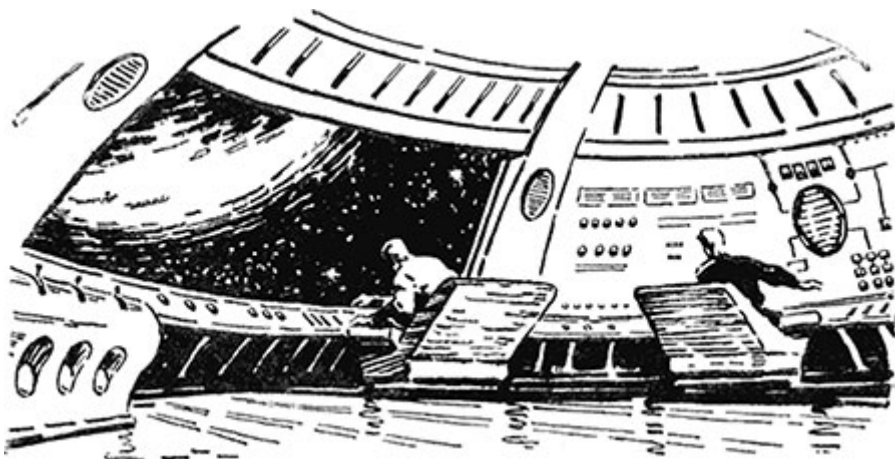
ЗВЕЗДОПЛАВАТЕЛИ

КНИГА ВТОРАЯ

СЕСТРА ЗЕМЛИ

Часть первая В ДАЛЁКИЙ ПУТЬ.

БОРИС МЕЛЬНИКОВ

Молодой человек со значком мастера спорта в петлице остановился перед закрытой дверью.

Словно в нерешительности, он провёл рукой по коротко стриженным волосам. На загорелом лице выступил румянец волнения. Он глубоко вздохнул, как человек, готовящийся прыгнуть в холодную воду, и осторожно постучал.

– Войдите!

Молодой человек отворил дверь.

Небольшая комната была обставлена мягкой кожаной мебелью. Два книжных шкафа, картины на стенах, пушистый ковёр, закрывавший весь пол, – всё это мало напоминало служебное помещение, скорее – кабинет частной квартиры.

У окна стоял широкоплечий мужчина с зачёсанными назад светлыми волосами. Он обернулся при звуке закрывавшейся двери.

Молодой человек почтительно наклонил голову:

– Киноинженер Геннадий Второв.

– Садитесь товарищ Второв! – хозяин кабинета жестом указал на кресло у стола. – Я получил письмо профессора Баландина. Он отзывается о вас с большой похвалой и рекомендует в качестве кинооператора экспедиции. Раз вы пришли ко мне, можно сделать вывод, что хотите лететь.

– Это не то слово, Борис Николаевич, – ответил Второв. – Я мечтаю попасть в число членов экспедиции.

– Эта мечта может осуществиться. За вас ручается профессор Баландин. Это не мало! Но, кроме знаний и желания, требуется ещё и безукоризненное здоровье. Вы мастер спорта? Какого именно?

– Альпинизм.

– Это нам подходит. Окончательное решение будет вынесено начальником экспедиции – академиком Белопольским, но я не думаю, чтобы он стал возражать. Для этого, мне кажется, нет причин.

– Спасибо, Борис Николаевич! – горячо сказал Второв.

– Благодарить ещё рано. Вы комсомолец?

– Недавно принят в кандидаты партии.

– Вы очень молоды. – Мельников внимательно всматривался в черты лица Второва. – Восемь лет тому назад я был таким же, как вы, и стремился в первый для меня космический рейс, и тоже в качестве киноопера-

тора. Не правда ли, в нашей судьбе есть что-то общее? Но вы имеете передо мной преимущество. Вы инженер, а я был простым журналистом. Вам не жалко превратиться из инженера в фотографа?

– Быть кинооператором на звездолёте гораздо почётнее, чем инженером на Земле.

Мельников засмеялся.

– Я вижу, вы энтузиаст, – сказал он. – Это хорошо. В нашем деле без энтузиазма трудно переносить долгую разлуку с Землёй. – Он вынул из кармана письмо и заглянул в него. – Итак, Геннадий Андреевич, будем считать, что всё в порядке. Расскажите о себе. Как заместитель начальника экспедиции, я должен знать всё о членах экипажа.

– А что вас интересует?

– Всё! Вся ваша жизнь с момента рождения.

– Моя жизнь очень проста... – нерешительно начал Второв.

– Это не имеет значения, – перебил Мельников, – рассказывайте!

Он улыбнулся, желая подбодрить собеседника. Эта открытая улыбка странно не соответствовала строгому выражению необычайно спокойных глаз.

«Какие удивительные у него глаза», – подумал Второв.

Он начал свой рассказ. С каждым словом его голос становился увереннее.

Второв шёл сюда, в Космический институт Академии наук СССР, с чувством огромного волнения. Решался вопрос его дальнейшей жизни. С замиранием сердца

перешагнул он порог этого кабинета. В первые минуты присутствие знаменитого звездоплвателя связывало мысли, и он с трудом подбирал слова. Но постепенно дружеский тон и товарищеское обращение Мельникова успокоили его.

Он говорил, а Мельников, облокотившись на стол и, положив подбородок на руку, внимательно слушал.

Рассказ Второва не занял много времени. Школа, комсомол, институт, три года работы в проектном бюро и решение посвятить себя космическим рейсам – вот и всё, что он мог сказать.

– Вы говорите, что недавно женились? – спросил Мельников. – А как относится жена к вашему намерению?

– Полностью согласна со мной.

– Хорошо. Я доложу о вас начальнику экспедиции. Зайдите ко мне послезавтра утром. А пока, чтобы не терять времени, я дам вам записку к врачу экспедиции – Степану Аркадьевичу Андрееву. Поезжайте к нему. Хотя вы выглядите очень здоровым, но это надо проверить.

Когда Второв ушёл, Мельников несколько минут сидел в глубокой задумчивости. Приход молодого инженера и разговор с ним напомнили ему далёкий вечер, когда он сам явился к Камову с той же целью, что Второв к нему.

За восемь лет Мельников сильно изменился. На борт звездолёта «СССР-КС2» он ступил в возрасте двадцати семи лет, но по внешнему виду ему тогда можно было дать двадцать. Теперь это был тридцатипятилетний

мужчина, выглядевший старше своих лет. Исчезли юношеская округлость щёк, весёлый блеск глаз. То, что пришлось пережить на Марсе, участие в двух нелёгких экспедициях на Луну, напряжённая умственная работа – всё это наложило на него свой отпечаток. В углах губ появились первые признаки будущих глубоких морщин, глаза приняли выражение невозмутимого спокойствия, которое когда-то поразило его в глазах Камова. С левой стороны лба виднелся глубокий шрам – память о трагическом случае, когда метеорит пробил бак вездехода и вызвал взрыв. Он и Пайчадзе чудом спаслись тогда. На левой руке не хватало одного пальца – результат падения в лунную трещину, на счастье оказавшуюся неглубокой. И в тот раз только случайность спасла ему жизнь.

И много других случаев хранила его память. На каждом шагу звездоплывателя подстерегала смертельная опасность. Природа не любит раскрывать свои тайны. Каждую приходится вырывать у неё силой. Исследователь космического пространства должен обладать обширными знаниями, безграничной смелостью и беззаветной преданностью своему делу, готовностью в любую минуту отдать за него свою жизнь. Классический пример поведения Камова в трагические минуты отлёта «СССР-КС2» с Марса навсегда стал образцом для всех звездоплывателей.

И Мельников, трезво оценивавший самого себя, знал, что обладает теперь всеми нужными качествами.

Восемь лет настойчивого труда...

В три года Мельников прошёл курс физи-

ко-математического факультета, четыре года ушло на изучение астрономии и звёздной навигации, два раза он летал на Луну в составе советской и английской экспедиций. Приобретены знания и опыт.

Мельников вспомнил энергичные черты лица Второва, его голубые глаза, в которых светился ум, и подумал, что профессор Баландин, пожалуй, не ошибся.

Молодой инженер произвёл на Мельникова очень хорошее впечатление. Общность их судеб в немалой степени способствовала этому. Как Мельников восемь лет назад, так теперь Второв стремился в первый для него космический рейс и должен был выполнять на звездолёте те же обязанности. И он тоже оставлял на Земле молодую жену.

Мельников закрыл глаза. Как живой встал перед ним любимый образ, и он почувствовал, как болезненно сжалось сердце.

Любовь движет всем!

Любовь к людям, любовь к семье, любовь к труду и, наконец, любовь к знанию, сделавшая человека властелином Земли.

Борис Мельников любил труд.

Это был голос крови. Его отец, дед и прадед были кадровыми рабочими. Сам он пошёл по другому пути – стал журналистом. Но и здесь было обширное поле для труда. Он горячо полюбил свою профессию и думал, что никогда не изменит ей. Но вот встреча с Камовым, сказочный поворот судьбы, бросившей его на борт звездолёта, круто изменили всё. Он понял, что для него нет и не будет жизни вне космических рейсов, думал,

что на этот раз сердце заполнено навсегда.

Но пришёл и его час. Любовь к женщине, самое древнее и самое могущественное из чувств, захватила его на тридцать втором году жизни.

Сначала он испугался этого нового чувства, думая, что любовь помешает достигнуть намеченной цели. Но получилось наоборот. И теперь он знал, что присутствие на Земле любящего существа, ожидающего его возвращения, утроит его силы, а не уменьшит их, как он опасался.

В памяти навсегда остались слова Камова. Узнав, что Мельников любит его дочь, но опасается, будто любовь явится помехой для работы, Сергей Александрович сказал:

«Настоящая жена никогда не помешает, а наоборот, поможет мужу в любой деятельности».

И за три года Мельников убедился, что у него настоящая жена. Ольга горячо одобряла все его планы, и её казалось, несколько не страшили неизбежные длительные разлуки.

Они познакомились случайно, на курорте, и Мельников, ещё не зная, что она дочь Камова, увлёкся ею. Ольга кончала тогда медицинский институт, он только что закончил университет. У них нашлись общие темы для разговоров, оказались сходные вкусы.

С самого начала зная, с кем её свела судьба, Ольга ни словом не обмолвилась о родстве с Камовым. Ей хотелось услышать от Мельникова рассказы о своём отце, которым она чрезвычайно гордилась. И она легко убедилась, что в сердце молодого человека безраздельно

царил один Камов.

Ольга долго не называла ему своей фамилии, а когда он, наконец, узнал её, то был ошеломлён необычайной игрой случая, позволившей ему полюбить дочь человека, которого, наедине с собой, он давно называл отцом.

Борис Мельников находился сейчас в расцвете своих сил. Его путь был ясен и predetermined до конца жизни. Где и когда настанет этот конец, он не знал, но всегда был готов к нему. Просторы Вселенной привили ему спокойную мудрость, которую нельзя приобрести на Земле. Он многое видел, и многое испытал, чего не видели и не испытали другие. Он видел Землю с расстояния многих миллионов километров и глубоко осознал (самое трудное для человека, никогда не покидавшего Землю) её исчезающе малую величину. Земная слава казалась ему ничтожной. Его понимание мира было шире, чем у других. Это было хорошо, но таило в себе опасность. И Мельников не избежал этой опасности. Было время, когда он совсем не думал о Земле и её делах. Ему казалось, что только в космических просторах настоящая жизнь и настоящие интересы.

Любовь к Ольге поколебала эту незаметно установившуюся позицию. Он снова почувствовал себя сыном Земли и понял, что мнение о нём её обитателей не безразлично для него. И это было именно тем, чего ему начинало не хватать, чтобы стать подлинным учёным.

Ложное чувство своей обособленности от Земли бесследно исчезло. Осталось подкреплённое личным

опытом реальное сознание грандиозности Вселенной и места, которое занимала Земля в её просторах, а это было то, что нужно. Звездоплавателю необходимо такое сознание. Оно даёт правильный масштаб и вооружает его чувством перспективы в работе.

Друзья Мельникова успокоились за него, видя, что верная дорога найдена. «Ему не хватало семьи, – сказал Пайчадзе – Так сложилась его жизнь. Теперь всё в порядке».

Это было верно. Мельников рано лишился родителей. Его детские годы прошли в доме дяди – бездетного вдовца. Учась в литературном институте, он жил в общежитии. В сущности, он никогда, до женитьбы на Ольге, не знал домашней обстановки и того тепла, которое она даёт.

Бой часов прервал воспоминания. Двенадцать. Ольга должна приехать через тридцать минут. Он давно обещал отвезти её на ракетодром и показать готовый к полёту корабль. До старта оставалось уже немного, и каждый день был расписан буквально по часам. Сегодня выдалось свободное время, можно было выполнить обещание.

Мельников никогда никуда не опаздывал и терпеть не мог, когда опаздывали другие. Он был уверен, что ровно в половине первого Ольга войдёт в его кабинет. За три года она хорошо изучила характер мужа.

Любая работа требовала много времени и не допускала перерывов. Чтобы чем-то заняться до приезда жены, он достал из ящика толстую тетрадь и открыл её на последних страницах. Это был дневник, сопровож-

давший его в первом полёте, на Марс.

Вот памятная запись от 12 февраля 19... года:

«Наконец-то я могу с полным правом написать: «по московскому времени»!

Я в Москве!

Сегодня как-то особенно остро чувствуется счастье возвращения. Вчерашний день прошёл как в тумане, но я никогда не забуду ни малейшей подробности!

Я хочу описать под свежим впечатлением последний день нашего космического рейса. Это будет последняя запись в моём дневнике. Много событий я занёс на его страницы. Я писал о них в Москве, на борту звездолёта, писал на Марсе. И вот заканчиваю дневник за тем же столом в моей комнате, где начал в памятную ночь на 2 июля.

Перед глазами проходит всё виденное... Вспоминается всё пережитое...

Старт с Земли... Прекрасная планета с поэтическим именем – Венера!»

Мельников опустил тетрадь на колени. В который раз за эти годы перед его мысленным взором возникла картина, виденная восемь лет тому назад.

...Свинцовые воды океана с ослепительно белыми гребнями пены... Свинцовое небо над головой... Чёрные стены чудовищных ливней... Яркие молнии пронизывают тусклый полусвет... Необъятные просторы оранжево-красной растительности... Непроходимый девственный лес юной планеты... Высокий горный

хребет, вершины которого прячутся в непроницаемой толще облачных масс...

Природу Венеры они видели тогда сверху – за время короткого перелёта. Теперь предстояло познакомиться с ней вблизи, предстояло как бы погрузиться в эту природу, испытать все опасности и ловушки, которые, возможно, таятся под внешней красотой неведомой планеты.

Но так надо! Человек должен знать всё!

Мельников перевернул несколько страниц и прочёл:

«Будем готовиться к следующим рейсам. Их будет много. Советские звездолёты покроют межпланетные пространства десятками трасс своих перелётов. Они раскроют все тайны, ревниво хранимые природой. Пытливый взор человека проникнет в самые отдалённые окраины нашего мира – системы Солнца...»

Так будет!

Планомерная атака на тайны Солнечной системы уже началась. Луна обследована вдоль и поперёк. Почти год находится на Марсе английская экспедиция, руководимая Уильямом Дженкинсом, в составе которой трое русских учёных. Англия первой откликнулась на призыв советской Академии наук совместно проводить космические рейсы. Страна вековых научных традиций, родина многих бессмертных деятелей науки не могла поступить иначе. За Англией последовали другие – Франция, Германия, Швеция. Фронт атаки растёт и ширится.

Сделано уже многое. Задача номер один – Луна – почти решена. Задача номер два – Марс – в процессе

разрешения. Подходит очередь третьей – Венеры. А по дороге к ней предстоит разрешить часть четвёртой задачи – обследование астероидов. Звездолёт опустится на тот самый астероид, который встретился «СССР-КС2» на пути к Марсу. Он уже основательно изучен при помощи телескопов и назван «Арсена» – в честь Пайчадзе, первым увидевшим его. А после Венеры придёт очередь следующих космических задач, и так до конца жизни или пока хватит здоровья и сил...

– О чём ты мечтаешь?

Мельников вздрогнул. Он так задумался, что не услышал, как отворилась дверь.

Ольга стояла в двух шагах. Иссиня-чёрные волосы, гладко причёсанные, оттеняли белизну её лица, на котором выделялись совсем чёрные «камовские» глаза. Серый шерстяной костюм ловко сидел на её сильной, спортивной фигуре.

– Наконец-то! – сказал Мельников, вставая из-за стола и идя к ней. – Поехали!

«СССР-КС3»

Борису Мельникову был хорошо знаком гигантский ракетодром на берегу Клязьмы. Это было памятное ему место. Отсюда в первый раз он покинул Землю на звездолёте «СССР-КС2», управляемом Сергеем Александровичем Камовым. Сюда вернулся корабль под управлением Белопольского, оставив на Марсе своего командира, считавшегося погибшим. Здесь произошла незабываемая встреча с Камовым, чудом спасшимся от

смерти. Отсюда, в составе экспедиции Белопольского – Пайчадзе, он на том же «СССР-КС2» вылетел на Луну и, пробыв на ней три недели, вернулся снова на это место. И, наконец, отсюда же отправилась на спутник Земли английская экспедиция Уильяма Дженкинса, в которой Мельников был единственным русским участником.

Когда-то на этом поле производились испытательные полёты атомных ракет. Это был период подготовки к космическим рейсам. После полёта «СССР-КС2» на Марс ракетодром полностью перешёл в ведение звездоплавателей. Теперь это было место испытаний, стартов и финишей советских космических кораблей. Деревянную ограду заменила чугунная решётка. Взлётное поле было сплошь бетонировано. Нигде в мире не существовало подобной площади величиной в двенадцать с половиной квадратных километров, гладкой и ровной, как стол. Здание межпланетного вокзала было всё то же, что и раньше – белое, с плоской крышей, обнесённой мраморной балюстрадой. Но вокруг него вырос теперь целый город. Два завода, производящих части космических кораблей, механизмы и оборудование, астрономическая обсерватория, институт космогонии, многочисленные лаборатории и жилые дома были распланированы концентрическими полукругами, упиравшимися концами в ограду ракетодома. Правильные линии полукруглых улиц, обсаженных деревьями, единая архитектура придавали городу, названному «Камовск», геометрический вид. В полуцентре, находящемся у здания вокзала, на площади воз-

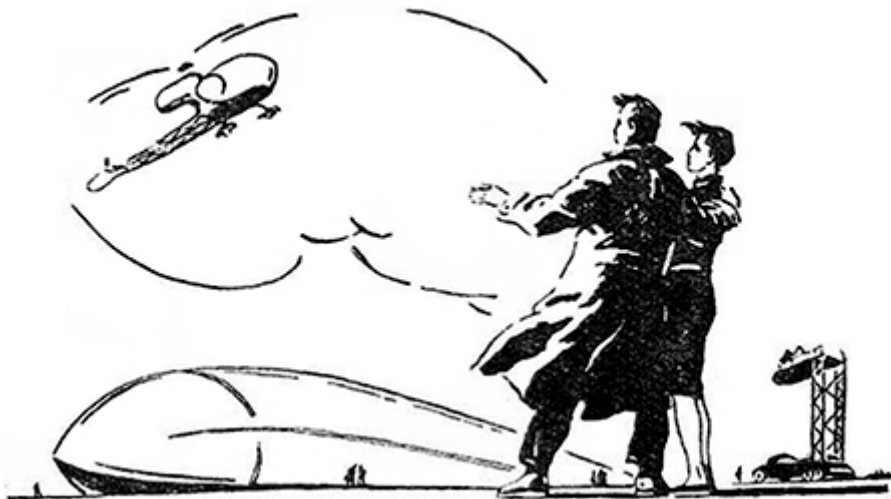
вышался стальной обелиск, установленный в память первого космического рейса на Марс. На нём были помещены барельефы четырёх участников исторического полёта.

Мельникова всегда смущал этот памятник, и он постарался отвлечь внимание Ольги, чтобы она не увидела его собственного изображения, помещённого как раз на стороне, обращённой к вокзалу.

– Помнишь, – сказал он, указывая на крышу, – как восемь лет тому назад здесь стоял Сергей Александрович, которого мы считали погибшим, и наблюдал за приземлением «СССР-КС2». Как печально было наше возвращение, и какая огромная радость ждала нас!

– Минуту, когда мы его увидели, нельзя забыть.

Ольга благодарно и нежно сжала руку мужа.

Они вышли из машины и поднялись по широкой лестнице. Дежурный вахтёр шагнул к ним, чтобы спросить пропуск, но, узнав Мельникова, молча посторонился, приложив руку к козырьку фуражки.

Громадный вестибюль, отделанный красным мрамором, залитый солнечным светом, проникавшим через прозрачный потолок, был, как всегда, пустынен. Широкая застеклённая дверь вела на поле, но Мельников провёл жену через боковой проход.

По тишине, царившей вокруг, казалось, что в здании никого нет, но сейчас же вслед за ними поспешно вышел невысокий человек, одетый в синий рабочий комбинезон.

Ольга сразу узнала его, хотя раньше никогда не видела. Его внешность была ей известна по газетным портретам. Имя этого человека, не участвовавшего ни в одном космическом рейсе, было неразрывно связано с ними. Он подготавливал и выпускал в путь все звездолёты, стартовавшие с этого поля, начиная с самого первого, на котором Сергей Александрович Камов совершил полёт вокруг Луны. Это был начальник ракетодрома – инженер Ларин.

– Мне сообщили о вашем приезде, – сказал он, подходя к ним. – Здравствуйте, Борис Николаевич!

Мельников крепко пожал руку старого друга.

– А вы, Ольга Сергеевна, – Ларин галантно поцеловал её руку, – приехали, конечно, осмотреть корабль...

«Откуда он меня знает?» – подумала Ольга.

– К сожалению, не могу сопровождать вас. Времени мало, а работы ещё много. Константин Евгеньевич

приказал в третий раз проверить все приборы и аппараты. А сегодня уже восьмое!

Мельников улыбнулся. Он хорошо знал, что Белопольский, доверяя Ларину, никогда не давал ему никаких указаний, но сам инженер не три, а пять раз и больше проверял оборудование каждого корабля, прежде чем дать разрешение на его вылет.

– Мы обойдёмся сами, – сказал он. – Не задерживайтесь из-за нас, дорогой Семён Павлович.

Инженер попрощался и ушёл.

Бетонное море, расстилавшееся перед ними, было совершенно пусто. Только далеко, почти на самом горизонте, виднелись какие-то предметы и двигались крохотные машины. Там, в двух километрах отсюда, находился «СССР-КС3».

– На чём же мы поедем? – спросила Ольга, не видя кругом ни одного автомобиля.

Мельников, думая о чём-то своём, не ответил. Ольга повторила вопрос.

– Да! – сказал он. – Прошло только восемь лет, а как всё изменилось! Это поле так же не похоже на прежнее, как наш «КС3» не похож на «КС2». Всего только восемь лет! А «КС2» уже устаревшая конструкция... Никто сейчас не полетит на таком корабле, а он был чудом техники. Когда мы вылетали на Марс, это поле было покрыто травой, корабль находился в восьми километрах отсюда, и его не было видно, и наша машина шла по дороге, ничем не отличавшейся от просёлочной. Ты спрашиваешь, на чём мы поедем? Идём! Сейчас увидишь!

Он провёл её обратно в здание вокзала. Войдя в вестибюль, Ольга увидела высокого молодого человека, который сразу подошёл к ним и поздоровался с её мужем.

– Познакомьтесь, – сказал Мельников. – Это моя жена – Ольга Сергеевна. А это, Оля, участник нашего полёта – Леонид Николаевич Орлов.

Молодой человек поклонился и пожал руку Ольге. Он сделал это так осторожно, что она сразу поняла, какой огромной физической силой обладает Орлов. В его худощавости, которую подчёркивал высокий рост, безошибочно угадывались железные мускулы. На удлинённом, с тонкой линией губ, сильно загорелом лице выделялись необычайно красивые, голубовато-зелёные глаза. Точно два чистейших аквамарина были вставлены в оправу длинных чёрных ресниц.

Ольга хорошо знала, кто такой Орлов. Несмотря на молодость, он был уже широко известным астрономом. Белопольский, всегда очень осторожный в оценках, называл его самым талантливым из своих учеников.

– Зачем пожаловали? – спросил Мельников.

– Хочу увидеть, наконец, наш корабль.

– Как? – удивилась Ольга. – Вы его ещё не видели?

Орлов засмеялся. Его смех был чист и звонок, как у молодой девушки. Белоснежная линия зубов словно осветила лицо.

– Я не энтузиаст звездоплавания, – сказал он. – Лечу только потому, что предстоит посещение астероида. Астероиды, – прибавил он, – моя специальность.

– Неужели вас не интересует корабль?

– Как видите, интересует. Но осмотреть его раньше у меня не было времени. Кроме того, – он наклонился и доверительно шепнул на ухо Ольге, – я боюсь полёта. Опасался, что, увидя корабль, потеряю душевное спокойствие. Только не говорите об этом Борису Николаевичу.

– Вы конечно шутите.

– Да нисколько! Боюсь, и не считаю это позорным.

– Зачем же вы согласились лететь?

– Так надо, – просто ответил он.

По тому, как были сказаны эти два слова, Ольга поняла, что Орлов ни перед чем не остановится, чего бы ни потребовала от него его наука.

Мельников отворил высокую двустворчатую дверь. Ольга ожидала, что за ней опять окажется какое-нибудь помещение, но ошиблась. За дверью была неширокая мраморная лестница, уходящая вниз. Спустившись по ней, они очутились на перроне, до такой степени похожем на перроны метрополитена, что Ольга в изумлении остановилась на нижней ступени.

Всё здесь было такое же, как на станциях метро. Блестящий каменный пол, мраморные стены с бронзовыми украшениями, чёрное отверстие туннеля, рельсы и фигурные светильники на полукруглом потолке. Но всё было маленьким, что казалось моделью настоящей станции метрополитена. У перрона стоял крохотный вагон голубого цвета с такими же, как у поездов метро, раздвижными дверями. Внутри были такие же мягкие сиденья. По размерам и количеству сидений вагон был рассчитан, по-видимому, человек на

десять. В нём нельзя было стоять, а только сидеть, как в автомобиле.

– Перед вами, – сказал Мельников, – транспорт современного ракетодома. Ну, как, нравится?

– Любопытно, – сказал Орлов.

– А кто управляет вагоном? – спросила Ольга.

– Никто. Наше метро полностью автоматизировано. Видите, на щитке горит зелёная лампочка. Это значит, что путь свободен и можно ехать. Прошу садиться!

– Значит, здесь не один вагон?

– Садитесь! Сейчас увидите.

Ольга, наклонившись, вошла внутрь вагона и села. За ней последовали её спутники. Передняя и задняя стенки имели такие же окна, как и боковые, и можно было видеть уходящий вдаль туннель, с длинным рядом зелёных огней, и такой же туннель позади. Только впереди он был прямой, сходящийся вдали в одну точку, а сзади сразу же сворачивал куда-то в сторону.

Мельников сел рядом с Ольгой.

– Нажми кнопку с надписью «Центр», – сказал он.

– Это совсем как в лифте.

– Принцип один и тот же.

У каждого сиденья был расположен маленький щиток с двумя кнопками. На одной стояло «Центр», на другой – «Порт». Ольга нажала первую.

Двери вагона закрылись, и он плавно двинулся с места.

– Посмотрите назад, – сказал Мельников.

Обернувшись, они увидели точно такой же вагон, который остановился на освободившемся месте.

– Сколько же здесь всего этих вагонов? – спросила Ольга.

– Четыре. Два на одном конце линии и два на другом.

– Но так может случится, что все четыре на одном конце, – заметил Орлов.

– Нет. Если никто не едет из центра в порт, то, как только наш вагон пройдёт половину пути, один из находящихся там вагонов автоматически отправится на другой конец линии. Наше метро очень умное, – прибавил Мельников.

– А где идёт обратная линия?

– Рядом. По параллельному туннелю.

За время этого короткого разговора вагон успел развить полную скорость. Зелёные огни быстро мелькали за стёклами окон. Вдали уже виднелось светлое пятно станции.

– Три минуты, – сказал Мельников, – и два километра.

– Нас не может догнать вагон, идущий сзади?

– Он не двинется с места, пока мы не приедем, и наш вагон не освободит место у перрона. Я уже говорил – здесь всё автоматизировано.

Вагон, постепенно замедляя ход, подошёл к перрону и остановился. Двери раздвинулись. Только они успели выйти, вагон снова двинулся вперёд и ушёл, уступая место следующему.

– А если бы мы задержались? – спросила Ольга.

– Пока все не выйдут, вагон не уйдёт, – ответил Мельников.

– Вот это уже непонятно.

— А вместе с тем очень просто. Автоматика приводится в действие давлением на пол вагона. Если в нём находится кто-нибудь или даже что-нибудь, весом больше десяти килограммов, двери останутся открытыми, а в этом случае вагон не сможет двинуться вперёд.

— Действительно просто. А куда ушёл вагон?

— Он перейдёт на обратный путь, и будет ждать, пока стоящий перед ним не уйдёт.

— Любопытно! — повторил Орлов.

— Только ради этой дороги и то стоило приехать сюда, — сказала Ольга.

Наверх вела такая же лестница, как на вокзале. «Метрополитен» проходил близко к поверхности земли, и подниматься надо было всего на тридцать ступеней. Выход находился на уровне бетонного поля и был ограждён низкой решёткой, прикрытой сверху «зонтом» для защиты от дождя.

Выйдя наверх, они очутились в центре ракетодрома. Вокзал и окружавшие его здания казались отсюда совсем маленькими. Во все стороны простиралось ровное желтовато-серое поле. Чугунная решётка, окружавшая ракетодром, чётко проступала на самом горизонте непрерывной чёрной линией, ограничивавшей кругозор. Видное отсюда целиком, поле казалось ещё грандиознее, чем от вокзала.

Четыре машины с брезентовым верхом стояли недалеко от входа в метро. Метрах в ста от них несколько человек в синих комбинезонах несли на плечах длинный, тускло блестящий на солнце металлический

стержень, направляясь к какому-то непонятному возвышению, выделявшемуся на ровном поле.

– Что это такое – спросила Ольга.

– Где? – Мельников посмотрел по направлению, куда указывала её рука. – Это наш корабль – «СССР-КСЗ».

– Не понимаю.

– Я только что собирался спросить вас, где же корабль? – сказал Орлов.

– Подойдемте ближе, тогда поймёте, – ответил Мельников.

Они направились вслед за рабочими, нёсшими стержень. Подойдя вплотную к заинтересовавшему её предмету, Ольга поняла, в чём дело. «СССР-КСЗ» лежал в глубокой бетонной траншее, над которой виднелась только его верхняя часть. Впереди корабля дно траншеи постепенно повышалось и далеко, в километре от них, сливалось с поверхностью всего поля.

Люди, нёсшие стержень, вошли в кабину, вероятно лифта. Человек, в таком же синем комбинезоне, но, очевидно, руководитель работ, подошёл к Мельникову.

– Привет, Борис Николаевич! – сказал он. – Приехали полюбоваться на свой корабль?

Это был один из помощников Ларина.

– Да, хотим осмотреть звездолёт.

– Пожалуйста! – Инженер жестом хозяина показал вниз. – Все люки сейчас открыты.

– Что это они несут? – спросил Мельников.

– Семён Павлович приказал заменить одну из крепящих переборок газового руля номер семь. Дефекто-

скоп обнаружил в металле раковину¹.

– Большую?

– Большую не пропустил бы завод. Одна пятая миллиметра. Она была обнаружена после четвёртого осмотра.

Когда инженер отошёл от них, Ольга спросила мужа:

– Неужели раковина размером в одну пятую миллиметра может играть какую-нибудь роль? Ведь она так мала, что её простым глазом и не увидишь.

– Звездолёт, – ответил Мельников, – не должен иметь абсолютно ни одного дефекта. Даже самого, казалось бы, незначительного. В пути трудно, почти невозможно производить какой-нибудь ремонт.

– Одна пятая, – сказал Орлов. – И это недопустимо? Ну что ж! Вы меня успокаиваете. При такой подготовке нет оснований для беспокойства.

Мельников засмеялся:

– Вы хотите всё-таки убедить мою жену, что боитесь полёта. Она вам не поверит, как не верю этому я.

– А, так вы слышали? – весело сказал Орлов. – Но, верите вы или нет, я всё-таки боюсь. Если это противопоказано для участников полёта, есть ещё время заменить меня кем-нибудь другим.

– В первый раз всем страшно, – сказал Мельников. – Дело не в том, чтобы не бояться, а в умении преодолевать страх.

Они стояли на самом краю бетонной стены, отвесно спускавшейся вниз, и хорошо видели весь корабль. Его

¹ Раковина (техн.) – пустота в толще металла.

исполинские размеры поразили и Орлова и Ольгу.

«СССР-КСЗ» имел в длину свыше ста пятидесяти метров и тридцать метров в поперечнике наиболее широкой части. По форме это была металлическая сигара с острым носом и массивной кормой, занимавшей треть корпуса, которая непривычному глазу могла показаться хаосом труб и раструбов различного размера и цвета, обращённых отверстиями во все стороны. Идеально гладкая поверхность звездолёта не имела ни одного шва, и было непонятно, как скреплялись между собой его части. Только посередине, почти от самого носа и до кормы, были заметны две параллельные узкие щели, идущие на расстоянии полутора метров друг от друга.

— Это крылья, — ответил Мельников на вопрос жены. — Сейчас они убраны внутрь. Когда мы достигнем Венеры и погрузимся в её атмосферу, крылья будут выдвинуты и корабль превратится в реактивный самолёт. Кстати, каждое крыло имеет пятьдесят метров ширины, в той части, которая примыкает к корме. У носа они сливаются с корпусом корабля. Получаются два огромных треугольника. Если смотреть на корабль сверху, в то время, когда его крылья раскрыты, то он имеет очень странный вид. Представь себе равносторонний треугольник, высота которого равна ста метрам, а основание — ста тридцати. Позади этого треугольника хвост длиной в пятьдесят и толщиной в тридцать метров. Это корма корабля, его движущая часть. Представляешь?

— Откровенно говоря, плохо.

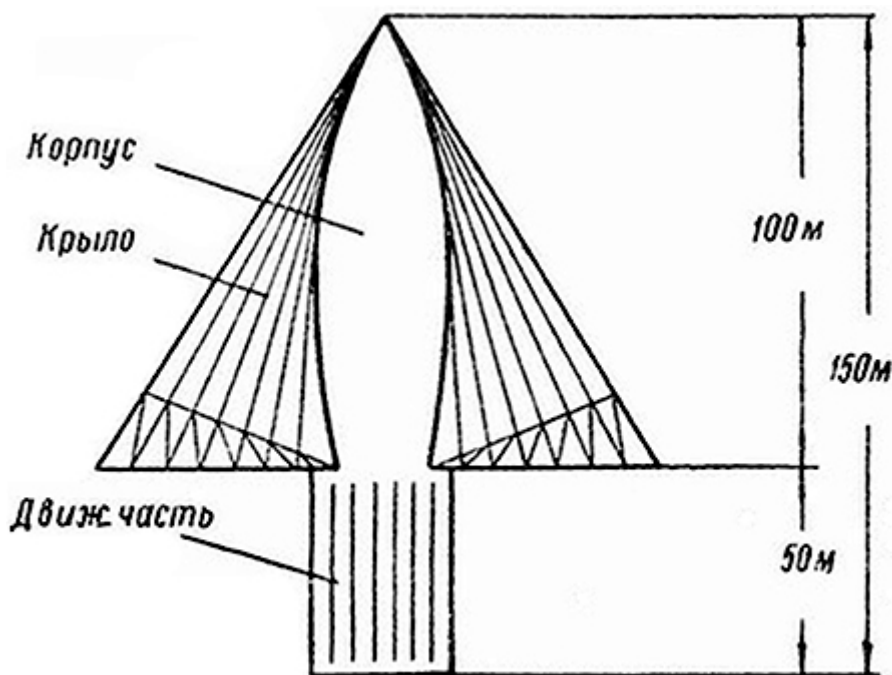
– Ну смотри, я нарисую на бумаге... Теперь ясно?

– Да, теперь начинаю понимать.

Ольга внимательно рассмотрела рисунок и передала его Орлову.

– А что это за линии на крыльях? – спросил астроном.

– Они не сплошные. Каждое крыло, имеет сложное устройство, позволяющее ему поместиться в корпусе корабля и не занимать много места. Части крыла входят одна в другую, наподобие частей раздвижной зрительной трубы, а конец ещё более сложного устройства. Как вы видите, длина крыла больше, чем длина корпуса корабля, и ему надо стать короче, чтобы иметь возможность войти в паз. Кроме того, борт не прямой, а

полукруглый. Это ещё более усложняет конструкцию.

– Почему эти трубы на корме расположены в таком беспорядке? – спросила Ольга.

– Беспорядок только кажущийся. Это отверстия дюз и охлаждающая система.

Звездолёт должен иметь, возможность маневрировать. Вот почему дюзы повернуты во все стороны. Поток частиц, создающий реактивную тягу, можно направить туда, куда хочет командир корабля. Если этот поток движется назад, то корабль летит вперёд, и наоборот – если заработает дюза, расположенная слева, то корма отклонится вправо, а весь корабль повернёт налево. Кроме того, можно управлять и газовыми рулями, расположенными внутри дюз. Газовый поток, обтекая плоскость руля, отклонится в сторону, если руль повернут, и вызовет поворот всего корабля. Только угол поворота будет меньшим, чем при повороте с помощью дюз. И он произойдёт медленнее.

– Управление космическим кораблём, вероятно, чрезвычайно сложно, – задумчиво сказал Орлов.

– Сложно, конечно, но помогает автоматика. Сложность не в самом управлении, а в расчёте, который предшествует каждому манёвру. Нужно почти мгновенно определить угол поворота, безопасный для корабля и его экипажа. Ведь корабль летит с огромной скоростью. В этом нам помогут электронно-счётные машины, которыми «СССР-КСЗ» богато оснащён. А самый поворот совершается автоматически. Командиру надо только поставить ручку, предположим, левого поворота, на требуемый угол, и автоматы сами включат

нужные дюзы или отклонят нужные рули. А когда корабль повернёт, он сам снова полетит прямо. Точно так же, автоматически, можно совершать и более сложные манёвры. Кроме того, существует автопилот, ведущий корабль без участия человека и самостоятельно маневрирующий в случае встречи с крупным метеоритом.

– А с мелкими?

– Радиопрожекторы корабля способны обнаружить метеорит диаметром в несколько сантиметров на расстоянии пяти тысяч километров. Этого вполне достаточно. «Увидя» метеорит, прожектор немедленно сообщает о нём в специальное расчётное устройство, которое в течение сотых долей секунды производит полный расчёт траектории метеорита и выясняет, может ли он столкнуться со звездолётом. Эти сведения передаются автопилоту для принятия необходимых мер. Но, если всё же более мелкий камешек налетит на корабль, беды не произойдёт.

Борт корабля двойной, и промежуток на заполнен слоем космонита.

– Позвольте! – сказал Орлов. – Космонит? Я что-то слышал о нём. Кажется, это новое вещество, изобретённое специально для звездолётов.

– Совершенно верно. Космонит специально предназначен для космических кораблей. Синтезирован профессором Баландиным – участником нашей экспедиции. Это чрезвычайно вязкая, плотная и очень лёгкая смола. Метеорит, прибывший борт корабля, увязнет в ней. Кроме того, космонит в некоторых отношениях играет на корабле роль атмосферы – не пропускает

внутри вредных для человека излучений Вселенной, например космических лучей.

– Что ж, – сказал Орлов, – я считаю, что таких мер вполне достаточно. Их даже слишком много. Встреча с метеоритом практически маловероятна.

Эти слова были адресованы Ольге, и Мельников понял это. Он с благодарностью взглянул на астронома.

– Почему корабль лежит в яме? – спросила Ольга. – Как же он будет взлетать?

– Это стартовая площадка. В передней части корабля имеются выдвижные «лапы». Они поднимут нос звездолёта на нужный угол. Эти же «лапы» используются во время приземления, играя роль амортизаторов. Между прочим, это та самая конструкция, которую Сергей Александрович хотел разработать и оставить людям в наследство, когда, оставшись один на Марсе, он считал себя погибшим. Применявшиеся раньше колёса имеют много неудобств.

– Больше вопросов не имею, – шутливо сказала Ольга.

– Тогда спустимся вниз.

Автоматический лифт в несколько секунд доставил их на дно двадцатипятиметровой пропасти.

Снизу корабль казался ещё более грандиозным, чем сверху. Словно в самое небо уходили его гладкие округлые стенки. Где-то там, на тридцатиметровой высоте, находилась его верхняя часть, не видная снизу. Нос и корма тоже были далеко. Глаз не мог охватить весь корабль – видел только незначительную часть, находившуюся непосредственно перед человеком –

крохотным существом, создавшим этого исполина.

– Какая громадина! – Ольга подняла голову. Борт звездолёта нависал над ними как крыша. – Трудно себе представить, что это чудовище может лететь.

Мельников засмеялся.

– И как ещё лететь! – сказал он. – Полная скорость корабля – сорок километров в секунду.

– Я это знаю, но в это трудно поверить.

Ей было немного не по себе. Безмолвная и, казалось, угрожающая масса металла, нависшая над головой, действовала на нервы.

– Пройдём внутрь!

Недалеко находился один из выходов корабля. Он был открыт, и вниз спускалась алюминиевая лестница. Она была отвесна и не имела перил.

Орлов, как цирковой артист, поднялся на руках. Ольге мешало узкое платье. Мельников подхватил жену одной рукой и ловко взобрался с ней вместе. Она едва успела сказать: «Надорвёшься!», как оказалась уже внутри корабля.

Раздвижная дверь была почти параллельна дну площадки, и Ольге пришлось в голову сравнение с входом на чердак дома, но она не сказала этого вслух.

Они находились в небольшом, совершенно пустом помещении. Только на стене был маленький щиток с какими-то приборами и кнопками.

– Это выходная камера, – объяснил Мельников. – Сейчас обе двери открыты, но на Венере они будут открываться по очереди, чтобы на корабль не мог проникнуть воздух планеты.

Внутренняя дверь также находилась наверху, и к ней вела другая лестница. Ольга категорически отказалась от помощи и поднялась сама.

Здесь оказался длинный коридор, круглый, как труба; стенки его были сплошь обложены мягкими кожаными «подушками». По ним проходила сейчас узкая деревянная дорожка.

– Таких коридоров, идущих вдоль всего корабля, от кормы до носа, – сказал Мельников, – шесть. И каждый имеет выходную камеру. Между ними расположены помещения для экипажа, мастерские, лаборатории и служебные помещения. В кормовой части находятся двигатели. Эта часть отделена от остальных помещений очень толстой тройной перегородкой из прочного сплава. Промежутки заполнены жароупорными и звуконепроницаемыми материалами. Таким образом, собственно корабль имеет только девяносто метров длины. Каждый коридор, длиной в семьдесят метров, оканчивается у самого большого помещения – астрономической обсерватории, устроенной на носу.

– У царства Белопольского, Пайчадзе и моего, – добавил Орлов.

– Корабль так велик, что передвигаться по нему будет утомительно, – заметила Ольга.

– Ходить по всему звездолёту незачем. Но если возникнет надобность быстро миновать коридор, то можно воспользоваться вот этим.

Мельников подошёл к стене и нажал едва заметную кнопку. Открылась узкая дверца, расположенная горизонтально, вдоль коридора. За ней они увидели что-то

похожее на длинную торпеду.

– Это один из многочисленных лифтов корабля, – сказал Мельников. – В несколько секунд он доставит тебя на противоположный конец коридора или до любой другой дверцы. Есть лифты, связывающие все шесть коридоров и помогающие переходить из одного в другой. Хочешь попробовать?

– Нет, не стоит. Идём дальше! Но в этой «торпед» можно ведь только лежать?

– В мире невесомости понятия «лежать» или «стоять» теряют смысл. Человек может двигаться в любом направлении и находиться в любом положении одинаково удобно.

– Как это странно! – сказала Ольга.

– К этому быстро привыкаешь.

Они пошли, один за другим, по деревянной дорожке, столь узкой, что по ней нельзя было идти рядом. Коридор был освещён электрическими лампами, прикрытыми толстыми выпуклыми стёклами. Они были расположены по всей окружности стены, на равном расстоянии одна от другой, и, если смотреть вдаль, казались своеобразной светящейся спиралью.

Было странно видеть лампы, находившиеся у самых ног и светившие снизу, но Ольга вспомнила, что говорил ей муж две минуты назад, и поняла, зачем это сделано. Деревянной дорожки в полёте, конечно, не будет. Когда исчезнет вес, люди могут свободно ходить по потолку.

«Впрочем, и ходить-то будет нельзя, – подумала она. – Какая может быть ходьба, если нет тяжести».

Она часто думала об условиях, в которых протекает межпланетный перелёт, но никогда не ощущала их так реально, как сейчас. На этом корабле всё было необычно и не похоже на земную обстановку. Находясь здесь, человек как бы отрывался от Земли и её жизни, переносился в иной, чуждый мир, живущий по своим особым законам.

И это так и было в действительности. Звездолёт по самой своей сущности не принадлежал Земле. Он был на ней только временным гостем, а его подлинная жизнь протекала в космических просторах, ради которых люди и создали его. В противоположность всем без исключения произведениям человеческих рук, он был не нужен на Земле.

Через каждые десять метров коридор перегораживала круглая дверь, сейчас открытая. Рама двери образовывала высокий порог, через который приходилось перелезть. Это было утомительно.

– Как неудобно, – заметила Ольга.

– Зато в полёте очень удобно, – возразил Мельников.

– Вот здесь, – прибавил он, – находится моя каюта. Войти в неё сейчас нельзя, но осмотреть можно.

Дверь была такой же круглой, как и в коридоре, но не открывалась, а сдвигалась в сторону. Нижний край рамы находился на уровне груди Ольги, и она заглянула в каюту, как через окно.

Каюта представляла собой шарообразное помещение пяти метров в диаметре с такой же обивкой стен, как и в коридоре. Только там кожаные «подушки» были коричневыми, а здесь светло-серыми. Меблировка, кото-

рую Ольга по привычке рассчитывала увидеть, только с натяжкой могла быть названа «меблировкой». Такие обычные предметы, как стулья, кресла или диваны, отсутствовали. Не было ни кровати, ни стола. Прямо напротив входа помещался большой щит с многочисленными приборами, тремя экранами и, по крайней мере, тридцатью кнопками и рукоятками. Недалеко от него висела большая сетка с металлическими застёжками.

Что-то отдалённо напоминавшее шкаф было расположено с другой стороны щита. У этого предмета была эллипсоидная форма и створчатая дверца, придававшая ему сходство со шкафом. Точно такой же предмет находился и на другой стороне каюты. Рядом со входом Ольга заметила деревянную лакированную доску, висевшую на кожаных петлях. Каюта освещалась шестью лампами, такими же, как в коридоре, расположенными, с «земной» точки зрения, совершенно нелепо – равномерно по всей поверхности этого шара, который назывался «каютой», но ничем не был похож на то, что обычно подразумевается под этим словом. Войти было невозможно, разве что скатиться вниз по мягкой стене.

– Просто и уютно. – Ольга насмешливо посмотрела на мужа. – Объясни, пожалуйста, что это такое?

– Действительно! – сказал Орлов. – С точки зрения непривычного человека, это помещение довольно странное.

Мельников засмеялся.

– Всё же ничего странного здесь нет, – сказал он. – Это хорошая и удобная каюта, но только для полёта,

когда отсутствует вес. Здесь есть всё, что нужно. Поймите! Когда нет тяжести, – нет ни верха, ни низа. Можно с полным удобством располагаться прямо на воздухе. Упасть некуда. Вон та сетка – это постель, и в ней будет удобнее, чем на любом пуховике. Ведь сколько бы ни положить перин и пуховиков, тело будет давить на них, а в мире невесомости тело ни на что не давит. Можно лечь на острия гвоздей и не заметить этого. Мы могли бы спать просто в воздухе, но при поворотах корабля вокруг своей оси, которые совершаются регулярно в целях равномерного нагрева его солнечными лучами, центробежная сила заставит спящего «путешествовать» по всей каюте. Поэтому приходится спать в сетках, прикреплённых к стене. Шкафы, на которые вы так удивлённо смотрите, действительно шкафы и предназначены для хранения в них вещей. Необычайная форма вызвана тем, что там не полки, а мягкие ячейки, снабжённые амортизаторами для предохранения хрупких предметов во время взлёта, когда тяжесть не только есть, но и превышает нормальную. Тут всё обдуманно. Вот эта доска – стол. В полёте, я могу поставить её в любое положение, и она не опустится. Обычные столы, стулья и тому подобное бесполезны в невесомом мире. Но на корабле они есть.

– Зачем же?

– Они понадобятся на Венере. Когда звездолёт опустится на поверхность планеты и займёт определённое положение, в каютах будут устроены временные полы и поставлена мебель. Мы ведь пробудем на Венере довольно долго, и надо жить с удобствами.

— А зачем в твоей каюте находится этот щит? — спросила Ольга.

— На корабле есть центральный командный пункт, — ответил Мельников. — Рубка, как мы его называем. Там находится главный пульт управления. Но такие же пульта помещаются ещё в трёх местах: в резервной рубке, каюте командира корабля, то есть Белопольского, и в моей. Как видишь, моя каюта внизу, Белопольского — наверху. Основная рубка находится ближе к носу корабля, а резервная к корме. — Увлёкшись, Мельников забыл об осторожности. — Всё это потому, что в космическом рейсе возможны самые непредвиденные случайности, и надо иметь возможность управлять полётом из разных мест.

Ольга пристально посмотрела на мужа:

— И ты и мой отец всегда утверждаете, что космические рейсы совершенно безопасны. Это плохо согласуется с тем, что ты сейчас сказал.

Орлов поспешил на помощь своему проговорившемуся товарищу.

— Здесь нет никакого противоречия, — сказал он. — Разумная предусмотрительность не означает наличие опасности. По-моему, полёт на космическом корабле не более опасен, чем на самолёте, на котором всё же имеются парашюты. Кстати сказать, я и на самолёте боюсь летать, — с улыбкой закончил он.

Но Ольга не приняла его шутки. Она молча повернулась и пошла дальше по коридору. Орлов и смущённый своим промахом Мельников пошли за ней.

Ольга сердилась на себя. Только что сказанная фраза

вырвалась как-то нечаянно, против её воли, и она уже жалела об этом, так как хорошо знала, что муж не любит разговоров об опасности своей профессии. Да и к чему говорить! Разве она не знала, за кого выходила замуж? Волнуясь и тревожась, она гордилась его работой и любила его за это спокойное мужество и преданность своему делу.

Осмотр звездолёта продолжался более двух часов. Они побывали в обсерватории, в кают-компании, на командном пункте. Даже красный уголок существовал на этом гиганте.

В экспедиции на Венеру участвовало двенадцать человек, и каждый из них имел свою отдельную каюту, не такую большую, как Белопольский или Мельников, но достаточно просторную. Кроме жилых кают, были лаборатории, кладовые и различные подсобные помещения. Вместимость звездолёта, казалось, не имела предела.

Мельников показал «ангары», в которых находились два реактивных самолёта со снятыми крыльями, несколько вездеходов различных размеров и даже небольшая подводная лодка.

Размах экспедиции произвёл на Ольгу большое впечатление.

– Я никогда не думала, что ваш корабль так богато оборудован, – сказала она. – Зачем вам лодка?

– В план входит обследование и изучение океана Венеры, – ответил Мельников, – у нас есть и водолазные костюмы особой конструкции. Это последнее изобретение, очень полезное для нас. Если хочешь,

пойдём, я покажу тебе их.

– Водолазные костюмы предназначены для профессора Баландина, Коржевского и Романова, – сказал Орлов. – Борису Николаевичу и мне не придётся пользоваться ими.

Он сказал это как будто так, между прочим, но Мельников понял, что астроном второй раз пытается исправить его ошибку, и мысленно выругал себя. Как он не сообразил, что эти подробности, приятные для него, должны волновать Ольгу.

– Мне, – сказал он, – как заместителю командира корабля, придётся почти всё время находиться на его борту...

– Знаю, – перебила Ольга, – что ваша экспедиция полна опасностей. Я уже свыклась с этой мыслью и нисколько не беспокоюсь.

Но её слегка побледневшее лицо говорило о другом. Наступило неловкое молчание.

– Пожалуй, на сегодня хватит, – сказал Орлов, – Ольга Сергеевна наверное устала.

– И присесть-то тут негде! – огорчённо сказал Мельников. – Можно отдохнуть на полу. Он мягкий.

– Лучше пойдём к выходу. – Ольга с ласковым упреком посмотрела на мужа.

– На своём корабле он готов проводить дни и ночи, – прибавила она, обращаясь к Орлову.

После долгих переходов из коридора в коридор они дошли, наконец, до выходной камеры.

– На вашем корабле можно заблудиться, как в незнакомом городе, – сказала Ольга, очутившись снова на

дне стартовой площадки.

С чувством, похожим на облегчение, она посмотрела на голубое небо, видимое между отвесной стеной траншеи и бортом корабля, и подумала, что на Земле всё же лучше, чем в чёрных безднах Вселенной.

«Когда кончатся эти опасные полёты? Когда, наконец, он останется со мной? – подумала Ольга. – Хоть бы заболел и был вынужден остаться на Земле».

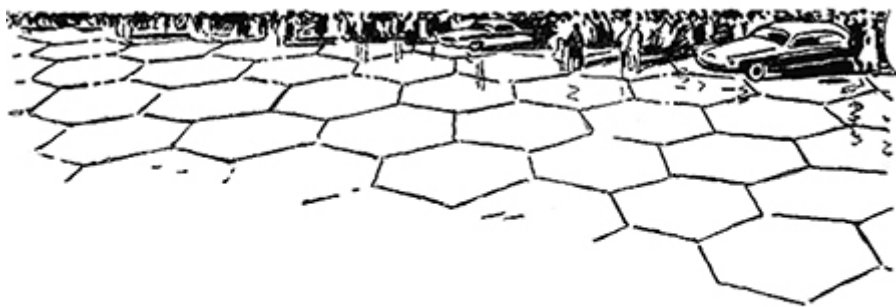
Но ей хорошо было известно железное здоровье мужа. Она только тяжело вздохнула.

В ДАЛЁКИЙ ПУТЬ!

20 июня выдался на редкость хороший день. Небо было совершенно безоблачно, и лёгкий ветерок шевелил разноцветные флаги на чугунной ограде ракетодрома. Поле, тщательно политое ночью уборочными машинами, влажно блестело безукоризненной чистотой. Здание межпланетного вокзала, тоже украшенное флагами и тщательно убранное внутри и снаружи, имело нарядный вид, соответствующий торжественному дню.

С раннего утра улицы Камовска начали наполняться многочисленными автомашинами. Ещё больше их останавливалось за чертой города и плотным кольцом окружало ракетодром. Автобусы, один за другим, непрерывно подвозили всё новые и новые толпы москвичей, желающих присутствовать при старте «СССР-КСЗ».

В сам Камовск можно было попасть только по особым пропускам. Ещё меньшее количество людей могло

пройти в здание вокзала. Всем остальным было предоставлено любое место вокруг города, и уже к десяти часам все окрестности, насколько хватал глаз, были заполнены гудящей толпой. Дороги, даже самые дальние и неудобные, были переполнены автомобилями и автобусами. На главном шоссе, предназначенном для тех, кто мог проехать в самый город, стояли плотные толпы любопытных, желавших увидеть участников полёта. Оставалась свободной только узкая полоска, едва достаточная для проезда одной легковой машины. Автомобили замедляли ход и буквально «продирались» через эту живую стену.

Когда проезжал кто-нибудь из участников экспедиции, раздавался гром приветствий. Звездоплывателей узнавали по портретам или по костюму – коричневому кожаному комбинезону.

К одиннадцати часам поток машин стал реже, но никто не уходил с шоссе. Ждали Камова. Все члены экипажа «СССР-КСЗ» уже проехали, а он всё не появлялся. Люди хотели увидеть знаменитого конструктора

и первого на Земле звездоплывателя, ставшего при жизни легендарным героем.

В вестибюле вокзала собрались все приглашённые на старт. Члены правительства, сотрудники Космического института, учёные, родные и друзья окружали тех, кто сегодня покидал Землю и отправлялся в далёкий, полный неведомых опасностей, героический путь.

Белопольский и Мельников стояли у стеклянной двери, ведущей на поле. Возле них были Ольга, Серафима Петровна Камова и сестра Белопольского – совершенно седая старушка, его единственная родственница. Тут же, на одном из диванов, сидел Пайчадзе с женой и дочерью.

Мельников и Ольга внешне были спокойны. Только бледность и синева под глазами свидетельствовали о бессонной ночи и тяжёлом прощании, которое они, не любившие проявлять своих чувств на людях, пережили дома.

Белопольский и Пайчадзе были такими же, как всегда. Нина Арчилловна даже смеялась чему-то. Проводы

в космический рейс были ей уже привычны. Сегодня она провожала Арсена Георгиевича в пятый раз. Красивое личико Марины было расстроено и глаза покраснели от слёз. Но здесь, при всех, она не плакала. Держа отца за руку, она неотрывно смотрела ему в лицо.

Члены экспедиции, подражая своим руководителям, старались быть спокойными, но кое-кому это плохо удавалось.

Быстрыми, короткими шагами нервно ходил по вестибюлю от одной группы к другой полный человек с розовым лицом и длинными седыми волосами. Подойдя к кому-нибудь, он бросал несколько ничего не значащих слов и, не ожидая ответа, отходил к другому. В его порывистых движениях, в застывшей на лице улыбке чувствовалось с трудом сдерживаемое волнение. Это был руководитель научной части экспедиции – академик Баландин. Он второй раз участвовал в космическом рейсе, но никак не мог совладать с нервами.

Напротив Пайчадзе, между женой и сыном, неподвижно сидел старший инженер звездолёта Константин Васильевич Зайцев. Он казался совсем спокойным.

Забившись в самый дальний угол, стоял у стены Геннадий Андреевич Второв. Миловидная блондинка обеими руками сжимала его руку и то смеялась, то вдруг начинала плакать. На энергичном лице Второва застыла гримаса страдания.

Тесной кучкой, окружённые родными, стояли холостые участники полёта: Орлов, Романов и Князев. Стараясь казаться спокойными, они часто смеялись, но

смех звучал фальшиво.

Зато совсем естественно улыбался, прогуливаясь по залу под руку с женой, опытный звездоплаватель инженер-радиотехник Топорков. Его лицо, немного цыганского типа, с большими тёмными глазами, было так невозмутимо, точно он собирался ненадолго съездить в соседний город.

Мирно беседовали о чём-то не относящемся к полёту врач корабля Степан Аркадьевич Андреев и польский биолог Коржевский, только три дня назад прилетевший в Москву, – их никто не провожал.

Но не только те, кто улета́л с Земли, и их родные волновались в ожидании старта. Многие из остающихся не могли скрыть нервного состояния. Гул голосов то усиливался, то внезапно стихал, и в вестибюле вокзала наступала напряжённая тишина.

– Пора бы, – тихо сказал Мельников, обращаясь к Белопольскому. – Многим тяжело, это ожидание.

Стрелки часов на стене вестибюля показывали четверть двенадцатого.

– Когда же он, наконец, приедет? – спросил Константин Евгеньевич.

– На шоссе творится что-то невероятное, – заметил кто-то из стоявших поблизости. – Машину Сергея Александровича могли задержать.

– Я не удивлюсь, если его принесут на руках вместе с автомобилем, – засмеялся Мельников.

Как раз в эту минуту отдалённый гул, всё время слышимый в открытые окна, резко усилился, перейдя в оглушительный шум, быстро приближавшийся к во-

кзалу. Очевидно, тот, кого ждали, был уже недалеко.

Все расступились, освобождая широкий проход от двери к месту, где стоял Белопольский. Корреспонденты, подняв свои аппараты над головой, пробирались поближе ко входу.

Директор Космического института, лауреат четырёх золотых медалей имени Циолковского, Герой Социалистического Труда Сергей Александрович Камов показался на пороге двери в сопровождении президента Академии наук СССР и седого как лунь академика Волошина.

На мгновение остановившись и жестом руки ответив на дружные аплодисменты собравшихся, он быстрыми шагами пересёк вестибюль и подошёл к Белопольскому.

Мельников заметил мимолётный взгляд, брошенный Камовым на Ольгу, и одобрительную улыбку, мелькнувшую на его лице при виде спокойствия дочери.

– Долгие проводы – лишние слёзы! – громко, чтобы все слышали, сказал Камов. – На корабль, Константин Евгеньевич!

– Мы только вас и ждали, – как всегда сухо ответил Белопольский.

– Прошу членов экспедиции собраться возле меня! – крикнул Мельников.

Пайчадзе первый, поцеловав жену и дочь, подошёл к нему. Нина Арчилловна, ведя Марину за руку, направилась к лестнице.

Их примеру последовали и все остальные. Вестибюль опустел. В нём остались только участники полёта и члены правительственной комиссии.

– Прощальные речи не приняты на наших стартах, – сказал Камов. – Скажу коротко – счастливый путь!

Он трижды поцеловался с Белопольским и пожал руки всем остальным.

Ольга всё ещё не уходила наверх. Она стояла возле Мельникова, крепко сжимая его руку. Внешнее спокойствие не покидало её даже теперь, в минуту последнего прощания. Характер Камова, умевшего владеть собой при любых обстоятельствах, сказывался в его дочери.

– Оля! – позвал Камов.

Она молча поцеловала мужа (её губы показались ему холодными как лёд) и подошла к отцу.

Всем существом Мельников порывался к ней. Ему хотелось ещё раз прижать её к себе, но он знал, что этого нельзя делать. На него смотрели его товарищи по полёту. Он не имел права показывать им пример малодушия.

– Поехали! – весело сказал Пайчадзе. – Кто со мной в первом вагоне?

Взяв под руку Станислава Коржевского, он подошёл с ним к двери станции «метро». Даже не оглянувшись (а ему очень хотелось ещё раз посмотреть в глаза Камову), он стал спускаться вниз.

– Вы проедете с нами на площадку? – спросил Белопольский у Камова.

– Нет. – Сергей Александрович показал глазами на Ольгу, которую крепко прижимал к себе левой рукой. – Мы посмотрим на ваш отлёт с крыши.

Он ещё раз пожал руку Белопольскому и, кивнув

головой Мельникову, ушёл наверх. За ним ушли все, кто ещё оставался в вестибюле.

Участники экспедиции, один за другим, спускались вниз. Мельников сошёл последним. Вагон, в который сел Пайчадзе и пять человек, бывших с ним, уже ушёл, из туннеля выходил следующий.

Только когда вагон, наконец, тронулся и, набирая скорость, помчался вперёд, Мельников почувствовал, что нервы пришли в порядок. Уже давно ставшее привычным спокойствие снова овладело им. Ольга и всё, что было с ней связано, осталось позади. Впереди был знакомый старт, полёт, просторы Вселенной, близкий его сердцу космический рейс.

Он посмотрел на своих спутников.

Белопольский казался всецело погружённым в свои мысли. Выражение его морщинистого лица было таким же, как всегда, и Мельников понял, что Константин Евгеньевич обдумывает предстоящий старт. Игорь Дмитриевич Топорков задумчиво смотрел в окно, провожая глазами мелькавшие зелёные огоньки. Ни тени волнения нельзя было заметить на его характерном лице с крупными, резкими чертами.

Трое других вызывали в Мельникове сочувствие, так сильно они волновались. Но он хорошо знал, что ничем, кроме личного примера, не может помочь им.

Геолог Василий Романов, механик атомных двигателей Александр Князев и Второв старались держаться поближе к Мельникову и сели с ним рядом. Они инстинктивно искали поддержки в его спокойствии, казавшемся им удивительным и непонятным. Встречая

взгляд их глаз, тревожных и лихорадочно блестящих, Мельников ободряюще улыбался.

Они смотрели на него – заместителя начальника экспедиции, – как на старшего и опытного товарища, а давно ли он сам, начинающий звездоплаватель, с мучительным волнением ожидал первого в его жизни старта, ища поддержки своему мужеству у Камова и Пайчадзе. Прошло так мало времени, и вот он должен служить примером другим, в начале их космического пути, передавать дальше полученную от старших эстафету опыта.

Пайчадзе со своими спутниками встретил их на перроне станции «Центр». Наверх пошли все вместе.

Поле ракетодрома было совершенно пустынно. Только один человек медленно, словно прогуливаясь, ходил по краю отвесной стены стартовой площадки, на дне которой, подобно исполинскому киту, лежал «СССР-КСЗ».

Это был инженер Ларин. Как всегда, он последним провожал улетающих с Земли звездоплавателей.

Мельников заметил на самом горизонте неведомо откуда взявшуюся тучу и показал на неё Арсену Георгиевичу.

– Она нас не задержит, – пошутил Пайчадзе.

«Если будет дождь, Оля может промокнуть на крыше», – подумал Мельников.

Но эта мысль мелькнула как-то бледно и тотчас же исчезла. Знакомое ему чувство оторванности от Земли и её дел, которое, как он думал, никогда не появится больше, снова овладело им. Словно не был он больше

человеком Земли и то, что происходило на ней, не касалось его. Он любил Ольгу больше всего на свете, но и она отодвинулась куда-то далеко, в покрытую туманной дымкой даль прошлого, осталась в другой жизни, отличной от той, которая ждала его впереди. Находясь ещё на Земле, он всем существом и всеми мыслями был уже в космическом пространстве. В противоположность другим участникам полёта, которые сразу же, по выходе на поле, стали искать глазами здание вокзала, где находились их близкие, Мельников даже не взглянул в ту сторону. Он прямо направился к Ларину, и о чём-то заговорил с ним.

Молодые звездоплаватели восхищались его выдержкой и старались вести себя так же, как он. Только Пайчадзе, проводив глазами удаляющуюся фигуру друга, покачал головой и тихо сказал Белопольскому:

– Старое зло ещё не умерло.

– Не думаю, чтобы это было так, – ответил Константин Евгеньевич. – Впрочем, увидим. Друзья! – обратился он к остальным спутникам. – Пора!

У входа в кабину лифта все по очереди пожали руку Ларину. Мельников видел, с каким волнением прощались с инженером многие из его товарищей, вспомнил, как сам, стоя высоко у входного люка «СССР-КС2», следил за машиной этого самого человека. Автомобиль Ларина казался ему тогда последним звеном между экипажем корабля и покидаемым человечеством.

– До свидания, Борис Николаевич! – обратился к нему Ларин.

– До свидания, Семён Павлович! Не задерживайтесь

здесь! Уезжайте сейчас же!

– Не беспокойтесь. Счастливого пути!

Все двери выходных камер корабля были уже закрыты, кроме одной, той самой, через которую проходили две недели назад Мельников, Орлов и Ольга.

Её образ опять возник перед ним, но усилием воли Мельников отогнал его. Сейчас он должен думать не о себе, а о других.

– Арсен Георгиевич, – сказал Белопольский. – Возьмите на своё попечение тех, кто летит впервые. Борис Николаевич будет со мной на пульте.

– Хорошо, Константин Евгеньевич!

Все члены экспедиции уже неоднократно побывали на борту звездолёта, но всё же на многих, как на Ольгу неприятно действовала нависшая над головами чудовищная масса корабля. Пайчадзе поспешил подняться наверх, в выходную камеру. За ним последовали все. Белопольский и Мельников одни остались внизу.

– Ну-с, Борис Николаевич! Ваша очередь.

Мельников поставил ногу на нижнюю ступеньку. Белопольский, пристально наблюдавший за ним, заметил едва уловимую нерешительность своего младшего товарища и удовлетворённо улыбнулся. Ради этой проверки он и задержался здесь. Он помнил, с каким восторгом Мельников входил на корабль последние два раза. Нет, Пайчадзе неправ! Поведение Мельникова – это только своеобразная форма предстартового волнения, от которого невозможно совсем избавиться. Ему жаль покидать Землю, хотя он сам, может быть, и не сознаёт этого.

В выходной камере были открыты обе двери. Закрывать их можно было только с пульта управления, введя в действие автоматику, не позволявшую дверям быть открытыми одновременно. На чужих планетах, с иным составом атмосферы, чем на Земле, такая предосторожность имела жизненное значение.

– Я пройду на пульт, – сказал Белопольский, – а вы останьтесь здесь и проверьте, как закрываются двери. Правда, Семён Павлович, конечно, уже проверял, но всё-таки. Потом присоединяйтесь ко мне. Не задерживайтесь!

– Хорошо, Константин Евгеньевич!

Белопольский ушёл.

Через несколько минут обе двери с мягким звоном закрылись. Мельников внимательно следил за ходом механизма. Убедившись, что всё в порядке, он нажал кнопку. Внутренняя дверь открылась, наружная осталась запертой. Значит, автоматика работает исправно. Он нажал другую кнопку. Теперь закрылась внутренняя дверь и через несколько секунд автоматически открылась наружная. Всё было как следует.

Он втянул наверх лестницу, закрыл наружную дверь и, когда так же автоматически открылась другая, поднялся в круглый коридор.

В десяти шагах от него первый люк был закрыт. Значит, Белопольский, готовясь к старту, уже запер все двери и люки на звездолёте.

Мельников подошёл к стене, осторожно ступая по мягкой обивке. Деревянной дорожки уже не было. Открыв дверцу лифта, он забрался в узкую кабину. Она

освещалась маленькой лампочкой, дававшей достаточно света, чтобы различать кнопки на щитке. Убедившись, что дверца плотно закрыта, Мельников нажал одну из них. Кабина двинулась вперёд и помчалась по стальной трубе. Через несколько секунд вспыхнула на щитке зелёная лампочка, потом жёлтая. Мельников ничего не предпринимал. Кабина остановилась. Он почувствовал, как она вместе с ним повернулась, встав почти вертикально, и стала подниматься. Снова загорелась зелёная, затем жёлтая лампочка. Он нажал одну из кнопок. Если бы он не сделал этого, лифт перенёс бы его ещё выше, в третий коридор, а ему был нужен второй. Кабина снова приняла горизонтальное положение, прошла небольшое расстояние и остановилась. Он открыл дверцу и вышел.

Автоматический лифт звездолёта работал точно, и Мельников оказался там, где хотел, — на командном пункте, расположенном почти в носовой части. Впереди была только обсерватория.

Белопольский сидел в мягком кресле перед огромным пультом. На трёх экранах, расположенных в центре, виднелись стены стартовой площадки. Два боковых экрана были тёмными.

Мельников окинул взглядом длинные ряды лампочек. Они всё горели зелёным светом. Это означало, что все помещения корабля готовы к старту.

Он сел рядом с Белопольским и застегнул ремни, плотно прижавшие его к креслу.

Вделанные в пульт большие часы с секундной стрелкой, бегавшей по всему циферблату, показывали

без пяти минут двенадцать.

«СССР-КС2», из-за недостаточной скорости, должен был точно выдерживать время старта. «СССР-КС3» мог взять старт когда угодно, в пределах нескольких часов. Скорость корабля была так велика, что это не играло никакой роли. В Солнечной системе, кроме Меркурия, не было планеты, которая двигалась бы по своей орбите быстрее, чем корабль – последнее достижение конструкторского бюро, руководимого Камовым. Мельников знал, что старт должен был состояться около двенадцати.

– Проверьте экипаж! – приказал Белополюский.

Сам он быстро нажимал различные кнопки, и разноцветные лампочки, вспыхивая и погасая, давали ему ответы на эти немые вопросы, обращённые к стенкам корабля, двигателям и приборам автоматики.

Мельников включил правый боковой экран, и на нём появился светлый прямоугольник. Потом он увидел внутренность одной из общих кают. В ней находились шесть человек. Они лежали в мягких кожаных «люльках», прикреплённых к стенам резиновыми амортизаторами. Пайчадзе стоял возле своей «люльки» и смотрел на экран.

– Готовы? – спросил Мельников.

– Готовы, товарищ заместитель начальника экспедиции, – чётко ответил Пайчадзе, официальным тоном подчёркивая торжественность минуты.

– Ложитесь! Сейчас подниму корабль.

Остальные четверо находились в другой общей каюте, появившейся на экране, как только Мельников

нажал нужную кнопку. Профессор Баландин отвечал так же официально, как и Пайчадзе.

– Экипаж готов, – доложил Мельников.

– Поднимайте корабль!

Мельников повернул окрашенную в синий цвет ручку. Тотчас же он почувствовал, что нос звездолёта начал приподниматься. Это было заметно по экранам и изменению направления силы тяжести.

На средних экранах проплыли вниз бетонные стены, показалось небо, потом весь ракетодром. Можно было различить крохотные здания Камовска, купол обсерватории и даже межпланетный вокзал.

Мельников подумал о том, с каким волнением наблюдают это медленное появление корабля «из-под земли» все собравшиеся проводить их. Оно означало, что через несколько минут звездолёт оторвётся от стартовой площадки и в ужасающем грохоте своих двигателей, со всё увеличивавшейся скоростью прочертит огненную траекторию и меньше чем через минуту скроется от глаз и биноклей в голубой бесконечности.

– Приготовиться!

Мельников положил руку на управление механизмом «лап». Он должен был по команде быстро убрать их внутрь корабля. Другой рукой он нажал кнопку сигнала.

Во всех помещениях звездолёта прозвенел дробный звонок, предупреждающий о старте.

Белопольский уверенно и спокойно переставил стрелки на круглых циферблатах: одну на цифру «2000», другую на «20». Потом повернул красную

ручку и включил автопилот.

Оставалось нажать кнопку пуска – и звездолёт отправится в путь с ускорением в двадцать метров и через две тысячи секунд, то есть через тридцать три минуты и двадцать секунд, полетит по инерции со скоростью сорок километров в секунду.

– Готов? – отрывисто сказал Белопольский.

– Готов! – ответил Мельников.

Стрелки часов показывали двенадцать и три минуты. Белопольский нажал красную пусковую кнопку.

Чуть заметная дрожь корпуса корабля передалась через приборы управления рукам Мельникова.

По-прежнему на командном пункте была полная тишина, но он хорошо знал, что чудовищный грохот сотрясает сейчас воздух на несколько километров вокруг. Огненный вихрь бушует в узком пространстве между кормой звездолёта и стенками стартовой площадки, взлетая вверх клубами чёрного дыма. Плавится бетон, превращаясь в раскалённую добела жидкую массу. Шестнадцать могучих двигателей работают одновременно, преодолевая тяжесть сотен тонн исполинского корабля.

Секунда... вторая... и ощущение повышенной тяжести показало, что звездолёт покинул площадку и начал свой ускоряющийся полёт.

Всё быстрее и быстрее.

Стрелка указателя скорости неуклонно скользила по циферблату. 20, 40, 60, 80, 100, 120...

«СССР-КСЗ» поднимался всё выше.

Корпус перестал дрожать. Часть двигателей прекра-

тила работу, оставшиеся включёнными работали уже спокойно и равномерно. Для тех, кто был на Земле, грохот постепенно утихал, теряясь в воздушных просторах. Внутри корабля царила полная тишина.

Почти лёжа на спинке кресла, стараясь не делать никаких движений, Мельников вспомнил предыдущие старты. Тогда экипаж надевал специальные шлемы для защиты ушей от страшного грохота двигателей. На этом корабле не было никакой нужды в таких шлемах. Совершенная звукоизоляция не пропускала ни малейшего гула.

Двенадцать часов восемь минут...

С Земли их уже не видно. Звездолёт поднялся в самые верхние, разреженные слои атмосферы.

Там, внизу, зрители покидают окрестности Камовска. Через три месяца они вновь соберутся здесь, чтобы встретить вернувшийся корабль. Ольга, наверное, не ушла с крыши вокзала и всё ещё смотрит вверх, – туда, где исчез построенный её отцом корабль, унёсший её мужа навстречу неведомой судьбе.

Увидит ли он её? Вернётся ли обратно?..

На экранах голубое небо постепенно темнело, становилось синим, потом фиолетовым. Появились отдельные звёзды. Внизу правого экрана виднелся кусочек Земли – туманная масса с ясно видимой кривизной поверхности.

Всё больше и больше сверкающих точек звёзд. Фиолетовый цвет переходил в чёрный.

Распахнулись перед «СССР-КСЗ» необъятные просторы Вселенной. Где-то там, среди бесчисленных яр-

ких точек, находится Венера – сестра Земли – конечная цель далёкого пути.

Всё быстрее врезывается в пустоту стальной корпус. В безвоздушном пространстве не слышно работы двигателей. Огненная полоса стремительно отлетает назад. Чуткие невидимые лучи радиопрожекторов несутся вперёд, опережая корабль, охраняя безопасность его экипажа.

На ленте локационного прибора перо вычерчивает ровную линию.

Путь свободен!

БУДНИ ПОЛЁТА

– В конце восемнадцатого века астрономы Боде и Тициус сделали интересное открытие. Чисто эмпирическим путём они нашли числовой ряд, довольно точно выражающий действительные расстояния от Солнца первых семи планет: Меркурия, Венеры, Земли, Марса, Юпитера, Сатурна и Урана – в радиусах земной орбиты, или в так называемых астрономических единицах. Нептун и Плутон в то время были ещё неизвестны. Взяв числа «0», «0,3», «0,6» и так далее, каждый раз увеличивая предыдущие в два раза, а затем, прибавив к каждому из них «0,4», они получили следующий ряд чисел... – Леонид Николаевич Орлов повернулся к доске и написал на ней крупным отчётливым почерком: «0,4; 0,7; 1,0; 1,6; 2,8; 5,2; 10,0; 19,6».

Левой рукой он крепко держался за укреплённую в стенке ремённую петлю, но при каждом нажиме мела на

доску его тело отклонялось в сторону и приходилось подтягиваться обратно. Писать в условиях невесомости было трудно, но за прошедшие десять дней Орлов приобрёл некоторый опыт. По поручению Пайчадзе, он уже три раза читал членам экспедиции небольшие лекции. Сегодняшней темой была «Арсена», к которой приближался «СССР-КСЗ».

– В этом ряду, – продолжал астроном, – обращает на себя внимание одно странное обстоятельство. Если первые четыре цифры соответствуют расстояниям от Солнца до Меркурия, Венеры, Земли и Марса, то Юпитер почему-то попадает не на пятое место, а на шестое, Сатурн на седьмое, а Уран на восьмое. Закономерность, которая не может быть случайной, нарушается. Пятая цифра ряда «2,8» выпадает. Планеты, находящейся на таком расстоянии, не существует. Получается как бы разрыв между Марсом и Юпитером. Как я уже говорил вам, в этом месте Солнечной системы расположен пояс астероидов, крохотных планеток, размером от семисот семидесяти километров в диаметре² и до одного километра и меньше. В настоящее время нам известно несколько тысяч астероидов. Большинство из них имеет резко выраженную неправильную форму. Естественно, возникло предположение, что в далёком прошлом между Марсом и Юпитером существовала ещё одна планета, по неизвестной причине распавшаяся на части и что астероиды – обломки этой планеты. Окончательное доказательство

² Астероид Церера.

наука, может быть, получит после того, как мы с вами побываем на Арсене и обследуем её. Мне остаётся рассказать вам о том, что представляет собой Арсена. Её диаметр, в наиболее широкой части, равен сорока восьми километрам, и, по-видимому, этот астероид состоит из железа и гранита. По размерам Арсена равна астероиду Ганимед, открытому астрономом Бааде в 1924 году. Масса Арсены меньше Земли почти в тридцать два миллиона раз, и, следовательно, сила тяжести на ней составляет всего одну двести восемьдесят восьмую земной тяжести. Человек, весящий на Земле семьдесят килограммов, на Арсене будет весить приблизительно двести сорок пять граммов. При таком малом весе достаточно сделать лёгкое усилие, чтобы подняться на значительную высоту. Ходить по Арсене будет очень трудно.

– Нам помогут магнитные подошвы, – вставил инженер Зайцев.

– Но даже с ними придётся быть осторожными. Мускульная сила человека чрезмерно велика для таких условий.

– Научимся быстро, – сказал Князев.

С оптимизмом юности он всё считал очень простым и легко выполнимым.

В красном уголке звездолёта собрались почти все участники экспедиции. Шарообразное помещение было лишено мебели. Кроме телевизионного экрана, непременной принадлежности всех кают на корабле, в нём ничего не было. Мягкие стены были обиты кожей голубого цвета.

Для проведения лекции в красный уголок принесли небольшую чёрную доску. Она «висела» на стене, ничем к ней не прикреплённая. Лектор и его слушатели находились возле этой доски в разнообразных позах прямо в воздухе. Звездоплаватели успели уже привыкнуть к отсутствию веса и чувствовали себя вполне уверенно, но некоторые всё же держались за ремённые петли.

Странно выглядела эта группа людей, непринуждённо расположившаяся без всякой опоры в центре пустого шара. Электрический свет освещал их одновременно со всех сторон. Лица и фигуры выглядели плоскими, отсутствие на них теней уничтожало рельеф лица и одежды.

Космический корабль казался неподвижным. Ничто не указывало на умопомрачительную быстроту, с которой мчался «СССР-КСЗ» в безвоздушном пространстве.

– Когда мы прибудем на Арсену? – спросил Андреев.

– Через пятьдесят часов. По земному календарю – 2 июля, между одиннадцатью и двенадцатью часами.

– И пробудем на ней?..

– Приблизительно часов двадцать. Этого времени должно хватить на выполнение намеченного плана работ. Но может случиться, что мы найдём что-нибудь интересное. Тогда, возможно, задержимся.

– А Венера? – спросил Князев. – Не убежит от нас?

Орлов улыбнулся своей приятной, словно освещающей улыбкой.

– Скорость Венеры по орбите, – сказал он, – на пять

километров меньше, чем скорость «СССР-КСЗ». Это во-первых. А во-вторых, траектория нашего полёта зависит от нас самих. Её можно изменить и встретиться с планетой в какой-нибудь другой, более выгодной точке. Мы будем на Венере 10 июля при любых обстоятельствах.

Раздался негромкий звонок. Засветился экран, и на нём появилось лицо Игоря Топоркова – радиотехника корабля.

– Константин Васильевич здесь? – спросил он.

Зайцев подтянулся с помощью ремня ближе к экрану.

– Зайдите на радиостанцию, – сказал Топорков. – Вас вызывает Земля.

Зайцев слегка оттолкнулся от стены и подплыл в воздухе к двери. Нажав кнопку, он сдвинул в сторону круглую крышку люка и «вышел» в коридор. Чуть касаясь руками стен, он быстро плыл, как фантастическая воздушная рыба, к носу звездолёта.

Радиостанция помещалась рядом с рубкой. Это была небольшая каюта, такая же круглая, как и все помещения корабля, но обитая не кожей, а бархатом. Приёмник и передатчик занимали больше половины её объёма.

Собственно радиостанция была невелика, она работала на полупроводниках вместо ламп, но много места занимали мощные усилители для передачи и приёма радиogramм на расстояния многих миллионов километров. Связь с Землёй осуществлялась на сверхультракоротких волнах, которые по пути от корабля к Земле кратно проходили через промежуточно-усилительные станции, находившиеся на искусственных спутниках

Земли. Такие станции были необходимы, так как слой Хевисайда настолько ослаблял сигналы, что без усиления они никогда не дошли бы по назначению, несмотря на жёстко направленные антенны.

Космическая радиосвязь впервые была применена во время полёта на Луну экспедиции Белопольского-Пайчадзе и теперь проходила окончательные испытания. Все станции – земная, корабельная и находившиеся на спутниках – были сконструированы при непосредственном участии Топоркова, и он сам проводил испытания в обоих рейсах. Члены экспедиции ежедневно имели возможность поговорить со своими близкими.

До сих пор связь не прерывалась и, по расчётам Топоркова, не должна была прерваться до самой Венеры. Будет ли она действовать с поверхности планеты, через её атмосферу, сказать, конечно, нельзя было. Венера находилась ближе к Солнцу, чем Земля, и интенсивность солнечной радиации в верхних слоях её атмосферы должна была быть во много раз более сильной. Смогут ли радиоволны пробить, безусловно, существующий на Венере ионизированный слой, как они это смогли сделать с земным, покажет будущее.

Когда Зайцев, убедившись предварительно, что над дверью горит зелёная лампочка, «вошёл» в кабину, у аппарата находились Топорков и Мельников. Борис Николаевич только что поговорил с Ольгой.

Топорков протянул Зайцеву микрофон:

– Ваша жена и сын ждут вас.

– Константин Зайцев у телефона, – сказал инженер,

рассмешив этой фразой обоих своих товарищей. И спокойно положил микрофон в специальное гнездо. Ответ мог прийти только через семь минут. За десять суток звездолёт пролетел свыше тридцати пяти миллионов километров, и сейчас его отделяло от Земли расстояние в шестьдесят миллионов километров. Земля не стояла на месте, а удалялась в противоположную сторону. «СССР-КСЗ», используя притяжение Солнца, летел к Венере по направлению, обратному движению Земли по орбите, навстречу её «сестре».

– Звук очень ослабел, – озабоченно сказал Топорков.

Зайцев и Мельников посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Каждый день они слышали эту стереотипную фразу, Игорь Дмитриевич болезненно переживал ослабление звука, неизбежное с увеличением расстояния, и ему всегда казалось, что станция работает хуже, чем на самом деле. Он часами возился с ней и всегда был недоволен её работой.

– Придётся поставить дополнительные генераторы.

– Пока в этом нет нужды, – возразил Мельников. – Радиосвязь работает бесперебойно и достаточно хорошо. Подождём.

Он знал, что если дать Топоркову волю, то задолго до прилёта на Венеру станция останется без всяких резервов мощности, а их следовало сохранить.

– Хотя бы один!

– Нет! – Мельников постарался придать своему голосу как можно больше строгости. – Я запрещаю вам это делать... Что вы выдумываете, Игорь Дмитрие-

вич? — добавил он более мягко. — Я только что говорил с Землёй и прекрасно всё слышал.

Семь минут, наконец, прошли, и Зайцев, надев на-ушники, выслушал всё, что хотели ему сказать жена и сын. Проговорив ответ, он вместе с Мельниковым вышел из каюты. Время было ограничено, и членам экспедиции разрешалось обмениваться со своими родными только одной фразой. Место у микрофона уже занял профессор Баландин.

Радиосвязь доставляла звездоплателям много радости. Сознание оторванности от Земли меньше угнетало людей, имевших возможность услышать голос близкого человека. Не было тревожной неизвестности, так сильно мучившей всех в прежних рейсах. Всё, что происходило на Земле и на звездолёте, сразу становилось известным. Краткий перечень событий в СССР и других странах передавался с Земли автоматической передачей, не задерживавшей разговора. «Космическая газета» ежедневно вывешивалась Топорковым в красном уголке.

— Борис Николаевич! — сказал Зайцев, когда за ними закрылась дверь станции. — Разрешите мне и Князеву выйти из корабля и осмотреть дюзы.

— Зачем это?

— На всякий случай. Ведь предстоит торможение при подходе к Арсене.

— И вы ещё смеётесь над Игорем Дмитриевичем! — улыбнулся Мельников. — А сами... Ничего с дюзами не случилось. Осмотр произведёте, когда корабль будет стоять на Арсене.

– Слушаюсь! – хмуро ответил Зайцев.

В кабине лифта, переносящего его в другой коридор, Мельников думал об этом разговоре. Какие люди! Каждый из них готов работать без отдыха, чтобы всё было в порядке и «СССР-КСЗ» совершил свой рейс на Венеру и обратно «без сучка и задоринки». С такими помощниками было одно наслаждение работать, но их приходилось всё время удерживать от излишней траты сил, не оправдываемой необходимостью.

В первые дни рейса это было не так заметно. Люди ещё не освоились с новой обстановкой, не имевшей ничего общего с прежней привычной жизнью. Их мысли были ещё позади, на оставленной Земле. Но постепенно эта своеобразная «инерция» начала ослабевать. И тогда все с яростью набросились на работу. Но не так просто было её найти. Добрая половина экипажа на всё, сравнительно короткое, время перелёта к Венере, казалась обречённой на безделье. Что, например, делать врачу экспедиции Андрееву, если все были совершенно здоровы и не нуждались в его помощи? Какое занятие могли придумать геолог Романов, биолог Коржевский или океанограф Баландин? Зайцев и Князев были не в лучшем положении. Все они остро завидовали астрономам, которым не надо было искать дела, – оно само шло им в руки. За бортом звездолёта расстиралось безграничное, неисчерпаемое поле деятельности. Поистине, астрономы были счастливые люди!

Но работа нашлась для всех. Прекрасно понимая, как опасно в условиях полёта не иметь определённого за-

нения, Белопольский приказал Зайцеву подготовить с помощью всех свободных участников экспедиции имевшиеся на борту самолёты, вездеходы и подводную лодку к работе на Венере, перебрать их механизмы, проверить и испытать все приборы и аппараты. Кроме того, он поставил перед старшим инженером корабля задачу – научить всех производить мелкий ремонт, чтобы каждый мог самостоятельно исправить незначительные повреждения. Топоркову было поручено научить Андреева и Коржевского работе на передвижных рациях, которыми были оборудованы все машины. Только они двое ещё не умели пользоваться радиоустановками.

В красном уголке регулярно (по уплотнённой графике) проводились занятия по астрономии, звёздной навигации, механике и теории звездоплавания.

– На космическом корабле каждый должен уметь заменить любого другого, – сказал Константин Евгеньевич. – Для многих из нас этот полёт первый, но для всех не последний. Учиться необходимо всё время.

Но, несмотря на такую нагрузку, как-то так получалось, что у каждого оставалось свободное время, которое нечем было заполнить, и это были самые тяжёлые минуты. Стоило человеку оторваться от дела, как тотчас же подкрадывались мысли о Земле, о близких людях, и незаметно возникало чувство тоски. В такие моменты члены экипажа устремлялись на радиостанцию – «читать» бортовой журнал Топоркова. Никакого журнала, конечно, не было. Разговоры с Землёй записывались автоматически на ленте магнитофона. Прослушав свой

последний разговор с женой или другим родственником, люди успокаивались.

Выйдя из лифта, Мельников направился к рубке управления. Ярко освещённые коридоры были пусты и безмолвны. Тишина, царившая на звездолёте, никогда не нарушалась. Двенадцать человек не могли заполнить исполинский корпус корабля, и невольно казалось, что в нём никого нет. В первые дни это было неприятно, но постепенно люди привыкли.

Звездолётом управлял автопилот. Войдя в рубку, Мельников внимательно прочитал записи всех приборов. Лента локатора показала, что за несколько минут до его прихода, на расстоянии трёх тысяч километров пролетел небольшой метеорит, исчезнувший задолго до того, как звездолёт достиг этой точки. Направление полёта не изменялось.

Привычно нажимая нужные кнопки, Мельников проверил состояние всех частей корабля. Разноцветные лампочки давали успокоительные ответы. Всё было в порядке. Он заметил, что в каюте номер восемь открылась дверь – соответствующая ей лампочка загорелась красным светом, – и подождал, чтобы она закрылась. Но прошла минута, а красный свет не сменился зелёным. Тогда он включил экран и соединил его с восьмым номером. Появилась внутренность каюты.

В ней находился геолог Василий Романов. Услышав звонок вызова, он повернул голову.

– Почему не закрыли дверь? – спросил Мельников.

– Виноват, товарищ начальник!

– Делаю вам замечание. В космическом рейсе рас-

сеянность недопустима.

Геолог метнулся к двери с такой стремительностью что, вероятно, больно ударился о раму. Мельников улыбнулся и выключил экран.

Хотя «СССР-КСЗ» почти не угрожала опасность со стороны метеоритов, на нём свято соблюдался закон космических рейсов – все двери и люки всегда должны быть герметически закрыты.

Из рубки Мельников направился в обсерваторию.

Она занимала всю носовую часть звездолёта. В противоположность другим помещениям, не имевшим никаких внешних отверстий, здесь были широкие окна-иллюминаторы. Они закрывались снаружи пластмассовыми щитами. Многочисленные астрономические инструменты, вычислительные машины новейшей конструкции, тут же помещавшаяся фотохимическая лаборатория – всё это оставляло мало свободного места.

Пайчадзе и Второв возились у спектроскопа, Орлов приник глазом к окуляру рефрактора, Белопольского ни было.

– Где Константин Евгеньевич? – спросил Мельников.

– Сейчас придёт, – ответил Пайчадзе, не оборачиваясь.

Здесь царила атмосфера напряжённого труда. Не желая мешать астрономам, Мельников подошёл к стене и, нажав кнопку, отодвинул в сторону плиту, закрывавшую окно.

Знакомая, много раз виденная картина звёздного мира раскинулась за бортом. Неподвижными точками горели вечные огни Вселенной. Туманная вуаль

Млечного Пути неясно проступала на «самом горизонте».

Прямо перед собой Мельников увидел висящий в пространстве косматый, с огненными выступами протуберанцев, ослепительно сверкающий шар Солнца. Звездолёт летел повернувшись к нему правым бортом.

Из всех зрелищ, которыми богато одаряла звездоплавателей Вселенная, зрелище висящего в пустоте Солнца было самым поразительным. Человек привык видеть его диск у себя над головой или перед собой, на горизонте. Но с борта корабля картина была совсем иной. Казалось, что Солнце светит снизу. Хотя на звездолёте не существовало чёткого ощущения, где «низ» и где «верх», звездоплаватели не могли отделаться от впечатления, что корабль находится выше Солнца. Почему это так происходило, никто из них не мог понять, но все одинаково поддавались этому странному обману зрения.

Мельников посмотрел назад, стараясь увидеть Землю, и вскоре нашёл её. Крупная голубая звезда сияла спокойным светом. Рядом с ней жёлтым огоньком виднелась Луна. Очень красива была эта звёздная пара.

Там, на этой затерявшейся в просторах Вселенной блестящей точке, было всё, что составляло смысл жизни экипажа «СССР-КСЗ». И там же была Ольга...

Мельников отвернулся от окна. Он старался не думать об Ольге, но это плохо удавалось. Мысли всё время возвращались к жене. Её образ всегда был перед его глазами. За время трёх предыдущих рейсов он редко вспоминал покинутую Землю, а теперь думал о ней

постоянно. Прошло только десять дней, а он уже скучал и томился разлукой. Впереди были долгие, бесконечные три месяца. Но ни разу не явилось сожаление. Если бы можно было вернуться в прошлое, он снова согласился бы лететь. Жизнь вне космических рейсов казалась ему невыносимой. И одновременно с желанием вернуться на Землю в душе Мельникова было другое – вперёд, к цели! В этом двойственном чувстве он не мог и не хотел разбираться. Стремление к Земле и стремление к Венере непонятным образом не мешали друг другу.

АРСЕНА

2 июля 19... года «СССР-КСЗ» приблизился к месту, где должна была состояться встреча с астероидом. Накануне Пайчадзе удалось найти Арсену и произвести наблюдения за её движением. Электронно-счётные машины в несколько минут произвели самый сложный расчёт траектории маленькой планетки и подтвердили, что встреча произойдёт сегодня около двенадцати часов по московскому времени. Без этих машин подобный расчёт потребовал бы нескольких месяцев напряжённой работы доброго десятка вычислителей.

С самого утра Белополюский и Мельников находились на пульте управления, готовясь к ответственному манёвру. Посадку космического корабля на астероид ещё ни разу никто не производил.

В десять часов весь экипаж был на своих местах. Зайцев, Топорков и Князев, под руководством профессора Баландина, готовились в нужный момент сбросить

на Арсену электромагнитные якоря. Пайчадзе, Орлов и Второв в обсерватории следили за планетой и сообщали на пульт о её местонахождении. Остальные собрались в резервной рубке и могли по экрану наблюдать за «приземлением».

«СССР-КСЗ» находился в ста пятидесяти семи тысячах километров от намеченной точки встречи, когда были включены двигатели для торможения с отрицательным ускорением в пять метров. Через один час сорок минут быстрота полёта снизится до десяти километров в секунду и будет немного меньше, чем скорость Арсены. Когда планета догонит звездолёт, он увеличит скорость и, в свою очередь, догоняя планету, опустится на неё.

Таков был план спуска на астероид, составленный ещё на Земле. Теперь предстояло осуществить его на практике.

Неслышно для экипажа работали могучие двигатели корабля, гася медленно и постепенно его космическую скорость. Только стрелки приборов да ещё появившееся ощущение тяжести указывали, что торможение происходит. В помещениях, где находились люди, не слышно было ни одного слова. Все молчали, охваченные волнением. Это был не страх, экипаж верил в знания и опыт командира корабля, а другое более сильное чувство — благородное волнение исследователей. Нога человека ещё никогда не ступала ни на один из астероидов, таящих в себе тайну «пятой планеты» и её гибели. Посещение людьми Арсены могло приподнять завесу над этой тайной.

В молчаливом ожидании медленно текли минуты. Звездолёт, неуклонно замедляя скорость, приближался к цели.

А с другой стороны к той же невидимой точке с равномерной, веками неизменной скоростью, летела исполинская глыба железа и камня, когда-то давно бывшая частью такой же планеты, как Земля или Марс. И, кто знает, может быть, была на этой планете и жизнь, были растения, животные, а возможно, и разумные существа, уничтоженные ужасающей космической катастрофой, причины которой могли, навсегда остаться неизвестными.

Перед глазами Белопольского и Мельникова на экране пульта была тёмная бездна с бесчисленными точками немигающих звёзд. Где-то между ними, ярко освещённая Солнцем, находилась Арсена, которую ещё нельзя было увидеть невооружённым глазом. Через каждые три минуты из обсерватории сообщали расстояние до планеты. Всё шло пока нормально. Звездолёт и астероид сближались «по плану».

Но вот Белопольский протянул руку и указал на крохотную звёздочку, появившуюся на экране. Наблюдая за ней в течение нескольких минут, Мельников убедился, что её блеск заметно усиливается. Это была Арсена. Постепенно она сдвигалась к краю экрана, и, чтобы следить за ней, пришлось включить боковой экран. Но вскоре планета исчезла и с него.

Звездолёт летел теперь впереди Арсены. Поворотом газовых рулей Белопольский постепенно изменил направление полёта, и «СССР-КСЗ» «лёг» на орбиту

планеты. Двигатели замолкли, и корабль летел по инерции со скоростью десяти километров в секунду. Солнце очутилось прямо по носу, пришлось выключить центральный экран.

Арсена догоняла корабль и через три минуты должна была оказаться в непосредственной близости к нему. Наступал решительный момент.

Мельников длительным звонком предупредил экипаж.

Как только на экране показался неровный, ломаный край астероида, включили на малую мощность один из двигателей. Звездолёт полетел чуть быстрее, заметно приближаясь к поверхности Арсены.

Подход к планете был осуществлён блестяще, со свойственной Белопольскому математической точностью. Теперь нужно было так же точно совершить спуск.

Глядя на каменный хаос, находившийся под ними, Мельников и Белопольский вспомнили первую случайную встречу с астероидом восемь лет тому назад. Арсена промелькнула тогда мимо окон «СССР-КС2» на таком же почти расстоянии.

Всё ближе и ближе, – и вот уже весь экран заполнила громада астероида. Мельников разглядел ровную площадку на одной из скал, достаточно большую, чтобы на ней мог поместиться корабль. Очевидно, и Белопольский увидел её. Он быстро нажимал кнопки управления двигателя и поворачивал ручки газовых рулей.

Каждую секунду могло произойти столкновение с многочисленными вершинами острых пиков...

До боли сжав зубы, Белопольский впился взглядом в экран.

Профессор Баландин всматривался через оптическую систему в медленно плывущую внизу панораму скал, пропастей и узких бездонных трещин. Он не видел ни одного места, на которое мог бы опуститься корабль длиной в сто пятьдесят метров, а вместе с тем по движению корабля чувствовал, что командир нашёл такое место. Высота полёта неуклонно уменьшалась.

В нескольких шагах, готовые сбросить якоря и дать в них ток, застыли у своих аппаратов Топорков, Зайцев и Князев.

Могло показаться странным, что звездолёт, находясь так близко от «земли», не падает на неё. Но «СССР-КСЗ» летел с огромной скоростью, и пока ни одна из его частей не коснулась планеты, его движение оставалось независимым от неё. Правда, действовало тяготение между Арсеной и кораблём, но оно было слабо и не мешало маневрированию.

В ту самую секунду, когда Баландин заметил, наконец, ровную площадку среди утёсов, раздался резкий, отрывистый звонок сигнала.

Три кнопки были нажаты одновременно, и сжатый воздух с силой выбросил из корабля три якоря, которые, разматывая за собой толстые тросы, помчались вниз. (Членам экипажа невольно казалось, что Арсена находится «внизу», но её на равных основаниях можно было считать и «наверху».)

По команде Баландина был включён ток, и мгновенно возникшая сила электромагнитов плотно прижала якоря

к грунту. Корабль медленно опустился под действием собственной тяжести.

Как только «СССР-КСЗ» неподвижно замер на площадке, образованной на одной из скал капризом природы, экипаж стал готовиться к выходу. Группа состояла из шести человек: Мельникова, Баландина, Романова, Второва с неизменным киноаппаратом, Топоркова с радиоприборами для геологической разведки и Коржевского. Остальные пока оставались на корабле.

Планета представляла собой хаос скал, и воспользоваться вездеходом не было никакой возможности. Под чёрным небом, усеянным звёздами, всюду, куда ни обращался взгляд, были острые, изломанные выступы, чернели глубокие ущелья, зияли пропасти, отвесно вздымались изрезанные трещинами склоны серо-стальных утёсов. Освещённые Солнцем места казались белыми, в тени был густой мрак. Никаких полутеней, как и следовало ожидать, в этом мире, лишённом и намёка на атмосферу. Контрасты белого и чёрного цвета резали глаз чёткой определённой границ. Суровой красотой веяло от этой картины мёртвого покоя.

– По сравнению с Арсеной даже Луна может показаться весёлой, – заметил Баландин.

Участники экспедиции одевались с помощью товарищей в «пустолазные» костюмы. Они были сделаны из плотного гибкого материала, покрытого металлическими пластинками, и представляли собой одно целое, исключая шлема, который надевался отдельно, как у водолазов. В очень толстые подошвы были вделаны

сильные электромагниты, соединённые проводами, идущими внутри костюма, с аккумуляторной батареей из полупроводниковых элементов, помещавшейся вместе с баллонами сжатого кислорода и приёмно-передающей радиостанцией в наспинном ранце. На груди был расположен маленький щиток управления, а на шлемах небольшой прожектор.

Под эти костюмы звездоплаватели надели «астронавтокожу». Так называли упругое трико, надевавшееся прямо на тело и закрывавшее голову, оставляя свободным только лицо. Трико было сделано из особой, сильно сжимающейся, не проницаемой для воздуха ткани, которая равномерно давила на всю кожу тела, заменяя этим обычное атмосферное давление, необходимое для человека. В случае повреждения пустолазного костюма, «астронавтокожа» предохраняла тело от разрыва внутренним давлением.

Единственным незащищённым местом оставалось лицо, но тут уж ничего нельзя было сделать. Приходилось полагаться на исключительную прочность стёкол шлема.

На Земле пустолазный костюм был очень тяжёл, но здесь он почти ничего не весил. Сила тяжести на Арсене была ничтожной.

Миниатюрный микрофон и такой же динамик, вмонтированные внутрь шлема, давали возможность «пустолазам» говорить друг с другом и с кораблём на очень большом расстоянии.

Белопольский лично проверил костюм каждого и разрешил выход. Один за другим, все шестеро прошли в

выходную камеру. Закрылась внутренняя дверь, и насосы быстро удалили воздух. Каждый доложил Мельникову, что подача кислорода в шлем идёт нормально. Тогда он нажал кнопку.

В четырёх метрах под ними была девственная почва, на которую никогда не ступала ничья нога.

– Борис Николаевич! – обратился к Мельникову Баландин. – Вам принадлежит право первым ступить на планету. Вы самый старый звездоплавателю среди нас.

Мельников подошёл к краю двери. Василий Романов ожидал, что будет установлена лестница, но, к его удивлению, заместитель начальника экспедиции просто сделал шаг в пустое пространство. Его огромная, в костюме, фигура стала медленно опускаться. Прошло не менее четырнадцати секунд, пока это странное «падение» окончилось.

Молодой геолог вспомнил лекцию Орлова об Арсене и понял, в чём дело. Притяжение планеты было так мало, что Мельников падал с ускорением всего тридцать шесть миллиметров в секунду.

Вторым прыгнул Второв. Он торопился заснять на плёнку выход из корабля. Затем на Арсену спустились и все остальные.

Стоять тут было очень трудно. При малейшем движении люди теряли чувство равновесия и качались в пустоте, словно здесь бушевал сильнейший вихрь. Они поспешили включить ток в подошвы. Железистая почва планеты хорошо притягивалась электромагнитами, и люди обрели устойчивость. Чтобы сделать шаг, приходилось даже напрягать мускулы ног. Опасность

взлететь высоко вверх при неосторожном движении больше не угрожала.

Согласно ранее разработанному плану, разбились на две партии. Профессор Баландин, Романов и Топорков занялись установкой аппаратов для радиогеоразведки. В их задачу входило определение состава внутренних пород планеты. Мельников, Коржевский и Второв должны были произвести рекогносцировку местности.

Едва они отошли от корабля, как прямо перед ними, в трёх шагах, беззвучно ударился о скалу метеорит. Вспышка огня отметила место его падения. Все трое невольно остановились. Одна и та же мысль мелькнула у всех: «А если бы метеорит попал в кого-нибудь?»

Радиопрожекторы звездолёта были выключены. При неподвижном положении корабля они были совершенно бесполезны. Избежать встречи с метеоритом,

даже зная, что он приближается к Арсене, было невозможно.

— Пошли дальше! — сказал Мельников.

На краю площадки, круто обрываясь вниз, чернела глубокая пропасть. Противоположный край находился в ста метрах. Обойти её было негде. Пропасть тянулась насколько хватал глаз, теряясь вдали в нагромождениях скал.

— Придётся идти в другую сторону, — сказал Коржевский.

— Выключить магниты! — приказал Мельников. — Прыгать, как будто ширина один метр. На той стороне сразу включить магниты обратно. Я прыгаю первым.

— Одну секунду! — сказал Второв. — Ваш прыжок надо заснять.

Мельников повернул ручку на щитке, выключая ток, и, присев, прыгнул вперёд. Его тело взвилось над про-

пастью и перелетело через неё с непостижимой лёгкостью.

Затаив дыхание, Коржевский и Второв видели, как на той стороне Мельников ударился о скалу и медленно скользнул по ней на ровное место. Они ясно слышали его прерывистое дыхание.

– Сильно ударились? – спросил Второв.

– Да, очень сильно, – ответил Мельников. – Даже в голове звенит. Прыжок был слишком резким. Прыгайте совсем слабо. По-земному – на один шаг.

– Осторожнее! – раздался в их шлемах голос Белопольского. – Борис Николаевич, – прибавил он, – может быть, вам лучше вернуться на звездолёт?

– Нет, – ответил Мельников. – Я не пострадал. Впредь буду осторожнее. Ну, что же вы? – обратился он к своим спутникам, видя, что они не двигаются с места.

– Страшновато! – сказал Коржевский.

Было психологически трудно решиться на подобный прыжок. Дно гигантской пропасти находилось неве-

домо где. Казалось немыслимым, что, сделав лёгкое усилие, можно перепрыгнуть стометровое расстояние. Сознание, привыкшее к земным масштабам, отказывалось верить тому, что только что видели глаза.

– Смелее! – услышал Коржевский голос Пайчадзе.

Биологу стало стыдно. Товарищи на корабле видят, что он боится. Он отступил на шаг и прыгнул изо всех сил.

– Что вы делаете? – раздался крик Второва.

Но было уже поздно. Коржевский, как камень, выпущенный из пращи, летел через бездну.

На размышление не было времени. Мельников сделал первое, что пришло ему в голову, – подпрыгнул и поймал товарища на лету.

Коржевский почти ничего не весил, но и Мельников весил не больше. Удар получился сильный. Оба отлетели назад и, упав, покатались по «земле».

– Я же вам сказал, – воскликнул Мельников, поднимаясь на ноги, – прыгайте на один шаг, а вы... – Он вспомнил свой собственный прыжок и закончил уже другим тоном: – Надо слушать, что говорят.

– Извините, – робко сказал Коржевский. – Я постараюсь не повторять такого промаха. Вы сильно ударились из-за меня?

– Прыгайте, Второв! – крикнул Мельников.

От пережитого волнения он забыл, что кричать ни к чему: радиоустановки в их шлемах и так работали достаточно хорошо.

Прыжок инженера оказался гораздо удачнее, чем его товарищей. Он мягко опустился рядом с Мельниковым.

– Молодец! – раздался голос Пайчадзе.

– У меня сердце замерло, когда вы прыгнули, – сказал Второв – Хорошо, что Борис Николаевич догадался перехватить вас. Вы могли разбить стёкла шлема.

– Я тоже подвергся этой опасности, – миролюбиво сказал Мельников – Пошли дальше!

Но идти, собственно, было некуда. Со всех сторон вздымались почти отвесные скалы. Мельников измерил взглядом их высоту.

– Метров шестьдесят, – сказал он. – На Луне я быстро научился соразмерять силы с расстоянием. Тут требуется известное воображение. Надо представить себе, что высота меньше во столько раз, во сколько меньше сила тяжести. Шестьдесят метров на Арсене – это то же самое, что четверть метра на Земле. На всякий случай, возьмём чуть больше.

Он присел и подпрыгнул.

Эффект получился совершенно непредвиденный. Мельников взлетел вдвое выше, чем следовало. На мгновение он повис на стометровой высоте, потом медленно стал падать на вершину утёса. Он видел внизу широкую панораму скал Арсены, ограниченную до странности близким горизонтом, а прямо под собой крохотные фигурки своих спутников. Казалось, совсем рядом с ними ослепительно блестела под лучами Солнца «крыша» звездолёта.

Скорость падения постепенно возрастала. Мельников с тревогой думал, попадёт ли он на вершину утёса.

На Земле он давно бы разбился. Он падал уже секунд десять, но всё ещё находился на большой высоте. В

шлеме раздавались взволнованные голоса товарищей, следивших за его полётом.

– По-моему, он опустится на самый край вершины, – услышал Мельников голос Баландина.

– Я тоже так думаю, – ответил ему Белополюский. – Насколько можно судить по экрану, Борису Николаевичу придётся падать метров пятьдесят – шестьдесят. Это займёт около минуты.

– А он не разобьётся? – спросил Второв.

– Нет. Скорость в конце падения будет не больше двух метров в секунду.

– А если он промахнётся и не попадёт на вершину?

– И тогда нестрашно, – ответил сам Мельников. – Но я уже на месте.

Действительно, как раз в этот момент он опустился на самый край утёса и поспешил включить ток в подошвы, чтобы закрепиться.

Здесь была сравнительно большая ровная площадка. За ней тянулся пологий склон, а дальше снова виднелась широкая пропасть.

– Арсена мало пригодна для прогулок, – сказал Мельников, поделившись с товарищами своими наблюдениями.

Коржевский и Второв присоединились к нему. Они учли опыт Мельникова и «перепрыгнули» всего на несколько метров.

– Сплошная фантастика! – заметил Коржевский. Вторую пропасть преодолели уже легко и уверенно. Мускулы приспособились к необычным условиям.

СЕНСАЦИОННОЕ ОТКРЫТИЕ

Дикий характер местности не изменялся. Как и в начале пути, всюду были только утёсы, пропасти и трещины. Идти можно было в редких случаях. Всё время приходилось прыгать – вперёд, вверх или вниз. Через час такого пути они настолько привыкли, что перелезали через препятствия без всякой подготовки все трое одновременно.

Иногда, дойдя до относительно ровного места, кто-нибудь прыгал вверх, употребляя всю силу ног. Поднявшись на чудовищную высоту, откуда открывался широкий кругозор, разведчик сообщал товарищам, что он видит. Обратное падение происходило так медленно, что он успевал зарисовать план местности. Это помогало выбирать дорогу. Конечно, во время таких подъёмов вид Арсены «с птичьего полёта» снимали: Второв – киноаппаратом, а его товарищи – фотоаппаратами.

«СССР-КСЗ» давно скрылся из виду. Звездоплыватели были одни среди хаотической путаницы скал. Как и следовало ожидать, нигде не попадалось ни малейших следов растительности. Всюду голый камень, преимущественно серого цвета.

Иногда заходили под нависшую скалу, и тогда можно было наблюдать интересную картину. Человек, как только его закрывала тень, мгновенно пропадал из глаз, словно растворившись во мраке. Причиной этого явления было отсутствие атмосферы, которая на Земле

рассеивает лучи Солнца, препятствуя полному мраку даже в самой густой тени. Вспыхивал прожектор на шлеме, и казалось, что в чёрной пустоте плавает неведомо откуда взявшийся белый шар.

На открытых местах было почти жарко, но, когда заходили в тень, тело мгновенно охватывал жестокий мороз; приходилось поспешно включать электрическое отопление.

Часто попадались глубокие пещеры. Одна из них тянулась так далеко внутрь горы, что разведчики повернули обратно, не дойдя до её конца.

Они не пропускали ни одной трещины без того, чтобы тщательно не осмотреть её. Трещины были узки, редко достигали двух метров ширины, и очень глубоки. Один из звездоплывателей обвязывался бечёвкой, которая была так тонка, что на Земле не выдержала бы тяжести даже грудного ребёнка, и товарищи опускали его вниз. Во время одного из таких спусков Второв обнаружил какой-то красноватый камень. Отколов порядочный кусок, он поднялся наверх.

Коржевский внимательно осмотрел находку.

— Это никелистое железо, — сказал он. — Его цвет показывает, что в нём много кислорода. Вы сделали чрезвычайно ценную находку. Она прольёт свет на происхождение Арсены.

Добычу уложили в мешок. В нём было уже много образцов, и на Земле он весил бы, вероятно, четверть тонны. Но звездоплыватели уже забыли о существовании в природе тяжести.

Увлечённые своими исследованиями, они не заме-

тили, как Солнце всё ниже опускалось к горам. Внезапно хлынувшая тьма застала их врасплох.

– Этого надо было ожидать, – сказал Мельников. – Арсена довольно быстро вращается вокруг оси. Но ночь долго не продлится.

Местность, малопригодная для передвижения днём, ночью была совершенно непроходима.

– Надо вызвать радиостанцию корабля, – посоветовал Коржевский.

– Я вас слушаю, – ответил голос Пайчадзе.

– Темнота поймала нас в ловушку – Мельников улыбнулся, представив себе, с каким выражением лица слушает его всегда склонный к насмешке Арсен Георгиевич. – Долго продлится эта ночь?

– Старожилы говорят, что часа два. Мы почти на полюсе. Арсена вращается «лёжа». День – шесть часов, ночь – два. Вам не холодно?

– Нет. Отопление костюма хорошо работает. Даже жарко.

– Ну так спите спокойно. Хищных зверей здесь нет.

– Закусим! – предложил Второв.

Трое товарищей нажали кнопки на своих щитках. Тотчас же они почувствовали, как ко рту подвинулась гибкая трубка, идущая от термоса с горячим шоколадом. Утолив голод, они приготовились терпеливо ждать утра.

К микрофону подошёл Белопольский, и Мельников подробно рассказал ему обо всём, что видели разведчики. Когда он упомянул про найденное Второвым железо, Константин Евгеньевич, волнуясь, воскликнул:

– Кислород! Если это так, то отпадают последние сомнения. Железо окислилось на воздухе. Воздуха не может быть на астероиде таких маленьких размеров. Арсена – обломок планеты.

– Я тоже так думаю.

Ночь показалась им длинной. Никто не садился на «землю», так как, не имея почти никакого веса, они отлично чувствовали себя на ногах.

Трое людей молча стояли на вершине скалы. При свете звёзд они смутно различали неясные тени друг друга. Глубокая тишина окружала их.

Мельников почувствовал, что стоявший рядом Коржевский тронул его за плечо. В призрачном мраке он различил протянутую руку биолога. Обернувшись, увидел на чёрном бархате неба, усеянном бесчисленными звёздами, яркую голубую точку. Рядом виднелась другая – жёлтая.

Земля!

За десятки миллионов километров родная планета посылала им, одиноко стоявшим на голой скале, среди пустоты и мрака, молчаливый привет.

И вдруг под металлическим шлемом в ушах Мельникова зазвучали стихи. Это было так неожиданно, что в первую секунду он не поверил своему слуху.

Никогда не забуду он был – или не был,
Этот вечер: пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на жёлтой заре – фонари.

Декламировал Второв. Вероятно, он совсем не думал, что его кто-то может слышать, и говорил для себя. Это было похоже на бред.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви...

Трудно было придумать, что-нибудь другое, что так не соответствовало бы окружавшей их обстановке. Стихи Блока звучали дико и нелепо:

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Коржевский вдруг нервно засмеялся и тотчас же смолк. Его смех прозвучал ещё более странно, чем стихи Второва. Мельников, не видя, почувствовал, как молодой инженер вздрогнул.

– Доканчивайте, – тихо сказал Мельников.

Но из глубины зеркал ты мне взоры бросала,
И, бросая, кричала: – Лови!..

А вокруг расстилась безграничная пустота. Голубой точкой, не имевшей даже диаметра, сверкала бесконечно далёкая Земля. Жизнь, чуждая, непонятная, промелькнула, как сказочное видение.

«Как он ещё молод!» – подумал Мельников.

– Вы ничего другого не смогли придумать? – слышался голос Топоркова. – Если вам нужно искусство, я могу включить для вас магнитофон.

И неожиданно, среди ночного безмолвия астероида, зазвучали нежные, пленительные звуки увертюры из «Лебединого озера».

– Откуда это у вас? – спросил Мельников после нескольких минут ошеломлённого молчания. – Нашли время и место для концерта!

– Разве плохо? – сказал Пайчадзе.

Было слышно, как на радиостанции звездолёта несколько человек рассмеялось. Очевидно, там собрались все участники экспедиции. Тревога за друзей, находившихся неизвестно где, заставила их всех прийти к радиоаппарату – единственному связующему звену.

Мельников, Коржевский и Второв почувствовали тёплую признательность. Товарищи здесь, с ними. В полной темноте, на голой скале Арсены они не одиноки.

Музыка Чайковского смолкла.

– Дать ещё что-нибудь? – спросил Топорков.

– Хватит! – ответил Мельников. – Утро уже близко. Спасибо!

Прошло не больше пятнадцати минут, и слева от них, на невидимом горизонте, неожиданно вспыхнула ярко-белая ломаная линия. Точно кто-то огромный исполинским пером вычертил на чудовищной величины ленте неизвестно что означающую кривую.

Поднималось Солнце. Ещё невидимое, оно освещало вершины гор и неровную цепь утёсов.

Потом как-то сразу, Солнце поднялось, и очередной день Арсены вступил в свои права. Причудливый и мрачный пейзаж показался им весёлым после зловещего мрака ночи.

Коржевский посмотрел на Второва.

– Что это вам вздумалось, Геннадий Андреевич? – спросил он, но в тоне вопроса не чувствовалось насмешки. Голос биолога звучал ласково.

Сквозь «стекло» шлема было видно, как Второв сильно покраснел.

– Право, не знаю, – ответил он с явным смущением. – Это получилось как-то помимо меня, нечаянно. Глупо, конечно, – прибавил он.

– Нет, почему глупо? Немного странно, это правда, но не глупо.

Коржевский провёл рукой по плечу Второва. Лицо биолога, очень похожее на лицо Чернышевского – только без очков, – было непривычно мягко. Мельников с удивлением посмотрел на него.

Подобно Белопольскому, Коржевский редко улыбался и всегда выглядел суровым и каким-то «неприступным». Он почти не вступал в разговоры, а когда к нему обращались, отвечал коротко и сухо. Даже в кают-компании во время обеда или ужина он казался погружённым в свои мысли. Беседы о Земле, возникавшие постоянно между членами экипажа, как будто совсем его не затрагивали, и он ничем не высказывал интереса к ним. Многие, да и сам Мельников думали, что польский учёный нисколько не скучает по Земле, не думает о ней. И вот сегодняшняя ночь показала, что они оши-

бались. Если бы биолог не скучал по Земле, на него не произвели бы впечатления так неожиданно прозвучавшие стихи.

«Чтобы узнать человека, нужно время, – подумал Мельников. – Когда-то я был совсем другого мнения о Белопольском, чем теперь».

Он почувствовал, что и Коржевский и Второв стали ему как-то ближе, понятнее после этого, в сущности незначительного, эпизода.

Как только лучи Солнца коснулись разведчиков, они выключили искусственное тепло, в котором не было больше нужды, и пошли дальше.

Опять начались бесконечные прыжки, спуски в трещины и внимательный осмотр всего, что попадалось по пути.

Часа через полтора подошли к краю отвесного обрыва. Внизу, на глубине около пятисот метров, расстилалась круглая долина, более обширная, чем встречавшееся до сих пор. С этой страшной высоты она казалась ровной и гладкой.

– Тут, пожалуй, уже не прыгнешь, – сказал Второв.

– Почему? – возразил Мельников. – Прыгнуть вполне возможно. Это всё равно что два метра на Земле. Скорость в конце прыжка не превысит шести метров в секунду. Но дело в том, как вернуться обратно. Обратите внимание: котловина окружена со всех сторон отвесными стенами. Не правда ли, она похожа на гигантский искусственный колодец.

– Правда, похожа, – согласился Коржевский. – Любопытный каприз природы. Но если можно спрыгнуть с

высоты двух метров, как вы сказали, то совершить такой же прыжок вверх никто из нас не сможет.

– Неужели нам придётся уйти, не обследовав эту странную котловину? – Второв наклонился и пристально взгляделся в дно пропасти. Отсутствие воздуха создавало идеальные условия видимости. – Вот там, мне кажется, какие-то непонятные выступы. Странная форма.

Мельников взгляделся. Обладая острым зрением, он увидел что-то очень напоминающее развалины.

– Как жаль, что мы не можем пользоваться биноклями, – сказал он. – Там, действительно, что-то новое.

– Бечёвки не хватит, – сказал Коржевский.

Уходя в разведку, они взяли с собой четыре мотка крепкого шпагата, метров по восемьдесят каждый.

– Дайте-ка мне руку, – попросил Второв.

Он совсем свесился над краем бездны. Мельников легко удерживал его почти невесомое тело.

Глубоко внизу Второв увидел то, что искал. Стена была не совсем гладкой, он разглядел неширокий каменный карниз.

– Как раз то, что надо, – сказал он, поднимаясь. – На Земле я шутя брал с разбега полтора метра. Правда, в этом костюме я значительно тяжелее, но думаю, что на метр подпрыгнул бы. Значит, здесь на двести пятьдесят метров с лишним. Этого достаточно.

– Очень рискованно, – сказал Мельников.

– Почему, Борис Николаевич? Допустим, что я не смогу выбраться обратно. Тогда вы оба вернётесь на корабль и принесёте длинную верёвку. Если не задер-

живаться в пути,
на это потребуется
не больше двух часов.

— Что вы хотите де-
лать? — услышали они
вопрос Белопольского.

Мельников расска-
зал, особо подчеркнув
странную форму кам-
ней, делающую их по-
хожими на развалины.

— Какая вы говорите
глубина?

— Не более пятисот
метров.

— Хорошо! — решил
Белопольский. — По-
пробуйте!

Мешок с камнями
привязали к концу

первого мотка. Если шпагат выдержит его тяжесть, то и человека выдержит и подавно, даже такого, как Второв. Вместе с пустолазным костюмом он весил не больше семисот граммов.

Мешок пошёл вниз. Когда первый моток кончился, к нему привязали конец второго. На половине четвёртого мотка мешок лёг на карниз.

– Примерно триста метров, – сказал Мельников. – Во всяком случае, если верёвка и разорвётся, вы не рискуете разбиться.

– Всё будет хорошо, Борис Николаевич.

Мешок подняли и вместо него привязали Второва. Киноаппарат он оставил, взяв фотокамеру.

Хотя Мельников и знал, что на Арсене не очень опасно падение с высоты полкилометра, он с тревогой наблюдал, как Коржевский осторожно опускал Второва вниз. Падение не угрожало переломом костей, но могли разбиться стёкла шлема, и тогда – мгновенная смерть. Правда, это было не стекло, но всё же... Кроме того, пропасть была так глубока, что никакие рассуждения о разнице между Арсеной и Землёй не могли избавить от лёгкого головокружения при взгляде на подножие скалы, исчезающее где-то далеко-далеко внизу.

Металлическая голова Второва становилась всё меньше и меньше...

Почувствовав под собой выступ карниза, инженер включил ток и, твёрдо став на ноги, отвязал верёвку. Посмотрев наверх, он не увидел своих товарищей. Трехсотметровая стена уходила, казалось, к самым звёздам. Солнце сияло прямо над головой, окружённое огненным кольцом протуберанцев. Сквозь костюм чувствовались его горячие лучи.

Второву показалось, что кругом какая-то особенная тишина, не такая, как наверху. Им внезапно овладело томящее чувство одиночества. Прислонившись к стене, он несколько мгновений стоял неподвижно, стараясь совладать со своими нервами. Мрачный, чёрно-белый пейзаж показался ему враждебным.

«Почему они молчат?» – подумал он о Мельникове и Коржевском.

И вдруг услышал далёкие голоса. Он ясно различил голос профессора Баландина и ответивший ему голос Белопольского. Потом он услышал, как Пайчадзе окликнул Мельникова и спросил его, как идёт дело. Борис Николаевич ответил: «Опускаем Второва вниз».

Так вот почему они не подают голоса, думают, что он ещё не достиг карниза.

Второв посмотрел на верёвку. Она всё ещё опускалась и ложилась кольцами у его ног. Коржевский не замечал, что груз стал меньше.

– Что-то невероятное! – сказал Второв, и эти громко произнесённые слова сразу стряхнули с него непонятное оцепенение.

– Что вы сказали, Геннадий Андреевич? – спросил, очевидно не расслышав, Мельников.

– Я говорю, что вы опускаете пустую верёвку. Неужели Станислав Казимирович не замечает, что я уже на карнизе?

– Далеко до дна?

– Метров сто восемьдесят. Прыгаю!

Ощущение одиночества бесследно исчезло. Природа Арсены уже не казалась враждебной. Голоса товарищей вернули спокойствие и решимость.

Карниз был не так узок, как казалось сверху. От стены до его края было метра два. Второв подошёл к обрыву и, не задумываясь, шагнул в пустоту.

Падение продолжалось более полутора минут. Мимо него, всё быстрее, плыла вверх уже не гладкая, а изрезанная трещинами стена пропасти. Иногда приходилось отталкиваться ногой от выступов, преграждавших дорогу.

Он хорошо видел дно. Оно было до странности гладким, словно залитым асфальтом. Это было похоже на огромную городскую площадь. Только вместо домов кругом поднимались отвесные стены. Посредине возвышалась груда камней, которая отсюда ещё больше походила на развалины гигантского здания.

Коснувшись дна, Второв включил магниты и легко удержался на ногах. Сообщив товарищам о благополучном приземлении, он пошёл к центру, до которого было метров шестьсот.

С момента выхода из корабля прошло около семи часов, но Второв не чувствовал усталости. За это время

он почти ничего не ел, но голода не ощущал. Расход энергии на Арсене был ничтожно мал. Воздуха должно было хватить ещё на четыре часа. Правда, нужно выбраться отсюда и вернуться на звездолёт, но всё же не к чему было особенно торопиться. Второв решил тщательно осмотреть странную котловину.

Электромагнитные подошвы как бы прилипавшие к почве, делали шаг обычным земным шагом. Второву понадобилось несколько минут быстрой ходьбы, чтобы добраться до загадочных развалин. Часто попадались длинные извилистые трещины. Он легко перепрыгивал через них, даже не выключая тока. Поверхность дна была поразительно ровной. Если это был не асфальт, то что-то чрезвычайно на него похожее.

Котловина так резко отличалась от всего, что они видели на Арсене, что Второв всё больше и больше изумлялся. Ему невольно начало казаться, что это не «игра природы», а искусственная площадь с развалинами здания, опустившаяся при гибели планеты.

Он всё больше и больше ускорял шаг.

Качавшиеся издали небольшими, развалины быстро увеличивались в размерах. Это было нагромождение огромных камней.

Второву внезапно бросились в глаза ровные границы и прямые углы занятой камнями площади. Ему показалось, что это квадрат, каждая сторона которого имела не меньше ста метров длины.

Он остановился, охваченный сильнейшим волнением. Неужели перед ним действительно развалины сооружения неведомых обитателей погибшей планеты,

обломком которой является Арсена?

В расположении каменных выступов он уже ясно видел какой-то определённый, но пока не уловимый порядок. Ближайший к нему камень, составлявший угол квадрата, был значительно выше остальных. Это не могло быть делом случая.

– Наконец-то! – прошептал он.

Но, как ни тихо было произнесено это слово, его услышали.

– Повторите! – сказал Мельников. – Я вас не слышу! Что случилось?

Второв перевёл дыхание и ответил как мог спокойнее:

– Ничего. Со мной ничего не случилось. Но вот передо мной...

– Что перед вами?

Второв не ответил. С непреодолимой силой его внимание сосредоточилось на камне, бывшем прямо перед ним. Чтобы лучше охватить взглядом пятиметровую глыбу, он отошёл немного назад.

Сомнений нет! Перед ним выточенный из гранита гигантский пирамидальный куб. Четыре сходящихся треугольника боковой грани ясно видны. Время сильно изменило первоначальную форму, когда-то острые края осыпались, искрошились, многих кусков не хватает, но всё же никаких сомнений быть не может. Эта геометрически правильная фигура не могла быть создана природой, это дело рук разумных существ!

Второв подробно рассказал обо всём, что видел. Он был уверен, что весь экипаж звездолёта слушает его, но

не раздалось ни одного возгласа удивления. Очевидно, сенсационная новость взволновала всех так же, как его самого.

Когда он кончил говорить, наступило продолжительное молчание.

– Возвращайтесь на корабль, – сказал, наконец, Белопольский. – Запоминайте дорогу. К этому месту пойдём большой партией.

– Выходите наверх! – прибавил Мельников.

Но, прежде чем выполнить распоряжение, Второв несколько раз сфотографировал куб. Он знал, что его нетерпеливо ждут наверху, но не мог удержаться, чтобы не пройти к видневшемуся в сорока – пятидесяти метрах другому огромному камню, имевшему метров шесть в поперечнике.

Подойдя к нему, он вскрикнул от удивления.

Перед ним, прекрасно сохранившийся, стоял гранитный икоситетраэдр. Каменный «бриллиант», на котором видны следы тщательной обработки. Второв без труда узнал изящное сочетание граней, которое так часто придают драгоценным камням земные ювелиры.

Титаническая работа! Труд исполинов!

Какой же крепостью должны были обладать эти гранитные фигуры, если даже космическая катастрофа, разрушившая огромную планету, не в силах была уничтожить их?

А вот там, вдали, стоит пирамидальный октаэдр!.. Ещё дальше – ромбический додекаэдр!

Второв с трудом заставил себя отвернуться от волшебного зрелища. Товарищи ждут его. Труд неизвест-

ных строителей должны осмотреть учёные.

Идя обратно к подножию стены, он всё время оглядывался назад. Но стоило отойти на триста – четыреста шагов – и каменные «бриллианты» исчезли, слились с остальной массой камней, превратились опять во что-то похожее на развалины, и только, будто и не было их никогда...

Подойдя к стене, Второв измерил глазами расстояние до карниза и, выключив электромагниты, разбежался и прыгнул.

Опыт последних часов сказался: Второв рассчитал точно. Его ноги спустились на самый край карниза, и, ухватившись за верёвку, он сильно наклонился вперёд и мягко упал.

Очевидно, Коржевский, не выпускавший шпагата из рук, почувствовал рывок.

– Поднимать? – спросил он.

– Поднимайте, – ответил Второв.

Он не стал обвязываться... Сила руки была совершенно достаточна, чтобы не сорваться во время подъёма. Через несколько минут он был уже рядом с товарищами.

– Поразительное, невероятное открытие! – сказал он.

– На корабль, – коротко распорядился Мельников.

Обратный путь занял всего один час. Они хорошо запомнили дорогу и уверенно перебирались со скалы на скалу. Топорков поставил перед микрофоном передатчика метроном, и его звук, становившийся всё громче и отчётливее, указывал, что направление взято правильно.

На звездолёте их с нетерпением ждали. Все работы были прекращены. Неожиданное и столь важное сообщение Второва взволновало учёных, и они не могли больше ни о чём думать.

Следы разумной деятельности, которые тщетно разыскивались на Луне и Марсе, найдены на крохотном астероиде. Было от чего прийти в нервное возбуждение!

Приближавшаяся ночь заставила задержаться на корабле. Решили идти к таинственной котловине через пять часов. Это время было использовано для отдыха. Экипаж давно не смыкал глаз, и утомление давало себя чувствовать. Выслушав подробный рассказ Второва, все разошлись по каютам.

Мельников взял на себя дежурство. К развалинам должен был идти Белопольский, а ему предстояло остаться на звездолёте. Ни на минуту не оставлять корабль без командира – было законом в космических рейсах.

Через два часа Солнце скрылось за высокой скалой, и сразу наступила полная темнота. Арсена исчезла из глаз, и казалось, что звездолёт снова летит в пространстве. Только отсутствие звёзд внизу, под кораблём, доказывало, что он стоит на поверхности астероида.

Арсена представляла собой обломок очень неправильной формы. Продолжительность дня и ночи в разных её местах была различна. Там, где опустился «СССР-КСЗ», день продолжался шесть часов, а ночь только два. Астероид летел по орбите полюсом вперёд, вращаясь, по выражению Пайчадзе, «лёжа». Когда он, огибая Солнце, окажется по другую от него сторону,

место, где стоял сейчас звездолёт, погрузится в долгую, непрерывную ночь. Но это могло случиться только через три месяца, а экспедиция не собиралась задерживаться на Арсене так долго.

Как только снова появилось Солнце, звездолёт ожил. Восемь человек из его экипажа собирались идти под водительством Второва и Коржевского для осмотра найденных развалин. На звездолёте, кроме Мельникова, оставались Топорков и занятые у двигателей Зайцев и Князев. Участники похода брали с собой длинные верёвки, кирки, заступы, двойной запас кислорода, взрывные патроны и радиоаппаратуру для новой разведки недр.

После плотного завтрака экспедиция вышла из корабля и, преодолев первую пропасть, исчезла среди скал. Четверо оставшихся проводили товарищей взглядом и, пожелав им по радио счастливого пути, занялись своими делами. Мельников ушёл на пульт, Топорков остался дежурить на радиостанции, а оба механика снова отправились на корму корабля продолжать работу, прерванную сообщением Второва.

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ

Около часу Мельников спокойно занимался записями в своём дневнике. После полёта на Марс он сохранил привычку ежедневно заносить на его страницы свои мысли и наблюдения. За двенадцать суток полёта, от Земли до Арсены, пришлось изменить этому правилу – не хватало времени. Теперь он решил наверстать упу-

щенное, хотя чувствовал усталость и охотнее всего лёг бы спать. Но он хорошо знал, что не заснёт, пока товарищи не вернутся на корабль.

Дневник перенёс его на Землю. Последние страницы были испещрены именем Ольги, и образ жены с мучительной ясностью возник перед ним. Ещё долгие три месяца они не увидятся...

Усилием воли, подавив возникшее чувство тоски, Мельников принялся за описание своего похода по астероиду. Но едва он дошёл до спуска Второва в круглую котловину, как звонок вызова прервал работу. Вызывал Топорков.

– Посмотрите, что творится снаружи, – сказал он.

Мельников поспешно повернулся к экрану.

Сначала он не заметил никаких перемен. Панорама Арсены была такой же, как всегда. Но потом он обратил внимание на странные огоньки, которые вспыхивали на площадках, где стоял звездолёт, на утёсах, на склонах гор, – всюду. Точно невидимые каменщики ударили невидимыми молотками, высекая искры из каменных пород.

Секунду Мельников недоуменно смотрел на эту картину. В следующее мгновение его мозг пронзила жуткая догадка: «Метеориты!.. Арсена встретилась с метеоритным потоком!.. Товарищи на открытом месте, незащищённые... Успеют ли найти прикрытие?..»

Совсем рядом с кораблём со страшной силой ударился о скалу крупный камень. Блеснуло яркое пламя. В ту же секунду Мельников ясно услышал, как о борт звездолёта ударились ещё два, один за другим.

Не теряя самообладания, он нажал кнопки и закрыл щитами все окна обсерватории. По контрольным приборам он видел, что ни одно из них ещё не пострадало. Корпус корабля также остался цел.

Включив боковой экран, он соединил его с радиорубкой, чтобы узнать, нет ли известий от Белопольского.

Но Топоркова в рубке не было.

Открылась дверь, и на пороге появился инженер. При одном взгляде на его лицо, на котором застыла гримаса боли, Мельников понял, что произошла катастрофа. Сердце замерло.

– Кто? – едва смог он выговорить.

– Леонид Николаевич, – ответил Топорков, и его губы дрогнули.

Мельников закрыл глаза рукой. Как живой встал перед ним погибший товарищ.

«Я лечу только потому, что предстоит посещение астероида», – вспомнил он слова, как-то сказанные Орловым. Он говорил их со своей приятной улыбкой, словно освещавшей его красивое лицо, не подозревая, что говорит пророчески.

– А остальные?

– Успели укрыться в пещере. Леонид Николаевич погиб у самого входа: метеорит ударил прямо в лицо.

Какие тяжёлые минуты пережили участники похода, на глазах которых погиб их спутник!..

«Прямо в лицо!» – подумал Мельников.

На мгновение он ясно увидел глаза Орлова – два чистейших аквамарина, вставленные в оправу длинных

чёрных ресниц, и вздрогнул всем телом.

– Где Зайцев и Князев?

– Я сказал им, чтобы они не выходили наружу.

Мельников провёл рукой по лбу.

– Было бы легче погибнуть самому, чем переживать это, – сказал он. – Идите на радиостанцию, Игорь Дмитриевич. Я сейчас приду. Этот «дождь» скоро кончится.

Топорков вышел.

В Солнечной системе бесчисленное множество метеоритных тел. Очень часто они летят густыми роями, так называемыми «потоками». Наряду с кометами, метеориты «засоряют» межпланетное пространство. В полёте, при огромной скорости, у звездолёта мало шансов встретиться с ними. Иначе обстоит дело с астероидами. В сравнении с межпланетными кораблями их размеры чудовищно огромны. У них нет атмосферы, которая защищает большие планеты от небесной бомбардировки. Метеоритный поток, встретив на своём пути астероид, обрушивает на него каменный ливень, каждая «капля» которого имеет космическую скорость, во много раз большую, чем скорость пули или снаряда. Энергия стремительного полёта при столкновении превращается в тепловую. Происходит взрыв. Поверхности малых планет покрыты мельчайшей пылью от разбившихся метеоритов. Никакой защитный костюм не спасёт человека в безвоздушном пространстве, если подобный «разрывной снаряд» попадёт в него. Это верная смерть.

Прямое попадание в такую маленькую цель, как че-

ловек, может произойти исключительно редко, но всё же «метеоритная опасность» является одной из самых реальных для звездоплавателей. Звездолёты были достаточно надёжно защищены от неё радиопрожекторами – сверхчувствительными локаторными установками, соединёнными с автопилотами, но, как уже говорилось, в условиях стоянки на астероиде эти «глаза» корабля становились бесполезными. Дальность их действия достигала пяти тысяч километров, но даже это, казалось бы огромное, расстояние было ничтожно мало для метеорита, летящего с космической скоростью. Раньше чем экипаж звездолёта сумел бы принять меры для защиты, замеченный метеорит уже прошёл бы это расстояние. Исследователи космического пространства смело идут навстречу риску.

Всё это хорошо знал Мельников, но боль утраты не становилась меньше от рассуждений. Ему было мучительно жаль Орлова. И кроме того, он понимал, какое потрясающее впечатление произведёт на Земле известие о гибели одного из участников экспедиции. Скрыть трагический случай до возвращения звездолёта было невозможно.

Метеоритный поток проходил через орбиту Арсены полтора часа. Потом он как-то сразу прекратился. За всё это время только пять раз о корпус корабля ударились небольшие камни, не пробившие, однако, его оболочки.

Когда стало ясно, что Арсена разошлась в пространстве с метеоритами и опасность миновала, Мельников прошёл в радиорубку.

Зайцев и Князев уже ждали его там. Глаза механика

были заплаканы, и он всеми силами старался скрыть это. Самый молодой член экипажа, он стыдился слёз.

– Андреев и Второв несут его сюда, – сообщил Топорков.

– А остальные?

– Пошли дальше...

Топорков сказал это тоном недоумения, но Мельников понял Белопольского. Скорбь по погибшему не должна мешать результатам всей экспедиции, звездолёт не мог задержаться на Арсене, работа должна быть закончена, несмотря ни на что. Разве не точно так же поступил Константин Евгеньевич в страшные минуты отлёта «СССР-КС2» с Марса?..

– Как они переносят тело через пропасти? – спросил Зайцев.

– Для Второва не составит труда перепрыгнуть вместе с ним.

– Неужели мы оставим его здесь? – прошептал Князев.

Мельников нахмурился и ничего не ответил. Эта мысль и ему приходила в голову. Другого выхода как будто не было.

Из громкоговорителя слышались редкие голоса. Чувствовалось, что в группе Белопольского люди обменивались только самыми необходимыми словами.

На экране был виден скалистый хребет по ту сторону пропасти. Мельников и его товарищи не спускали с него глаз. На нём должны были появиться двое живых членов экипажа, несущие третьего – мёртвого.

Всего три часа тому назад они провожали Леонида

Орлова, как всегда полного энергии, жизнерадостного, с серьёзным взглядом красивых глаз на худощавом лице. Могли ли они думать, что через час этот полный сил человек превратится в труп... Может быть, никогда раньше они не сознавали так ясно грозной силы природы, в тайны которой хотели проникнуть.

– Вот они, – сказал Зайцев.

Две крохотные фигурки показались на гребне утёса. Можно было легко отличить высокую фигуру Второва от более низкого Андреева. Тело Орлова было на руках инженера. Он первый со своей ношей спрыгнул вниз.

Андреев последовал за ним. В том же порядке они преодолели и пропасть.

Мельников, Зайцев и Князев пошли к выходной ка-

мере. Топорков остался, — он не имел права покинуть радиостанцию.

Через несколько минут они услышали, как закрылась наружная дверь и раздалось характерное шипение насоса, наполнявшего воздухом камеру. Вспыхнула зелёная лампочка, и внутренняя дверь открылась.

Стараясь не смотреть на обезображенное лицо Орлова, видное сквозь разбитое стекло шлема, Зайцев и Князев помогли пришедшим снять костюмы.

— Отнесём его в красный уголок, — предложил Мельников.

— Дверь уголка очень высоко, — сказал Андреев. — Будет трудно опустить его вниз.

— Тогда в обсерваторию.

Мельников вынул платок и закрыл им шлем Орлова. С убитого сняли наспинный ранец и кислородные баллоны. Потом, не снимая костюма, его отнесли в помещение обсерватории и положили на тот самый стол, за которым несколько часов тому назад сам Орлов собирался во время стоянки на Арсене привести в порядок собранные в пути материалы.

— Принесите знамя, — сказал Мельников. — Оно в каюте Белопольского.

Второв вышел и вскоре вернулся с алым полотнищем.

— Я встану первым в почётный караул, — объявил Мельников. — Смените меня через тридцать минут.

Товарищи поняли, что он хочет остаться один с погибшим, и вышли.

Наступила третья ночь, затем Солнце взошло опять.

Огромный корабль словно вымер. Люди сменяли друг друга в почётном карауле и расходились, не обмолвившись ни единым словом. На радиостанции редко-редко раздавались отрывистые фразы, доносившиеся сюда из круглой котловины. Словно невидимая траурная вуаль легла на Арсену, придавив всех своей тяжестью.

Через девять часов после ухода пять человек вернулись на звездолёт. Их встречали и помогали раздеться молча. Если бы вернулись все шестеро, их засыпали бы вопросами.

– Где он? – вполголоса спросил Пайчадзе, как только с него был снят шлем.

– В обсерватории, – так же тихо ответил Мельников.

У пришедших были мрачные, осунувшиеся лица.

Сняв костюмы, все сразу направились к обсерватории. За ним туда же собрались и бывшие на корабле.

Одиннадцать человек долго стояли у тела товарища, молча прощаясь с ним. Белопольский отогнул край знамени и, наклонившись, пристально взгляделся в то, что совсем недавно было лицом его ученика.

– Это был талантливый учёный, – сказал он, словно самому себе. – Я возлагал на него большие надежды. Семья звездоплывателей понесла тяжёлую утрату. Он отдал жизнь за науку. – Белопольский выпрямился. – Леонида Николаевича Орлова мы вынуждены оставить на Арсене. Он будет лежать здесь, пока следующая экспедиция не доставит его тело на Землю. Похороны назначаю через два часа. Бориса Николаевича и Константина Васильевича прошу подыскать место.

– Пойдёмте, Борис Николаевич, – сказал Зайцев.

Место для могилы нашли под сенью нависшей скалы. Сюда никогда не проникнут лучи Солнца, и замёрзшее тело в полной сохранности будет ждать часа, когда его вынут и, запаяв в свинцовый гроб, перевезут на родину.

– Здесь будет на вечные времена установлен памятник, – сказал Мельников, указывая на скалу.

Беззвучно метнулась огненная вспышка взрыва. У подножия скалы образовалась яма. Из кладовых запасных частей Зайцев принёс двухметровую стальную плиту, на которой остриём автогенного пламени написал имя погибшего и дату.

Могила была готова.

В назначенный час состоялись похороны. Орлов лежал в пустолазным костюме. Разбитый шлем заменили новым.

В печальной церемонии участвовали все, кроме Мельникова, Зайцева, Баландина и Андреева. Даже теперь закон космических рейсов не был нарушен, – часть экипажа осталась на корабле.

Когда стальная плита закрыла могилу, раздался салют – тремя залпами. Их не было слышно. Только вспышки огня из дула пистолетов. В безвоздушном пространстве нет звуков.

На следующее утро Белопольский, Баландин, Романов и Второв снова отправились в котловину. Они взяли с собой на этот раз электролебёдку, аккумуляторные батареи для неё и два отбойных молотка с баллонами сжатого воздуха. Этот груз был тяжёл даже на Арсене.

– Вы не справитесь вчетвером, – сказал Мельников. –

Возьмите ещё кого-нибудь.

– Справимся, – ответил Белопольский. – Будем переправлять груз через пропасти и поднимать на скалы с помощью верёвки. В конце концов, всё это весит здесь не более тридцати килограммов. Физическая сила Второва нас выручит.

– Но почему вы не хотите взять больше людей?

– Потому что вчерашний опыт показал – нельзя ходить большой партией. Это опасно.

Четыре человека ушли и вернулись только через десять часов. У троих был донельзя утомлённый вид.

– Подготовьте звездолёт к старту, – сказал Мельникову Белопольский и, ничего больше не прибавив, ушёл в свою каюту.

– Я так измучился, словно на Земле ворочал пяти-пудовые мешки, – сказал Романов.

– Но что вы делали? – спросили его.

– Ломали и растаскивали камни.

– Значит, гранитные фигуры уничтожены?

– Нет, их мы не трогали.

Что касается Второва, то у него был такой же вид, как всегда. Железный организм этого спортсмена не поддавался усталости.

Прошли ещё одни сутки.

Зайцев и Князев закончили ревизию двигателей, и ничто больше не задерживало звездолёт на Арсене.

Корабль пробыл на астероиде тридцать шесть часов. Этого времени хватило на все работы, намеченные раньше, и на непредвиденную, ставшую самой главной. Теперь, оставляя здесь одного из членов экипажа,

«СССР-КСЗ» был готов продолжить путь.

В час ночи по московскому времени 4 июля звездолёт с одним работающим двигателем легко оторвался от Арсены.

С чувством глубокой скорби следили звездоплаватели за удалявшимся астероидом. Скоро он превратился в звёздочку, быстро теряющую блеск. Потом исчез совсем. Но они долго не отрывали глаз от экрана, на котором только что видели маленькую планету, унёсшую на себе товарища, вырванного смертью из их дружного коллектива.

Они знали, что на долгом пути завоевания человеком космического пространства неизбежно будут жертвы. Природа не сдаётся без жестокого боя. История открытий заполнена именами погибших героев. Так было и на Земле, так будет и в межпланетных просторах. Дорога к знанию терниста. Но никогда, ни в прошлом, ни в будущем, смерть, настигшая одного, не останавливала и не остановит других. Сохранив в сердце имя погибшего, победоносная наука неуклонно и твёрдо идёт вперёд к полному господству над стихийными силами слепо сопротивляющейся природы. Жертвы науки самой смертью своей утверждают великую силу жизни. И кто знает! Может настать день, когда сама смерть покорно склонит голову перед волей человека. Тогда прекратится скорбный перечень – тяжёлая плата за победы. И дорога науки, ничем не омрачаемая, станет светлой и радостной, как она сама, – лучшее и благороднейшее проявление чудесного дара природы – человеческого ума.

Они это знали. Но сердце не всегда бывает покорно рассудку...

Два дня на корабле царило траурное молчание. Члены экипажа отсиживались по своим каютам, сходясь только во время завтрака, обеда или ужина, но и тогда они почти не говорили друг с другом.

Топорков ежедневно принимал радиogramмы, выражавшие сочувствие, идущие буквально со всей Земли. На родине трагический случай на Арсене произвёл очень тяжёлое впечатление.

Но как бы ни была сильна печаль, жизнь властно предъявляла к живым свои требования.

Космический полёт продолжался. Нужно было жить и работать. От Арсены до Венеры было всего шесть суток пути, а программа научных работ, намеченная на это время, ещё не была выполнена. Астрономы первые взялись за дело, показывая пример остальным.

8 июля Белопольский попросил всех собраться на радиостанции, чтобы выслушать доклад о результатах посещения Арсены. Время было выбрано так, чтобы на Земле могли принять волну звездолёта, и учёные, собравшиеся в Космическом институте, как бы присутствовали на этом собрании.

Доклад сделал профессор Баландин. Энциклопедически образованный человек, он в одном лице соединял три научные специальности – был выдающимся океанографом, зоологом и крупным теоретиком звездоплавания.

Хотя материал его выступления был настолько обширен, что его с избытком хватило бы на целую науч-

ную монографию, профессор сумел уложиться в двадцать минут. Предельная сухость и чёткая формулировка фактов, с ясными, словно отточенными, выводами – таков был стиль доклада.

Профессор начал с характеристики Арсены. Он сообщил результаты геологической разведки недр астероида, который оказался состоящим на три четверти из самородного железа.

– Такой же состав у метеоритов, падающих на Землю. Это доказывает, что астероиды и метеориты имеют общее происхождение. Являются ли они обломками «пятой планеты» или нет, сказать с уверенностью ещё нельзя. Присутствие в железе кислорода говорит в пользу планетной гипотезы.

Сообщив о размерах, массе, скорости вращения вокруг оси и составе внутренних пород астероида, Баландин коснулся вопроса о найденных развалинах.

– Предположение, что обнаружены остатки здания, когда-то стоявшего на поверхности погибшей планеты, не подтвердилось. Этого следовало ожидать. Ничто, сделанное искусственно, не могло уцелеть при космической катастрофе. Под камнями мы обнаружили такую же асфальтовую поверхность, как и во всей котловине. Геометрические фигуры не укреплены в почве, а просто поставлены на неё. Возникают три вопроса – кто оставил фигуры, зачем поставил и почему они разрушены? Достоверно можно ответить только на третий вопрос. Сооружение разрушено крупным метеоритом. Следы его взрыва при падении ясно видны. По первым двум вопросам мы можем дать только предположительный

ответ. Любопытную мысль высказал Константин Евгеньевич. Предоставляю слово ему.

Белопольский передвинулся ближе к микрофону.

– Гипотеза спорна, – начал он. – Но пока не видно другого объяснения. Гранитные фигуры высечены человеком или существом, подобным ему. Они находятся на астероиде, где не может быть живых существ. Вывод – они поставлены такими же звездоплавателями, как мы с вами.

В радиорубке слышались возгласы удивления. Неожиданный вывод Белопольского поразил всех, хотя сам по себе он был строго логичен.

– Нельзя даже приблизительно сказать когда, – продолжал Константин Евгеньевич, – но нашу Солнечную систему, безусловно, посетил космический корабль. Откуда он прилетел? Этот вопрос прояснится только тогда, когда отдалённые потомки этих звездоплавателей ещё раз прилетят к нам. Или мы прилетим к ним.

Мельникову показалось, что Белопольский оговорился.

– Вы же сами подчеркнули, что неизвестно, откуда прилетел корабль, – сказал он.

– Не перебивайте! – недовольно поморщился академик. – На этот вопрос я отвечу. Итак, что же увидели неизвестные звездоплаватели у Солнца? Из планет только Земля, Венера и Марс имели органическую жизнь. Но на Земле они могли увидеть людей, которые тогда стояли на низкой ступени развития. Для них было несомненно, что человек высоко поднимется по эволюционной лестнице. Поставив себя на их место, по-

думал о том, что они должны были сделать. Надо было дать знать будущим учёным Земли, что на неё прилетал корабль из другого мира. Но какой памятник уцелеет в течение тысячи лет? На Земле, Марсе и Венере это невозможно. Климатические изменения, дожди, ветры и так далее уничтожат и развеют любое сооружение за столь долгий срок.

– Не вполне убедительно! – заметил Баландин. – Можно поставить памятник почти что на вечные времена.

– Именно «почти что». Но они этого не сделали. По крайней мере, на Земле такой памятник не найден. Мне кажется, они должны были поступить иначе. На Арсене нет атмосферы, нет климатических явлений. Астероид близко подходит к орбитам и Земли и Венеры. Когда люди «вырастут» и станут совершать межпланетные полёты, то обязательно посетят астероид и найдут на нём оставленный памятник. Именно так они должны были рассуждать. И памятник, действительно, был найден нами. Конечно, они могли оставить более ясные сведения о себе. Мы ничего не нашли, но это не значит, что ничего нет. За короткий срок мы не могли разобрать развалины и добраться до того, что завалено взрывом. Это сделает следующая экспедиция. Такова моя гипотеза. Возникает вопрос – неужели этим разумным, притом высоко разумным, существам были неизвестны квадратная, гексагональная и ромбическая системы? Неужели они знали только кубическую? Мы видели октаэдры, додекаэдры, тетраэдры и кубы. Ни одной пирамиды, ни одной призмы, ни одной брахидомы!

Случайно ли это? Я думаю, что не случайно. В этом есть какой-то смысл. Загадка гранитных фигур должна быть нами разгадана. И тогда мы узнаем, откуда прилетал корабль. Это ответ Борису Николаевичу на его вопрос, – прибавил Белопольский.

Собрание закончилось около трёх часов дня. Члены экспедиции разошлись по своим каютам.

На следующий день Топорков принял длинную радиограмму, сообщавшую о реакции на гипотезу Белопольского земных учёных. Большинство было согласно с его выводом.

СЕСТРА ЗЕМЛИ

На среднем расстоянии в сто восемь миллионов километров от Солнца, на сорок два миллиона километров ближе, чем Земля, величественно плывёт по своей орбите вторая планета Солнечной системы, названная нашими далёкими предками Венерой – по имени богини красоты и любви.

Почти равная Земле по размерам и массе, её ближайшая соседка в пространстве, планета по праву носит своё поэтическое имя. Нет на небе Земли более красивого зрелища, чем Венера, блистающая на слегка порозовевшем утреннем небосклоне. На вечернем небе, как привыкло видеть её большинство жителей городов, планета менее красива.

Любопытно отметить, что в некоторых арабских странах Венеру называли совершенно противоположным именем – Люцифер, что соответствует слову «Са-

тана». Какие причины побудили назвать так бело-снежную красавицу, трудно понять.

Для астрономов Венера представляла, пожалуй, ещё большую загадку, чем Марс. Поверхность планеты недоступна наблюдениям с Земли, её скрывают никогда не расходящиеся облака. Одни считали, что космические путешественники, опустившись на Венеру, не увидят ни морей, ни лесов, а только каменную пустыню, покрытую вулканическим пеплом, другие – сплошное, топкое болото. Последователи замечательного поборника идеи повсеместности жизни во Вселенной Гавриила Андриановича Тихова утверждали обратное: жизнь на Венере есть, но, конечно, не такая, как на Земле. Исследователи не увидят там зелёных лесов: растительность на сестре Земли должна быть оранжевая и красная по причине жаркого климата. Ведь и на Земле, в тропиках, много красных растений. И не только в тропиках. В горячих источниках Камчатки, где температура достигает восьмидесяти градусов, живут багровые и пунцовые водоросли, а берега этих источников покрыты оранжевыми и жёлтыми мхами.

Жизнь приспособляется к любым условиям. В сверхтропическом климате Венеры и в сверхсуровом климате Марса она одинаково возможна.

Методами радиоастрономии было установлено, что температура поверхности планеты близка к ста градусам, но это следовало проверить. Предстояло ещё точно установить продолжительность суток и многое другое.

Объём предстоящих работ был велик, а звездолёт по плану не должен был задерживаться на Венере больше

чем на сорок восемь суток (разумеется, земных).

Всё это было изложено Белопольским на собрании экипажа корабля.

«СССР-КСЗ» подлетал к цели. До орбиты Венеры оставалось около трёх с половиной миллионов километров, то есть немного больше суток пути.

Звездолёт уже не летел прямо. Газовые рули были повернуты, и он описывал в пространстве гигантскую кривую, чтобы оказаться позади планеты и лететь в одном с ней направлении. Двигатели работали на минимальной мощности, но этого было достаточно для возникновения слабой силы тяжести. Свободно плавать в воздухе было уже невозможно, левый борт словно притягивал к себе все предметы внутри корабля.

Белопольский и Мельников, сменяя друг друга, непрерывно дежурили на пульте. Автоматические приборы управления вели корабль по заданной трассе, но всё же было необходимо проверять полёт и вычислять местонахождение на каждый час.

Остальные члены экипажа приступили к установке временных полов в каютах и коридорах. Ведь на Венере звездоплавателей ждали обычные условия тяжести, и следовало так оборудовать помещения, чтобы с возможно большими удобствами прожить все полтора месяца стоянки на сестре Земли.

Прошло уже девятнадцать суток с того памятного всем утра, когда «СССР-КСЗ» оторвался от ракетодрома и начал свой трудный и опасный рейс. За этот сравнительно короткий срок членам экспедиции пришлось многое пережить и испытать. Тридцать шесть

часов, проведённых на Арсене, и особенно трагическая гибель Орлова наложили на каждого глубокий и неизгладимый след. Люди изменились. Больше всего это было заметно у тех, кто впервые участвовал в межпланетном полёте. Некоторые, например Романов, Князев, Второв, при старте с Земли ещё не отдавали себе ясного отчёта в том, что их ожидает. Космический рейс, посещение астероида, исследование Венеры – всё это было в их глазах покрыто романтической дымкой. Теперь они увидели обратную сторону, поняли суровую действительность – победы над природой не приходят сами, они завоёвываются в упорной и смертельно опасной борьбе. Кое-кому первые дни полёта доставили много тяжёлых минут. Сознание безграничности пустого пространства, в центре которого, казалось, неподвижно висел крохотный звездолёт, отсутствие видимой опоры, путаница понятий «верх» и «низ», само ощущение невесомости – всё это сильно подействовало на психику, и добрая половина экипажа переболела «космической болезнью».

С начала второй половины пути всё изменилось. Экипаж корабля превратился в единый, проникнутый одними мыслями и общими целями сплочённый коллектив исследователей, каждый член которого до конца осознал и понял, что требует и чем угрожает ему выбранная профессия. И хотя после гибели Орлова перед каждым реально встала угроза смерти, ни один из них не пожалел о принятом решении.

9 июля, ровно в двадцать два часа тридцать минут, траектория полёта «СССР-КСЗ» точно совпала с орби-

той Венеры. С этой минуты звездолёт «пустился в погоню» за планетой, которая находилась впереди него на сто тысяч километров и «убегала» со скоростью тридцать четыре и девяносто девять сотых километра в секунду. Через пять часов и тридцать три минуты корабль догонит сестру Земли.

В круглые окна обсерватории и на экранах Венера была видна как исполинский полумесяц, почти в одиннадцать раз больший, чем Луна на небе Земли. Освещённая Солнцем половина планеты ослепительно блестела белоснежной пеленой облаков. Ночная половина отчётливо проступала на фоне звёзд, закрывая их своей массой и светясь слабым сиянием, похожим на свечение верхних слоёв земной атмосферы, но значительно более сильным. Полоса сумерек, ясно видимая, делала терминатор неразличимым. В этой полосе времени появлялись какие-то вспышки и светлые линии.

— Мы наблюдаем полярное сияние в атмосфере Венеры, — сказал Белопольский. — Благодаря близости к Солнцу это явление на ней должно быть гораздо более мощно, чем на Земле.

— С поверхности планеты полярное сияние, вероятно, изумительное зрелище, — заметил Мельников.

Эти фразы были единственными, произнесёнными командирами корабля за все часы «погони». Оба сосредоточенно наблюдали за показаниями приборов. Расстояние между планетой и звездолётом неуклонно сокращалось, а спуск на Венеру, как и на Землю, был очень трудным манёвром. Требовалось максимальное внимание и точность каждого движения.

Быстро увеличиваясь в размерах, планета, казалось, сама надвигалась на корабль. Вскоре все звёзды исчезли из поля зрения, заслонённые её огромным телом. Впереди и по сторонам был виден только облачный океан, нестерпимо белый со стороны, обращённой к Солнцу, и постепенно темневший, переходя в чёрный, с другой.

В четыре часа утра 10 июля, по московскому времени, «СССР-КСЗ» поравнялся с планетой и, замедлив скорость, как бы включился в её движение. Он находился в этот момент в самых верхних, разреженных слоях атмосферы и с этой высоты начал замедляющийся спуск.

Двигатели работали на полную мощность, удерживая корабль от стремительного падения. Облачный океан приближался...

Белопольский, Пайчадзе и Мельников хорошо знали, какая картина откроется перед ними через несколько минут. Пейзажи Венеры неизгладимо врезались в память. Остальные члены экипажа видели эти пейзажи по кинофильму, заснятому Мельниковым во время полёта «СССР-КС2».

– Крылья! – отрывисто приказал Белопольский, когда облачная масса закрыла экран белой мглой.

Мельников нажал нужные кнопки. Через несколько секунд загорелись синие лампочки, – крылья вышли из гнёзд. Превратившись в реактивный самолёт, «СССР-КС3» опускался всё ниже, прорезывая толщу облаков. Внизу, где-то у её границы, уже появились неясные вспышки молний.

Корабль летел теперь в воздушной среде, и управление им приняло иной характер. Четыре двигателя, расположенные у основания крыльев, несли его вперёд. Маневрирование осуществлялось обычными элеронами и хвостовым рулём. От командира корабля требовались уже навыки управления реактивным самолётом. Белопольский поставил ноги на педали и взялся за штурвал.

Могло показаться странным, что академик так уверенно берётся за трудную работу пилота, да ещё на таком гигантском корабле, но в этом не было ничего необычайного. Все члены экипажа «СССР-КС3», за исключением профессора Баландина, Андреева и Второва, прошли длительный курс обучения в лётной школе, практику вождения больших самолётов и имели дипломы пилотов реактивной авиации.

Ровно через восемь минут после начала спуска

«СССР-КС3» вынырнул из облачной массы в блестящую почти непрерывными молниями сплошную стену страшного ливня.

Экран сразу потемнел. Водяные потоки уничтожили всякую видимость, и казалось, что звездолёт погрузился в океан. Но стрелка альтиграфа показывала, что до поверхности Венеры ещё полтора километра.

Белопольский увеличил скорость, желая как можно скорее проскочить грозовой фронт. Он хорошо помнил, как «СССР-КС2», попавший в такой же ливень, за несколько секунд был сброшен на семьсот метров и едва не угодил в океан. Было бы неосторожно слишком долго подвергать звездолёт действию этих чудовищных потоков. Стрелка, хотя и медленно, шла вниз.

Внезапно, словно кто-то губкой провёл по экрану, потоки воды исчезли. Перед глазами экипажа раскинулась панорама безграничного океана.

Мельников наклонился вперёд, с глубоким волнением всматриваясь в знакомую картину, которая так часто возникала в его памяти...

Свинцовые волны, с длинными белыми гребнями пены, с нависшими над ними тёмными, клочковатыми тучами, чёрные стены ливней, испещрённые зигзагами молний, всё тот же тусклый полусвет...

Ничто не изменилось за эти восемь лет. В жизни планеты века короче, чем секунды в человеческой жизни. Природе некуда торопиться, – перед нею вечность.

На мгновение Мельникову показалось, что он перенёсся в прошлое. Не «КС3», а «КС2» летит над мрачным

океаном Венеры. Стоит оглянуться – и он увидит сосредоточенное лицо Камова, склонившегося над пультом, уверенные движения его рук, оперирующих многочисленными кнопками и рукоятками управления. Как тяжело и трудно было тогда вести корабль в незнакомой атмосфере чужой планеты, сколько мужества и решительности требовалось от командира! На каждом шагу ждало неведомое. Ведь даже Белопольский – хладнокровный и не знающий страха – предложил было покинуть планету, столь негостеприимно встретившую человека. А теперь...

Мельников взглянул на Константина Евгеньевича. Командир корабля сидел спокойно, откинувшись на спинку кресла, внимательно, но без тревоги вглядываясь в экран. Ему нечего было опасаться. Венера уже не была загадочной незнакомкой. Он вёл корабль к заранее намеченному месту, которое нужно было только найти. Неизвестных препятствий не существовало. Грозовые фронты, столь опасные «КС2», не угрожали кораблю. «СССР-КС3» пролетал сквозь них, не уклоняясь от своего пути. Совершенные приборы давали полную картину полёта и всего, что находилось впереди.

С волшебной быстротой, за короткий срок, техника постройки космических кораблей далеко ушла вперёд. Между первенцем звездолетостроения «СССР-КС1», на котором Сергей Александрович совершил первый в истории полёт за пределы Земли, и звездолётом «СССР-КС3» была такая же разница, как между аэропланом Блерио и современными реактивными самолётами. Тогда основными были вопросы обеспечения в

пути горючим, — от них зависело всё. Теперь это не имело значения. Бурное развитие атомной техники дало в руки исследователей космоса такие запасы энергии, которые всего десять лет назад были совершенно неизвестны и наличие которых в природе многим казалось невозможным. Совсем недавно создание больших искусственных спутников Земли, где корабли Вселенной могли бы пополнять запасы горючего перед дальнейшим полётом, казалось обязательным этапом, без которого нельзя обойтись, а теперь никто и не думает об этом. Звездолёты, как бы они ни были велики и тяжелы, отправляются в путь прямо с земных ракетодромов, они могут свободно опускаться на любую планету и снова взлетать с неё, не опасаясь нехватки энергии.

Мысль человека побеждает природу, заставляя её неисчислимые силы работать на себя, служить своим интересам.

Уже три часа летел «СССР-КСЗ» над океаном, а ни малейшего признака берега не появлялось. Может быть, материк, открытый первой экспедицией, находился сейчас на ночной половине планеты? Это было возможно, а есть ли на Венере какой-нибудь другой, никто не мог знать. Время обращения вокруг оси — сутки планеты — были неизвестны. Могло случиться, что ночь над оранжевыми лесами континента продлится ещё недели. В этом случае придётся искать другое место для стоянки, но существовало ли такое место? Может быть, виденный экипажем «СССР-КС2» материк — единственная суша на Венере?..

Мельников и Белопольский поменялись ролями. Те-

перь Борис Николаевич вёл корабль, а Белопольский отдыхал, в любую секунду готовый помочь пилоту. Сколько времени придётся провести в воздухе, они не знали. Опуститься на волны среди океана, даже не видя берега, было бессмысленно. Во что бы то ни стало надо найти твёрдую «землю».

Звездолёт всё время летел прямо, держа направление на запад, опережая Солнце. За плотной массой облаков оно было невидимо, но чувствительные фотометры, установленные снаружи корпуса, сообщали на пульт, что сила дневного света не убывает и, значит, корабль ещё не достиг полосы сумерек.

В рубку вошли Пайчадзе и Баландин. Руководящий состав экспедиции обменялся мнениями.

– Если материк не покажется, мы можем пролететь не очень далеко в сумеречную полосу, – сказал Белопольский.

– Поворачивать и лететь назад бесполезно, – согласился с ним Баландин. – Если там и есть «земля», нам от неё мало толку. «Восточные» части планеты движутся в ночь.

– Может быть, лучше повернуть на север или на юг? – предложил Мельников.

– Это мы всегда успеем сделать, – ответил Белопольский. – Мы находимся сейчас на той же широте, где пролетали в прошлый раз. Задача – найти устье реки. Если это окажется невозможным, тогда придётся менять направление.

– В крайнем случае, – сказал Пайчадзе, – продержимся в воздухе, пока материк не выйдет из ночи.

– Вы забываете, что атмосферные двигатели не могут работать слишком долго.

– Так что же делать?

– Опускаться на океан нельзя, – подытожил Баландин. – Насколько можно судить, ветер очень силен. Под нами буря.

– А если учесть непрерывные ливни, то положение корабля на волнах будет совсем скверным, – добавил Мельников.

Миновало ещё два часа, но никаких изменений не произошло. Под кораблём по-прежнему был безграничный океан. Часто приходилась пролетать через грозовые фронты, и тогда непроницаемая тьма закрывала экраны. Только приборы сообщали, что впереди нет берега.

Доктор Андреев предложил подкрепить силы завтраком. За всё время пути в его обязанности входило кормить членов экспедиции. Это было нетрудно и не отнимало много времени. В кладовых звездолёта все продукты питания были заранее рассортированы и упакованы в специальные пакеты. Достаточно было взять очередной пакет (они были пронумерованы) и, если требовалось, подогреть его содержимое в термостате. Десять минут – и завтрак, обед или ужин были готовы. Мытьё посуды не обременяло звездоплывателей по той простой причине, что никакой посуды не было, – в условиях невесомости ею всё равно нельзя было пользоваться. Металлические или пластмассовые сосуды, коробки и банки вместе с остатками пищи уничтожались в электропечи, а пепел выбрасывался наружу.

И сегодня, когда наступил час завтрака, Андреев быстро всё приготовил, но на этот раз его труды пропали даром. Только Топорков, Зайцев и Коржевский воспользовались его приглашением. Остальных волнение лишило аппетита. Уступая настойчивым требованиям врача, Белопольский и Мельников выпили по чашке шоколада и снова заняли свои места за пультом.

Одни и те же мысли беспокоили всех участников экспедиции. Если на стороне Венеры, обращённой сейчас к Солнцу, нет «земли», могло создаться очень неприятное положение. По всем данным астрономии, сутки Венеры были весьма продолжительны, во всяком случае, не короче двух-трёх недель. Сколько пройдёт времени, пока вращение планеты вынесет материк в день? Может быть, ночь на континенте наступила совсем недавно?

Как ни, мощны были атмосферные двигатели звездолёта, они не могли работать без отдыха более чем сорок часов. Если за это время корабль не приземлится, то останется только одно – покинуть атмосферу Венеры и, вылетев снова в межпланетное пространство, превратиться на время в спутника планеты. Такая перспектива никому не улыбалась, так как отнимала драгоценное время, предназначенное на исследовательские работы, не говоря уже о том, что повторный спуск в атмосферу таил в себе большую опасность.

Для экипажа корабля время шло с томительным однообразием. «СССР-КСЗ» летел над волнующимся океаном на высоте одного километра, час за часом. Сверху было всё то же мрачное небо, низвергающее на

воду частые ливни. Иногда встречались большие области, затянутые сплошным туманом, и тогда казалось, что корабль опять летит в облаках. Несколько раз ослепительная молния соединяла небо и океан в непосредственной близости от корабля, и сквозь стальные стенки корпуса слышался страшный треск электрического разряда.

Величественная картина стихийных сил, которым близость планеты к Солнцу давала во много раз большую мощь, чем на Земле, невольно наводила на мысль – что будет с людьми, когда корабль опустится и они должны будут выйти из него? Не станут ли люди Земли игрушкой в руках враждебной им природы Венеры? Сожжённые молнией, смытые потоками ливней, отравленные ядовитой атмосферой – не будут ли они уничтожены сразу, как только лишатся защиты своего звездолёта? Быть может, ещё десятки неизвестных опасностей заготовлены Венерой, чтобы расправиться с незваными пришельцами, посланными её «сестрой»...

Об этом думали все члены экипажа «СССР-КСЗ», наблюдая в экраны за разгулом стихий.

– Никогда не предполагал, что природа Венеры так негостеприимна, хотя и видел всё это в кинокартине, – сказал Романов, дежуривший вместе с Топорковым на радиостанции. – Сможем ли мы вообще выйти из корабля?

Игорь Дмитриевич посмотрел на него и усмехнулся.

– Надо выйти, и выйдем! – сказал он. – А если бы вы знали, что нас ждёт, отказались бы участвовать в рейсе?

– Я не боюсь, – обиженно ответил молодой геолог.

— А я так уверен, что боитесь. И я тоже боюсь. Знаете, что любит говорить Борис Николаевич: «Дело не в том, чтобы не бояться, а в умении преодолевать страх».

— Ну, Борис Николаевич...

— А он что, — перебил Топорков, — из другого теста сделан? Такой же человек, как вы и я. Не думайте об опасности — и она не будет страшна. Здесь как на войне. Люди боятся, но идут.

— Я, право же, не боюсь. Игорь Дмитриевич... — начал Романов, но как раз в этот момент исполинская молния ударила, казалось, в самый корпус корабля. Оглушительный треск вырвался из динамика. Звездолёт ощутимо вздрогнул.

Романов невольно отшатнулся от экрана.

— Извольте! — сказал Топорков. — Попробуйте уверить меня, что это вас не пугает. О нет! Космические полёты страшны!..

— Но когда дойдёт до дела...

— А это другой вопрос. Мы знаем, на что пошли. Если бы в вас сомневались, вы не попали бы в число членов экипажа.

В начале восьмого часа полёта над океаном фотометры отметили постепенное ослабление освещённости. Звездолёт достиг полосы сумерек. Позади него Солнце склонялось к восточному горизонту. Благодаря медленности вращения планеты вокруг оси «СССР-КСЗ» легко обгонял Солнце, и относительно него дневное светило если бы оно было видно, совершало бы свой путь по небу Венеры в обратную сторону — с запада на восток.

Берег континента по-прежнему не показывался. Белопольский решил ещё один час лететь к западу. Если суша не откроется, звездолёт вылетит из сумеречной полосы обратно и будет искать «землю» на севере или юге.

Постепенно становилось всё темнее.

Приборы пульты давали возможность вести корабль «слепым полётом», но проникать в область полной ночи всё равно бесполезно. Совершить посадку на материке в темноте было совершенно невозможно: Венера не имела оборудованных ракетодромов.

В самый последний момент, когда Мельников, управлявший кораблём, готовился переложить рули и повернуть назад, радиоволны локатора нащупали твёрдую «землю» и, отразившись от неё, заставили стрелку прибора дрогнуть. Прямая линия на ленте, в течении восьми часов свидетельствовавшая, что впереди нет ничего кроме воды, резко прыгнула вверх и зазмеилась ломаными скачками, отмечая неровности далёкой «земли».

Было ещё достаточно светло. Материк должен был показаться через несколько минут, если, конечно, это материк, а не какой-нибудь остров. Но и остров мог оказаться пригодным для посадки.

– Кажется, мы выиграли в последний момент, – сказал Белопольский.

– Посмотрим, – сдержанно отозвался Мельников. – Судя по прибору, земля прямо по носу корабля.

Звездолёт влетел в очередной грозовой фронт, и всякая видимость исчезла. Создалась опасность проле-

теть мимо «земли», и Мельников замедлил скорость. Это было не совсем безопасно: сила водяного потока могла сбросить корабль с высоты, но приходилось сознательно рисковать. Может быть, грозовой фронт не широк?..

И, действительно, через три минуты звездолёт миновал грозу. Перед глазами экипажа открылась оранжево-красная полоса.

Если это был остров, то, по-видимому, очень большой и вполне пригодный для посадки и длительной стоянки. Он находился сейчас на самой границе дня и ночи, и на нём вскоре должен был наступить день, долгий день Венеры.

Мельников повернул к югу и, ведя корабль на высоте ста метров, внимательно вглядывался в рельеф берега, ища подходящее место. То же делали и все остальные.

Профессор Баландин первый заметил узкий залив, глубоко врезавшийся в сушу, окружённый обрывистыми берегами, заросшими огромными деревьями, и сообщил о нём командиру. В этом заливе, защищённом от ветра, вода была спокойна.

Подлетев ближе, звездоплаватели увидели, что залив имел метров двести ширины и не менее чем на километр вдавался вглубь берега. Гавань была очень хорошей.

Мельников посмотрел на командира корабля.

– Опускайтесь! – сказал Белопольский. – Неизвестно, где и когда мы найдём другую «землю».

Описав широкий полукруг, звездолёт пошёл на посадку.

Смолкли двигатели, и, спланировав на крыльях, «СССР-КСЗ», взметая пенные буруны перед своим острым носом, врезался в воду и заскользил по ней на плоских реданах своего днища, как гигантский глиссер. Крылья исчезли в пазах корпуса, и стопятидесятиметровая «сигара» неподвижно застыла на поверхности залива в ста метрах от берега.

Несколько секунд все члены экипажа оставались на своих местах. Людям казалось, что наступила какая-то особенная, торжественная тишина.

Звездолёт чуть заметно покачивался.

Потом, как по команде, все устремились к рубке.

Белопольский и Мельников, под дружные аплодисменты, обнялись.

– Дорогие друзья! – сказал Константин Евгеньевич. – Первая половина нашего пути, самая трудная половина, закончилась. Мы достигли цели. «СССР-КСЗ» находится на Венере. Благодарю вас всех! Но в эту радостную для нас минуту вспомним тех, кто способствовал ей на Земле, тех, кто построил наш замечательный корабль. Честь им и слава! Вспомним с благодарностью нашего учителя и друга – Сергея Александровича Камова. Его нет здесь, но мыслями он всегда с нами. Мы на Венере! Но не все, кто улетел с Земли, достигли её. В одержанной победе есть заслуга и Леонида Николаевича Орлова. Почтим же память нашего погибшего товарища минутным молчанием.

НЕОБЪЯСНИМАЯ НАХОДКА

Звездоплаватели могли смело сказать: «Нам повезло!» Венера неожиданно предоставила кораблю прекрасную естественную гавань, имевшую много преимуществ перед устьем реки, которую видели Камов и его спутники во время полёта на «СССР-КС2» и куда Белопольский намеревался отвести корабль, не зная на планете более удобного места.

На реке пришлось бы бороться с течением, грозящим вынести звездолёт в океан, — здесь вода была неподвижна. Река была совершенно открытым местом, — здесь высокие обрывистые берега надёжно защищали корабль от ветров и волн. Со стороны океана залив был преграждён длинной скалистой грядой. С какой бы стороны ни подул ветер, вода залива должна была оставаться спокойной.

Если бы показалась Солнце, это место могло стать даже красивым. Лёгкий прозрачный туман поднимался от темно-синей поверхности воды, напоминая раннее летнее утро на Земле. Коричневая линия берегового обрыва была увенчана сплошной стеной растений и громадных деревьев, причудливой формы, окрашенных во все оттенки оранжевого, красного и жёлтого цветов. Стволы деревьев странного для глаза розового цвета были переплетены густой сетью лиан. Так казалось издали. По всем признакам, лес Венеры был трудно проходим.

Но вместо голубого неба, над заливом и лесом на-

висла мрачная, блистающая молниями, пелена густых туч. Вместо яркого солнечного света – тусклый полусвет, скрадывающий очертания и придававший пейзажу какой-то призрачный вид.

Залив находился в полосе утра, но и днём вид не должен был измениться. Будет немного светлее – и только. Многокилометровый слой облаков, скупно пропускаящий лучи дневного светила, создавал на Венере, даже в полдень, освещение земного вечера.

Учёные уже знали, что на сестре Земли постоянно дуют ветры, достигающие иногда силы урагана. Но лес, поднимавшийся на высоту ста и больше метров, был странно неподвижен. Ни малейшего движения не замечалось на вершинах деревьев. Словно каменные стояли оранжево-красные великаны. Такими же неподвижными казались и заросли жёлтых растений, густой массой облепившие нижние части розовых стволов.

Если бы не движение воды и тумана, картина выглядела бы мёртвой, словно нарисованной на фоне свинцового неба безумным художником, перепутавшим все краски, которыми следует изображать растительность. Нигде не было зелёного цвета, столь привычного людям Земли.

– Мне кажется, – сказал Пайчадзе, – когда летели на «КС2», лес шевелился.

– Я отчётливо помню, что вершины качались от ветра, – подхватил Мельников. – Вспомните мой кинофильм.

Белопольский недоуменно пожал плечами.

— Или здесь другая порода деревьев, — сказал он, — или мы тогда ошиблись. Я не помню, чтобы на кинокадрах деревья шевелились. «КС2» пролетал над лесом очень быстро.

Чем дольше всматривались звездоплаватели через иллюминаторы обсерватории в окружающий пейзаж, тем более странным он казался. Было трудно убедить себя, что это действительно лес — царство растений. Слишком неподвижными, безжизненными выглядели все эти кусты и деревья. В бинокль были отчётливо видны беспорядочно одна из другой растущие ветви, похожие на изогнутые трубки, покрытые не листьями, а какими-то разноцветными наростами продолговатой формы. От подножия до вершины стволы деревьев были почти одинаковой толщины, около метра в диаметре, что казалось ещё более странным при такой значительной их высоте. Жёлтые кусты выглядели сплошной массой, и даже сильные стёкла биноклей не могли разделить их на отдельные ветви. Всюду виднелись причудливо переплетающиеся лианы, в руку толщиной, пурпурного цвета, с чёрными поперечными кольцами; это делало их похожими на коралловых аспидов, обвивших своими гибкими телами розовые стволы, красные и оранжевые ветви.

— Что об этом думаете? — спросил Пайчадзе, отрываясь от бинокля и обращаясь к Коржевскому.

— Царство актиний, — ответил биолог.

Трудно было придумать более удачное сравнение. Деревья Венеры действительно были очень похожи на исполинские кораллы, на сцифоидных кишеч-

но-полостных животных, живущих в тёплых водах экваториальных океанов Земли.

– А жёлтые кусты напоминают губки, – заметил Мельников.

Профессор Баландин улыбнулся.

– По-вашему получается, – сказал он, – что на Венере нет растений и мы попали в царство животных.

– Возможно, что это так и есть, – серьёзно сказал Белопольский. – А если вспомнить, что по данным спектрального анализа растения Венеры поглощают кислород и выделяют углекислоту, что свойственно животному миру, то даже неудивительно.

– Нет! – воскликнул Мельников. – На Венере есть настоящие деревья. Я хорошо помню. Я убеждён. На берегах реки, которую мы с вами видели, растёт живой лес.

– Борис прав, – сказал Пайчадзе.

– Значит, мы встретили новую разновидность. Очень хорошо, если так. Чем больше нового мы найдём на Венере, тем лучше.

– Когда же мы выйдем из корабля? – нетерпеливо спросил Коржевский.

– Как только Степан Аркадьевич закончит анализ.

Доктор Андреев, старший врач звездолёта (вторым был Коржевский), ещё тогда, когда участвовал в подготовке рейса «СССР-КС2», решил, что сам станет звездоплавателем. Он желал принести как можно больше пользы в космическом рейсе и, хорошо зная химию, несколько лет совершенствовался в этой науке и был зачислен в состав экспедиции на Венеру не

только врачом, но и химиком. Когда «СССР-КСЗ» опустился на воду, были взяты пробы воздуха, и теперь Степан Аркадьевич производил его количественный и качественный анализ.

Состав атмосферы Венеры определили после возвращения «КС2» на Землю, но всё же проверка была необходима, так как у самой поверхности планеты могли оказаться тяжёлые газы, отсутствующие на высоте нескольких сот метров, откуда взяли пробы в первом рейсе. Без этой предосторожности Белопольский не решался выйти из корабля, хотя наличие в атмосфере Венеры формальдегида, твёрдо установленное, всё равно вынуждало надеть специально сконструированные противогазы.

Коржевскому, и не только ему, пришлось запастись терпением. Андреев не любил поспешности в серьёзных делах, и все знали, что он доложит результаты анализа только после двух, а то и трёх проверок своей работы.

Часы звездолёта показывали половину первого – время ежедневной связи с Землёй. Последняя радиogramма была отправлена при подходе к орбите Венеры ровно сутки тому назад. Члены экспедиции хорошо понимали, с каким нетерпением на Земле ожидают сегодняшнего разговора. Ведь там знали, что «СССР-КСЗ» уже опустился на сестру Земли и, конечно, беспокоились – как прошёл спуск. Было вполне вероятно, что на радиостанции собрались сейчас родственники экипажа, учёные и все работники Космического института во главе с самим Камовым.

Первая радиовесть с поверхности Венеры была большим событием, и неудивительно, что все члены экипажа корабля (кроме Андреева, не пожелавшего прервать свою работу) попросили разрешения присутствовать при этом. Топорков попытался протестовать, но вмешательство Белопольского заставило его подчиниться общему желанию.

Все не могли поместиться на небольшой свободной площади радиорубки, ставшей ещё более тесной из-за пола, перерезавшего пополам шарообразное помещение. Зайцеву, Князеву, Романову и Второву пришлось остаться в коридоре, возле открытой двери.

Радиограмма, в форме рапорта директору Космического института и президенту Академии наук СССР, и была составлена и подписана всеми членами экспедиции.

Игорь Топорков включил микрофон. На этот раз никто не запрещал ему ввести в действие все резервы мощности, что он, конечно, и сделал. Передача через атмосферу Венеры была во много раз труднее, чем из пространства. К тому же, не зная точно местоположение корабля относительно Солнца, нельзя было поручиться, что антенна звездолёта правильно ориентирована. Пайчадзе и Белопольский сделали всё возможное, чтобы указать Топоркову направление на Землю, но непроницаемая толща облаков позволяла определить это направление только приблизительно.

Ровно без пяти минут час, по московскому времени, Топорков громко и отчётливо сказал в микрофон:

– Говорит звездолёт?... Говорит звездолёт «СССР-КСЗ»! Отвечайте! Отвечайте!.. Перехожу на приём!

Радиоволны, зажатые в узкие границы жёстко направленной антенны, подхватили его голос и понесли к далёкой Земле через девяносто миллионов километров межпланетного пространства. Через пять минут они должны были достигнуть «небесной станции» – искусственного спутника Земли, и, пройдя через усилители, помчаться дальше, к Камовску. После детектирования радиоволна отдаст модулированный на ней голос, и он зазвучит из динамика, находившегося на Земле, так же, как прозвучал только что на Венере.

А когда, пройдя тот же путь в обратном направлении, здесь, на станции звездолёта, раздастся голос с Земли, первый в истории разговор между двумя планетами станет свершившимся фактом. Гений Александра По-

пова и Константина Циолковского одержит новую блистательную победу.

И, чувствуя приближение торжества этой победы разума, десять звездоплавателей приготовились ждать десять минут, которые должны были показаться им очень длинными.

И вдруг...

Не прошло и пяти секунд, как из репродуктора раздался голос... голос Топоркова:

– Говорит звездолёт?... Говорит звездолёт «СССР-КСЗ»! Отвечайте! Отвечайте!.. Перехожу на приём!

Ещё никто не успел осознать, что случилось, как снова прозвучал тот же голос, но уже заметно тише:

– Говорит звездолёт?... Говорит звездолёт «СССР-КСЗ»!..

И ещё несколько раз, всё тише и тише.

Потом всё смолкло.

Внезапно побледнев, инженер инстинктивно протянул руки к верньерам настройки, но, тут же поняв бесполезность своей попытки, безнадежно махнул рукой и умоляюще посмотрел на Белопольского, словно начальник экспедиции мог ему чем-нибудь помочь.

В радиорубке наступило тягостное молчание. Всё было ясно – Земля не услышит голоса с Венеры. Радиосвязь прервана. В поединке человеческой техники с силами природы победу на этот раз одержала природа. И хотя эта победа была только временной, люди осознали её с тяжестью в сердце.

И не могло быть и речи о том, чтобы поднять звез-

долёт в воздух, вылететь за пределы атмосферы и сообщить на Землю о случившемся. В узком заливе кораблю не так просто было развернуться для старта, мешали высокие берега и стометровая стена леса. Требовалось много времени, чтобы превратить это место в подобие ракетодома, с которого мог взлететь корабль таких размеров, как «СССР-КСЗ». Использовать имеющиеся на борту звездолёта небольшие реактивные самолёты также было невозможно. Они не были рассчитаны на большую высоту и не могли поднять, в верхние слои атмосферы тяжёлое оборудование радиостанции и её громоздкую антенну.

Приходилось подчиниться судьбе. На Земле ничего не узнают о звездолёте, пока не закончатся работы на Венере и он не вылетит в обратный путь. Друзья и близкие членов экипажа были обречены на мучительную неизвестность.

– Вы использовали всю мощность? – прервал молчание Белопольский.

Его голос звучал так же сухо и спокойно, как всегда. Казалось, что Константина Евгеньевича беспокоит только техническая сторона вопроса.

– Всю, целиком... – с тяжёлым вздохом ответил Игорь Дмитриевич.

Белопольский нахмурился, но ничего больше не сказал.

Все молчали.

Гнетущую тишину нарушил Пайчадзе.

– Не унывайте, друзья! – сказал он. – На Земле поймут. Эта беда предвидена.

Перерыв радиосвязи действительно не должен был оказаться чересчур неожиданным для тех, кто на Земле ждал сообщения с космического корабля. Подобная возможность была, как и сказал Пайчадзе, предвидена ещё до старта звездолёта. Практика радиосвязи с Луной и искусственными спутниками Земли давно показала, что радиоволны иногда отказывались проходить через ионизированный слой, создаваемый в атмосфере солнечной радиацией. В часы активизации деятельности Солнца связь с «небесными станциями» прерывалась. Слой Хевисайда, находящийся на высоте девяноста — ста тридцати километров над поверхностью Земли, создавал труднопроходимый барьер; только ультракороткие волны могли пробивать его и уноситься в межпланетное пространство, — и то лишь при помощи направленных антенн, создающих мощный электромагнитный поток в желаемом направлении. Считалось вероятным, что на Венере, находящейся значительно ближе к Солнцу, чем Земля, солнечная радиация во много раз активнее и должна создавать в её атмосфере мощный ионизированный слой, который мог стать непреодолимым даже для сверхультракоротких волн, несмотря на всю силу генераторов «СССР-КСЗ». Кое-кто, в частности Топорков, верил в успех, но правы оказались скептики. Наткнувшись на невидимый экран, которым Солнце окружило сестру Земли, радиоволна, покинувшая антенну звездолёта, отразилась обратно на Венеру, которая снова отбросила их вверх. Так, постепенно замирая, волна несколько раз обошла кругом всей планеты, пока не истощилась её энергия.

Каждый раз, касаясь антенны корабля, радиоэхо честно возвращало ей недоставленную радиограмму.

– Одного только не понимаю, – сказал Топорков, оставшись вдвоём с Белопольским, – как мы могли так отчётливо услышать «эхо»? Звуки должны были слиться друг с другом, одно «эхо» смешаться со следующим. Ведь окружность Венеры равна всего тридцати семи тысячам километров. Для радиоволн это одна десятая секунды.

– Я подумал об этом сразу, – ответил Белопольский. – Очевидно, прохождение радиоволн в атмосфере Венеры происходит очень медленно. Это новая загадка, которую надо разгадать. Пусть послужит она вам утешением за неудачу связи с Землёй.

– А нельзя...

– Нет, – резко ответил Белопольский. – Об этом мы не смеем думать. Звездолёт сейчас нельзя поднимать в воздух. Будем ежедневно посылать на Землю радиограммы. Может быть, хоть одна из них использует случайную благоприятную обстановку и вырвется из плена.

– Вы думаете, что там будут всё время дежурить у приёмника?

Белопольский посмотрел на Топоркова и, пожав плечами, не отвечая на вопрос, вышел из рубки.

«Он прав, – сказал инженер самому себе: – я задал глупый вопрос».

Перерыв связи для тех, кто находился на Земле, был гораздо мучительнее, чем для звездоплавателей. Они знали, что с Землёй ничего не случилось, а молчание

корабля могло означать катастрофу. Если до сих пор на радиостанции дежурили только в условленные часы, то теперь это дежурство должно стать непрерывным. Иначе не могло быть.

Участники полёта на Венеру обладали сильной волей, и уныние недолго царило на корабле.

Как только Андреев закончил и доложил Белопольскому результаты анализа, всё внимание перешло на предстоявший выход из корабля первой партии. Из осторожности в неё было зачислено только четыре человека. Выходили – Белопольский, Баландин, Коржевский и, конечно, Второв с киноаппаратом.

Анализ воздуха дал малоутешительный вывод. Процент содержания углекислого газа и формальдегида был настолько велик, что не могло быть и речи о свободном дыхании. Находиться вне звездолёта можно было только в противогазе.

Измерение температуры наружного воздуха в полёте дало различные результаты: от сорока до девяноста двух градусов выше нуля. У поверхности залива термометр Цельсия показывал плюс пятьдесят три градуса. Вероятно, температура повысится днём, но пока можно было обойтись без охлаждающего костюма.

Группе Белопольского предстояло обследовать берега, выяснить возможность воспользоваться вездеходом, а также ознакомиться вблизи со странными растениями Венеры.

Противогазы, специально сконструированные для пребывания человека в атмосфере Венеры, по смешанному фильтрующе-изолирующему способу, давали

возможность дышать, в основном, воздухом Венеры, очищенным от углекислого газа и формальдегида (с помощью фильтра из соли кислого сернокислого натрия) и обогащённым кислородом из баллона, находящегося на спине исследователя. Благодаря такому способу расход кислорода был сравнительно невелик.

Головной шлем представлял собой прозрачный кварцевый шар, герметически соединявшийся с воротником комбинезона. Внутри шлема были вделаны микрофон, динамик и крохотная автоматическая аппаратура для подачи воздуха и удаления продуктов дыхания.

Миниатюрная радиостанция помещалась на поясе, штывевая антенна на спине, рядом с кислородным баллоном. Она намеренно была сделана довольно длинной и оканчивалась выше головы. На подошвах ботинок были металлические пластины, от которых шли пришитые к костюму гибкие провода, оканчивавшиеся у основания антенны. Промежуток между антенной и заземляющим проводом, равный одному миллиметру, являлся, таким образом, грозовым разрядником, и костюм отчасти защищал человека от удара молнии.

Члены экспедиции ещё на Земле прошли специальную тренировку на длительность пребывания и работы при высокой температуре и не боялись ожидавшей их за бортом звездолёта тропической жары. На корабле были охлаждающие костюмы, но, как уже говорилось, решили пока обойтись без них.

Не были забыты ультразвуковые кинжалы, которыми

можно было легко и быстро перерезать лианы и другие препятствия из органического вещества, могущие встретиться на пути, мотки крепкой верёвки и палки, типа альпенштоков, которые одновременно служили и электровибраторами, стоило только присоединить их проводом к батарее радиостанции.

Как и на пустолазном костюме, на верху шлема был укреплён небольшой прожектор, на случай если встретится какая-нибудь тёмная пещера. Неожиданное наступление ночи не угрожало, как на Арсене; залив только вступал в область дня, и вечер мог наступить не раньше, чем через полторы земные недели.

Снаряжённые таким образом четверо звездоплавателей вошли в выходную камеру, и внутренняя дверь закрылась за ними. Оставалось нажать кнопку, тогда откроется наружная дверь, и они окажутся в атмосфере Венеры. Из предосторожности, автоматическое управление дверями выходной камеры было заменено ручным.

– Костюмы в порядке? – спросил Белопольский. –
Подача воздуха?

– Нормально, – по очереди ответили все.

– На пульте! Как герметичность двери?

– Зелёный³, – ответил голос Мельникова.

– Лестница?

– Здесь.

– Открываю!

Раздвинулась и исчезла в пазах двустворчатая дверь.

³ Подразумевался цвет контрольной лампочки.

Даже сквозь плотную ткань комбинезона они почувствовали, как тело охватил влажный и горячий воздух. Лёгкая дымка тумана заполнила камеру.

Внизу, совсем близко, колыхалась вода залива, в тёмной глубине которой смутно угадывались очертания каких-то не то растений, не то скалистых выступов. Сквозь шлем со всех сторон, слышались то отдалённые, то близкие оглушительные раскаты грома. Временами яркий блеск недалёкой молнии заставлял закрывать глаза. В ста метрах виднелся желанный берег – высокий обрыв с венчающей его панорамой оранжево-красного леса.

– На Арсене мы в один прыжок были бы на берегу, – сказал Второв.

Никто не ответил на это шутливое замечание. Сдерживая волнение, звездоплаватели молча смотрели на открывшийся перед ними пейзаж Венеры.

Внизу, под выходной камерой, раздвинулись двери одного из ангаров, и оттуда показалась висящая на «стрелах» электромоторная лодка. Сверху она была закрыта прозрачным пластмассовым кожухом, сейчас раздвинутым.

Второв установил лестницу, и все четверо, один за другим, спустились на борт судна, которое свободно могло вместить человек восемь. С центрального пульта были пущены в ход барабаны тросов, и лодка опустилась вместе с людьми на поверхность залива.

Баландин немедленно опустил в воду руку в тонкой перчатке. Он не почувствовал ни тепла, ни холода, – значит, температура воды приблизительно равнялась

температуре человеческого тела. Термометр подтвердил это, показав плюс тридцать семь и две десятых. Профессор наполнил водой заранее подготовленные бутылки и тщательно закрыл их стеклянными пробками.

Коржевский взял на себя роль механика. Отцепив тросы, он включил мотор, и лодка медленно отошла от корабля.

Второв принял глазом к окуляру киноаппарата, снимая исторический момент, — началась первая экспедиция на Венере.

Белопольский вспомнил отъезд Камова и Пайчадзе восемь лет тому назад и всё, что произошло во время первой экскурсии по Марсу: встречу с американской экспедицией, выстрел Бейсона, ранение Арсена Георгиевича. Не случись тогда этой встречи, Камов не оказался бы в безвыходном положении. Ему не пришлось бы возвращаться на Землю на корабле Хепгуда, не пришлось бы подвергнуть себя губительному для здоровья увеличению веса. И он был бы сейчас здесь, с ними. В том, что Камова нет на Венере, виноват только Бейсон.

С чувством досады и раздражения, которое всегда появлялось при этом воспоминании, Константин Евгеньевич снова подумал о том, что преступление журналиста осталось безнаказанным. Переданный советским правительством американским властям, Бейсон был, правда, отдан под суд, но оправдан, — и оправдан только потому, что Камов и Пайчадзе отказались выступить свидетелями обвинения. Строго логичный,

математический ум Белопольского не мог понять мотивов, которыми руководствовались его друзья; их решение удивило и даже огорчило его, но, верный правилу не навязывать своего мнения, он тогда ничего не сказал. За эти восемь лет Белопольский редко вспоминал неприятный ему эпизод и подумал о нём сейчас только потому, что остро почувствовал отсутствие Камова в знаменательный момент отъезда в первую экскурсию по Венере. С какой радостью уступил бы он своё место учителю и другу...

В двадцати метрах от берега лодка остановилась. Обрыв отвесно шёл вниз. Нигде не видно было удобного места, чтобы высадиться на берег. Высоко над головой виднелись края жёлтых кустов, которые и отсюда казались сплошной губчатой массой. Над ними, в самое небо, поднимались стволы деревьев; казалось, что тучи касаются их неподвижных вершин.

Ослепительно блеснула молния, ударившая где-то близко в противоположный берег, и оглушительный удар грома прокатился над лесом. Разведчики едва успели сдвинуть обе половины кожуха и закрыть лодку, как хлынул чудовищный ливень. Грозовой фронт, один из тех, сквозь которые недавно пролетал звездолёт, надвинулся на залив, мгновенно погрузив его в полную темноту.

Всё исчезло из глаз – корабль, берег, небо. Люди не видели ни воды, ни лодки, ни друг друга и только чувствовали, как сотрясается их судно под тяжестью сплошных водяных потоков, обрушившихся на него. Если пластмассовый кожух не выдержит напора воды,

лодка будет мгновенно потоплена.

Почти одновременно вспыхнули прожекторы на шлемах Белопольского и Баландина. Осветилась клочущая белая пена вокруг лодки, неразличимо сливающиеся друг с другом струи ливня и низвергающийся с высоты берега, совсем рядом, бурный водопад.

– Отведите лодку немного дальше от берега, – сказал Белопольский.

В его голосе не слышно было ни малейшего волнения. Казалось, что опасное положение, в которое они попали, его нисколько не тревожит.

Коржевский выполнил приказание, и лодка отошла на значительное расстояние от водопада.

– Как бы нас не вынесло в океан, – заметил Второв.

– Здесь нет ветра, – ответил Баландин.

– Когда мы летели на «СССР-КС2», – тоном лектора начал Белопольский, – то встретили грозовой фронт протяжённостью в тысячу километров. Если этот такой же, то он может пройти через несколько часов. Тогда нам следует отойти под защиту борта звездолёта. Если же фронт небольшой, то скоро пройдёт. Большинство грозowych фронтов на Венере небольших размеров. Поэтому лучше немного подождать, стоя на месте.

– А выдержит ли кожух?

– Он рассчитан на такой случай. Если он цел до сих пор, то таким и останется. Опасность нам не угрожает.

– Почему нас не вызывает корабль? – спросил Баландин. – Это очень странно. Борис Николаевич! – громко позвал он.

Никакого ответа не последовало.

— Может быть, на станции никого нет... — нерешительно сказал Коржевский.

— Это совершенно невозможно. Товарищ Мельников! — ещё раз позвал профессор.

Снова молчание.

— Они нас не слышат!

— Не могут не слышать.

Продолжительный, потрясающей силы раскат грома прервал разговор. Словно раскалывалось на части само небо Венеры, готовое обрушиться на «землю». Феерическим фейерверком засверкали одновременно десятки молний, осветив залив мерцающим светом. Близкой громадой выступил из мрака сквозь стену ливня исполинский корпус звездолёта, на котором огненной сеткой дрожали вспышки разрядов, точно на корабль обрушились потоки не водяного, а электрического дождя.

Гроза, казалось, ещё усилилась. Лодка судорожно задрожала, и люди почувствовали, как она начала погружаться в воду. Бешено клокочущая пена всё выше поднималась по борту, захлёстывая нижнюю часть кожуха.

Внезапно на конце металлического форштевня загорелось голубое пламя, сжалось в маленький светящийся мячик шаровой молнии и лопнуло с оглушающим треском, рассыпав в темноте каскад голубых искр.

В наступившей на несколько секунд тишине неожиданно раздался голос Второва.

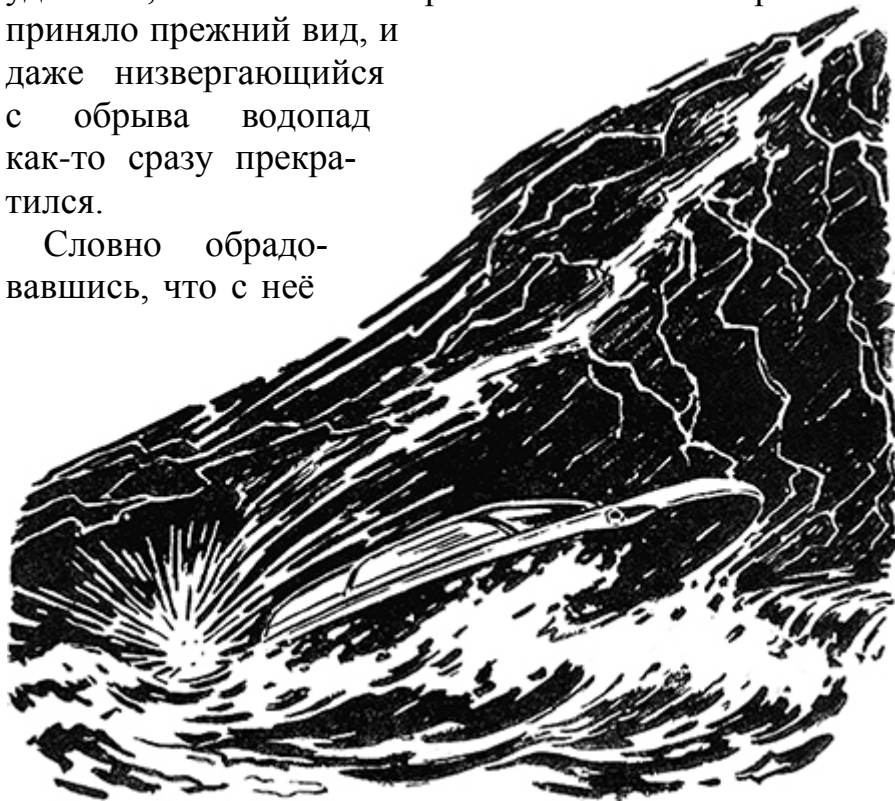
— Я знаю! — сказал он.

Никто не отозвался. Подавленные грозной мощью стихии люди молча ждали, — лодка продолжала мед-

ленно опускаться, точно какая-то непреодолимая сила затягивала её в пучину.

И вдруг, будто на экране, где один кадр сменился другим, гроза промчалась мимо. Раздался прощальный затихающий гром, и тёмный занавес ливня, быстро удаляясь, исчез за лесом противоположного берега. Всё приняло прежний вид, и даже низвергающийся с обрыва водопад как-то сразу прекратился.

Словно обрадовавшись, что с неё

сняли давящую тяжесть, лодка резко подпрыгнула и закачалась на поверхности залива. Было такое впечатление, что взошло Солнце, так светло стало вокруг в сравнении с только что бывшим мраком.

– Посмотрите, что творится с компасом! – восклик-

нул Баландин.

Стрелка судорожно дёргалась по циферблату во все стороны.

– Магнитная буря, – сказал Белопольский.

Точно согласившись с его заключением, стрелка компаса качнулась несколько раз и успокоилась, повернувшись в прежнюю сторону, – туда, где находился магнитный полюс Венеры.

– Я знаю, – вторично сказал Второв. – Причину радиоэха надо искать в электрических свойствах грозовых фронтов.

– Совершенно правильно, – раздался в их шлемах голос Топоркова. – Во время грозы приборы показали исключительную силу ионизации воздуха.

– Всё в порядке? – спросил Мельников.

– Если бы гроза не прекратилась так скоро, то не было бы в порядке, – ответил Баландин. – Мы шли ко дну.

– Лодка непотопляема, – сухо поправил его Белопольский.

Было очевидно, что радиосвязь прервалась по вине грозы. Радиоволны не проходили через ионизированный воздух и насыщенные электричеством струи.

– На Венере, – сказал Топорков, – грозы постоянны. Мы будем иметь частую возможность изучать это странное явление и разгадаем загадку эха.

Не было никакой гарантии, что затишье продлится долго. В любую минуту мог налететь новый грозовой фронт. Но никто и не подумал вернуться на корабль. Лодка снова двинулась вперёд, на поиски места, где

можно высадиться на берег. Но сколько они не смотрели, нигде не было никакой возможности причалить. Обрыв всюду был неприступен.

Коржевский, управлявший лодкой и менее других занятый рассматриванием берегов, вдруг весь подался вперёд и резко повернул руль.

– Что случилось? – спросил Белопольский.

Биолог молча указал на какой-то предмет, плававший на воде.

Второв опустил руку за борт и вытащил из воды длинную плоскую дощечку.

Это была... линейка, с нанесёнными на ней делениями.

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВ

Если бы в лодке появился неизвестный зверь, выскочивший из воды, они, вероятно, меньше бы удивились. Живое существо, – это было понятно даже на Венере, где не предполагали найти высокоорганизованную жизнь; она всё же могла оказаться на планете. Но мёртвый кусочек дерева, которому чья-то рука придала форму хорошо известного измерительного инструмента, это бесспорное доказательство разума, был совершенно необъясним. Что на сестре Земли нет разумного населения, казалось очевидной истиной. Планета была слишком сурова, чтобы на ней могла развиваться жизнь подобная земной. «СССР-КС2» не обнаружил никаких следов разумной деятельности, никакого намёка на существование человечества на

Венере. Экипаж «СССР-КСЗ» также не видел ничего, что хотя бы отдалённо походило на сознательную жизнь. Самые горячие оптимисты допускали на Венере существование только низших форм животного мира.

И вот в руках Второва находится предмет, свидетельствующий о высокой ступени умственного развития. Деревянная линейка – это умение обрабатывать дерево, наличие инструментов для такой обработки, это знание математики, потребность в измерении физических величин, а следовательно, и какая-то степень научных знаний.

– Может быть, на Венере побывал другой звездолёт? – высказал предположение Коржевский.

Подобная мысль возникла у всех, как только убедились, что перед ними действительно линейка, а не просто кусок дерева.

Но какой звездолёт мог оказаться на Венере? Экспедиция Уильяма Дженкинса находилась ещё на Марсе. По пути к нему она не могла посетить Венеру. Английские, французские и шведские звездолёты в момент отлёта «СССР-КСЗ» все были на Земле. О постройке космических кораблей в других странах ничего не было известно.

Белопольский взял линейку из рук Второва и внимательно осмотрел её.

– Это сделано не на Земле, – сказал он. – Деления не соответствуют никаким земным мерам. Единица измерения, применённая при изготовлении этого инструмента, неизвестна у нас. Если линейку потеряли звездоплаватели, то они прилетели, не с Земли.

Его спутники молча переглянулись.

«Не с Земли!..»

Неужели на планете побывали обитатели другого мира? Может быть, их корабль и сейчас находится на Венере? Линейка найдена в заливе, куда не могли занести её волны океана. Значит, неизвестный космический корабль, находится где-то близко...

Все одновременно повернулись к берегу, словно ожидая, что из оранжево-красных зарослей появится вдруг неведомое существо, пришелец с другой планеты.

Но всё было по-прежнему, никто не появлялся, и никакого движения нельзя было заметить на высоком обрыве.

Очевидно, на звездолёте слышали непонятный им разговор. Мельников спросил, что случилось. Ему подробно рассказали всё.

Об дальнейшем обследовании залива никто больше не думал. Лодка повернула обратно. Всем не терпелось как следует осмотреть поразительную находку, точно определить, из чего она сделана. Линейка казалось деревянной, но в этом следовало убедиться.

Процедура входа на корабль показалась всем четверым томительно длинной.

Когда наружные двери закрылись, заработал воздушный фильтр. Вытягиваемый из камеры воздух прогонялся через двойной бак со спиртом с примесью серной кислоты и, пройдя ещё через поглотитель из активированного угля, поступал обратно в камеру очищенным от формальдегида. Эта операция продолжалась десять минут. Потом надо было снять комби-

незоны, обувь и шлемы, сложить их в специально предназначенный для этого ящик с герметически закрывающейся крышкой и снова фильтровать воздух в течении пяти минут. Только после всех этих предосторожностей стало возможно открыть двери и войти внутрь звездолёта.

Весь экипаж собрался в лаборатории. Белопольский положил линейку на стол...

Долгое время единственными неземными объектами, которые могли быть подвергнуты непосредственному научному изучению, являлись метеориты. С начала эпохи межпланетных перелётов в руки учёных начали поступать многочисленные объекты другого порядка – образцы пород, собранных на Луне, представители фауны и флоры Марса. Не случайное падение метеорита, а планомерная, сознательная работа человека давала материалы для изучения жизни во Вселенной.

Но ещё никогда человек не держал в своих руках предмета, сделанного кем-то на другой планете.

Можно было допустить, что в результате невероятного стечения обстоятельств кусок дерева был отщеплён и принял форму линейки – плоского удлинённого прямоугольника, но никакая случайность не могла нанести по краю этого прямоугольника ровные, отстоящие друг от друга на одинаковом расстоянии метки делений. Это могло сделать только разумное существо, знакомое хотя бы с начатками математической науки.

– Как странно, – сказал Князев, – что мы натолкнулись на новую тайну сразу, как только опустились на Венеру.

Это, действительно, было странно. Словно кто-то намеренно подкинул линейку, предупреждая, что планета имеет своих хозяев, что она обитаема.

– Я всё-таки убеждён, что на Венере нет разумных существ, – сказал Белопольский.

– Откуда же взялась эта линейка?

Константин Евгеньевич пожал плечами:

– Этого я не знаю, – так же, как и вы.

– До чего досадно! – сказал Топорков. – Если бы работала связь...

Ему никто не ответил, но все подумали о том же. Таинственная находка произвела бы сенсацию на Земле. Но связь была прервана, и никто ничего не узнает, пока корабль не вернётся.

Зайцев тщательно измерил промежутки между делениями. Они оказались на расстоянии тридцати одного с четвертью миллиметра друг от друга.

Белопольский был прав – такой меры длины на Земле не существовало. Было ли это основной мерой, принятой у тех, кто сделал линейку, или частью более длинной, – кто мог это сказать?

Баландину и Андрееву поручили исследовать находку. Они тотчас же взялись за работу.

– Постарайтесь определить, сколько времени линейка пробыла в воде, – попросил их Белопольский.

Звездоплаватели решили продолжить прерванную вылазку. Вместо Баландина в группу был зачислен Топорков.

Учитывая высоту обрыва, который был явно неприступен на всём протяжении, Белопольский и Мельников

приняли решение подвести звездолёт к самому берегу. Это нетрудно было сделать: глубина у берегов была вполне достаточной, а силы двигателей двух электромоторных лодок должно было хватить и на то, чтобы отбуксировать даже такой громадный корабль.

Романов и Князев вышли через две разные камеры и сели в лодки. Один направился к носу корабля, другой к корме. Зацепив тросами за специально предназначенные для этой цели массивные кольца, они по команде с пульта одновременно пустили моторы на полную мощность.

Исполинский «кит» медленно тронулся с места и величественно поплыл в сторону ближнего берега. Когда корабль получил достаточную инерцию, тросы были отцеплены, и обе лодки поспешно удалились на значительное расстояние.

Корабль подходил к берегу очень медленно, но его масса была настолько велика, что удар о береговую обрыв получился значительной силы. Две волны прошли по заливу, и было видно, как на противоположном берегу прокатился пенный бурун прибоя.

Механики звездолёта — Зайцев и Князев — быстро собрали лёгкий мостик с перилами и, воспользовавшись случаем, прошли вместе со всей группой в выходную камеру, чтобы установить его. Как и всем остальным, им очень хотелось, хоть ненадолго, ступить на «землю» Венеры.

Когда все надели комбинезоны и шлемы, Белопольский задал традиционный вопрос об исправности подачи воздуха.

Дверь открылась.

Кусты и деревья были теперь так близко, что сразу бросились в глаза незамеченные раньше подробности. Пока механики с помощью Второва возились с мостом, Белопольский, Коржевский и Топорков внимательно осматривали местность.

Первоначальное предположение, что лес Венеры труднопроходим, полностью подтвердилось. Самые дикие уголки тропических лесов Земли показались бы просторной аллеей в сравнении с перепутанным хаосом кустов, лиан и деревьев, между которыми по «земле» стлались сплошным ковром лентообразные кроваво-красные растения с острыми шипами в метр длиной. Всюду, пробиваясь через этот красный ковер, поднимались какие-то странные мясистые трубки, увенчанные разноцветной бахромой.

Прямо напротив дверей выходной камеры находился большой «куст». Сразу стало ясно, что это жёлтое «растение» не имеет ничего общего с растительным миром Земли. Определение, данное Мельниковым, лучше всего подходило к его внешнему виду. Это была гигантская губка, с таким же, как у земных губок, комкообразным телом, пронизанным бесчисленными мелкими отверстиями, между которыми во все стороны торчали тонкие острые иглы.

Стволы деревьев не имели никакой коры. Гладкие, нежно-розовые, они казались почти прозрачными. Как на картине, написанной акварелью, розовый цвет стволов незаметно переходил в красный и оранжевый цвет ветвей. Пунцовые, с чёрными поперечными коль-

цами, гибкие лианы с близкого расстояния уже не казались гладкими. Их тела были пористы – со множеством мелких отверстий.

Коржевский вдруг схватил и сжал руку Белопольского.

– Смотрите! – сказал он, указывая на ствол ближайшего дерева.

Пунцовая «лиана», плотно обвивавшая нижние ветви великана, чуть заметно шевелилась. Было такое впечатление, что длинное, гибкое тело «кораллового аспида» равномерно сжимается и раздувается дыханием.

– Ветер, – тихо сказал Белопольский.

Биолог отрицательно покачал головой.

– Тут нет ветра, – прошептал он.

Механики и Второв прекратили работу над мостом. С напряжённым вниманием звездоплаватели всматривались в окружавший их пейзаж.

– Жизнь! Всюду жизнь! – взволнованно сказал Коржевский.

Теперь все ясно видели, что «лес» полон движения.

Дышали бесчисленные «лианы», равномерно покачивалась разноцветная бахрома трубок, она плавно колыбалась, и временами отдельные волоски медленно вытягивались, словно щупальца, отыскивающие добычу. Где-то внутри розовых стволов пробегали вверх тёмные точки, как в воде цепочка пузырьков воздуха. Красные «ленты», стелющиеся по «земле», тоже шевелились. Иногда точно электрический ток проходил по ним, – судорожно вздрагивали растущие на них шипы, и сама «лента» изгибалась, словно корчилась от боли, и

замирала в новом положении.

– Тут ступить некуда, – заметил Второв.

Почвы, из которой росли все эти причудливые «растения», совершенно не было видно. До самого края обрыва расстился живой ковёр.

– Мы думали, – заметил Баландин, – что на Венере нет жизни. Вот она, здесь, перед нами...

– Не понимаю, – сказал вдруг Коржевский. – Это морские животные, которые должны жить в воде. Посмотрите на эти мясистые трубки с венчиком щупалец; это в точности земные актинии. Я убеждён, что и них есть ротовое отверстие. Но какую пищу они могут получить из воздуха? А эти иглы? Типично морские образования. А коралловые деревья? Мы точно очутились на внезапно обмелевшем дне моря. А губки? Откуда они могли взяться на суше? Может быть, ливни? – спросил он самого себя. – Нет, нет! Этого недостаточно. Совсем недавно всё это место было покрыто океаном.

– Почему же оно вдруг обмелело? – спросил Топорков.

Белопольский хмурил брови, напряжённо думая. Слова Коржевского вызвали какую-то сразу ускользнувшую мысль, и он старался припомнить, что именно пришло ему в голову, когда биолог говорил о внезапно обнажившемся дне. Вопрос Топоркова послужил толчком в его памяти.

– Вспомнил! – внезапно сказал он. – Это безусловно так! Отлив! – пояснил он удивлённо посмотревшим на него товарищам. – Солнце находится сейчас на восточном горизонте. Оно вызвало отлив. Ночью этот бе-

рег был покрыт волной прилива.

– Похоже, что вы угадали, – сказал Коржевский. – Такое предположение кое-что может объяснить. Ведь ночь на Венере длится долго.

– Значит, к вечеру здесь опять будет океан? – спросил Топорков. – Что мы тогда будем делать?

– Темнеет! – раздался предупреждающий возглас Князева.

Приближалась гроза.

Все поспешно отступили вглубь камеры, и Белопольский закрыл двери. Едва он успел это сделать, как сильный удар и дробный стук, сразу перешедший в ровный гул, показали, что на звездолёт обрушились очередные потоки ливня. Сравнительно тонкие стенки выходной камеры позволяли отчётливо слышать раскаты грома, треск молний и шум берегового водопада, льющегося совсем рядом.

– Грозы не оставят нас в покое, – сказал Белопольский.

– Плохо нам будет, если гроза застанет на открытом месте.

Никто не отозвался на это совершенно справедливое замечание Второва.

– Где вы находитесь? – раздался голос Мельникова.

– В выходной камере. Просвета не видно?

– Ничего не видно. Экраны чёрные.

Приходилось терпеливо ждать окончания грозы. Прodelывать снова длительную процедуру входа на корабль не имело смысла. Гроза могла промчаться в любую минуту.

И действительно через двадцать минут гроза прошла. Снова открыли двери.

– Что меня больше всего удивляет, – сказал Коржевский, – это отсутствие луж. После такого потопа нет никаких следов.

– Они могут быть под этим красным ковром, – предположил Топорков. – Возможно, что там сплошное болото.

Вид местности не изменился, но сразу бросилось в глаза, что бывшее раньше чуть заметным движение на берегу усилилось. Чаше дышали «лианы», быстрее шевелились волоски «актиний», заметнее изгибались красные «ленты».

– Лишнее доказательство, что родной средой этих организмов является вода, – торжествовал биолог. – Вы не ошиблись, Константин Евгеньевич!

– Сойдём на берег!

– Одну минуту, – сказал Второв, видя, что Белопольский собирается ступить на мостик. – Разрешите на всякий случай обвязать вас верёвкой.

– Да, пожалуй, это не лишняя предосторожность, – согласился академик.

– Геннадий Андреевич, как альпинист, всегда помнит о таких вещах, – улыбнувшись сказал Топорков.

Обвязавшись концом крепкой верёвки, которую Второв держал в своих сильных руках, Белопольский перешёл мост. Он на секунду остановился, выбирая место, куда поставить ногу, и осторожно ступил в узкий промежуток между двумя красными «лентами». Потом сделал шаг вперёд.

– Воды здесь нет, – сказал он. И в то же мгновение провалился.

Верёвка резко натянулась, но Второв даже не пошатнулся. Одним движением он вытащил Белопольского обратно на мостик.

– Вот вам и «такие вещи», – насмешливо сказал он Топоркову.

Коржевский помог Константину Евгеньевичу подняться на ноги. Брюки комбинезона были слегка запачканы, но совершенно сухие. Значит, Белопольский провалился не в воду.

– Подошва скользнула по твёрдой покато́й поверхности, – сказал он. – Мне кажется, что здесь пористый грунт, и это объясняет отсутствие воды. Она уходит через поры в залив.

– Разрешите попробовать мне.

– Нет, я сам.

Он снова подошёл к краю мостика и концом электровибратора прощупал почву.

– Держите крепче, – озабоченно сказал Топорков.

Второв посмотрел на него и усмехнулся.

Белопольский уверенно, хотя и очень медленно, пошёл вперёд, тщательно прощупывая перед собой дорогу. По тому, как часто его вибратор уходил вглубь, было видно, что он идёт по невидимой тропинке между ямами, глубина которых была совершенно неизвестна. Может быть, они доходили до поверхности залива.

Отойдя шагов на шесть, Белопольский остановился и повернулся к товарищам.

– Идите за мной, привязавшись верёвкой друг к

другу. Как следует прощупывайте дорогу. Борис Николаевич! – позвал он.

– Я вас слушаю, – ответил Мельников.

– Поднимите перископ! Внимательно наблюдайте за горизонтом и в случае приближения грозового фронта предупредите нас.

– Сию минуту!

Над кораблём взвился двухметровый шар. В несколько секунд он поднялся до уровня верхушек розовых стволов и закачался на толстом тросе. Было видно, как ветер тотчас же отнёс его в сторону выхода из залива.

– Как видимость? – спросил Белопольский.

– Вполне достаточная.

– Не торопитесь! Предупреждайте нас только в случае явной опасности.

Мельников ничего не ответил.

– Вы меня слышите?

– Конечно Константин Евгеньевич.

– Так что же вы молчите?

Белопольский улыбнулся про себя. Он хорошо знал характер своего ученика. – Мельников не любил, когда ему делали указания подобного рода.

– Берегитесь! – внезапно крикнул Второв. – Шип!

Но академик и сам заметил опасность.

Острый конец метрового шипа с ближайшей «ленты» наклонялся в его сторону. В медленном движении «растения» была явная угроза.

Почти инстинктивно Белопольский ударил вибратором. Странный шип не сломался на середине, как

можно было ожидать, а отлетел целиком. На месте, откуда он рос, из красной «ленты» выступило несколько капель чёрной жидкости, как кровь раненого животного.

Белопольский подошёл к сбитому шипу, поднял его и перебросил товарищам. Одновременно он зорко наблюдал за другими шипами. Каждый раз, когда он приближался к ним ближе чем на метр, тонкие шпаги наклонялись в его сторону, словно намереваясь впитаться в тело острым жалом, но стоило немного отодвинуться – и они принимали прежнее положение. «Актинии» угрожающе вытягивали свои волоски навстречу протянутой к ним руке. Казалось, что тело человека притягивает к себе обитателей Венеры, что они видят чуждое им существо и готовы схватить его.

– Надо быть очень осторожными, – сказал Белопольский. – Может быть, они ядовиты.

Трое звездоплавателей, один за другим, сошли на берег. Второв шёл последним. Его самого держали Зайцев и Князев, оставшиеся, по приказанию Белопольского, на пороге камеры. Топорков поскользнулся, но его легко удержали товарищи.

Коржевский подошёл к Белопольскому. Глаза биолога блестели радостью.

– Это животные, животные! – повторял он в крайнем возбуждении. – Они охотятся на нас. Понимаете? Они привыкли ловить добычу, когда она приближается к ним. Это значит, что в воде океана есть живые существа, которые движутся... плавают. Вы понимаете, что это значит?

– Да, я хорошо понимаю, – ответил Белопольский.

– Вот смотрите!

Коржевский схватил руками бахрому «актинии!» В ту же секунду гибкие волоски обвились вокруг его кистей и потянули к обнажившемуся круглому отверстию.

– Видите, это ротовое отверстие, совсем такое же как у земных актиний! – в восторге вскричал биолог.

Он и не думал противиться, позволяя растению (или, быть может, животному) всё глубже затягивать свои руки. Белопольский схватил увлечшегося учёного за плечи и с силой рванул к себе.

– Будьте же благоразумны, – сказал он с обычным спокойствием. – Это не земная актиния.

Коржевский с огорчением смотрел на оторванные волоски, которые медленно, точно нехотя, раскручивались и падали на «землю».

– Надо взять одну из них на корабль, – сказал он.

– Берите сколько хотите, но будьте осмотрительны.

Белопольский сбил ближайший шип и, взяв его в руку, поднёс конец к другой «актинии». Волоски тотчас же схватили шип и потянули ко «рту».

Все с интересом следили, что будет дальше.

Через минуту в руках академика остался только большой кусок шипа. Остальное исчезло.

– Вот вам, пожалуйста! Где гарантия, что этого не могло случиться с вашей рукой?

– Да! – только и смог ответить сконфуженный биолог.

Стало очевидным, что «актинии» Венеры имеют со-

всем другое устройство, чем их земные собратья. Белопольский попробовал разломить оставшийся в его руках кусок шипа, но тщетно. Он был твёрд, как железный, а ведь это хрупкое и мягкое на вид «растение» с лёгкостью «перекусило» шип пополам.

– Я назову их *Actinaria Ferrumus*⁴, – торжественно объявил Коржевский.

Длина верёвки не позволяла далеко отойти от корабля. Кроме того, надо было соблюдать особую осторожность. Грозы ещё не были изучены, любая из них могла быть смертельно опасной. Удастся ли незащищённому человеку противопостоять силе водяных потоков, никто не знал.

Но, и не отходя далеко, можно было многое сделать. Соблюдая величайшую осторожность, исследователи собрали несколько шипов, с помощью ультразвуковых кинжалов отделили от почвы три «актинии» и значительный кусок красной «ленты». Всё это отнесли в выходную камеру.

Когда приблизились к первому «дереву», Коржевский тщательно осмотрел его.

– Это типично коралловое образование, – заявил он. – Хорошо бы достать кусок ветки.

Второв посмотрел вверх. Ответвления от главного ствола начинались невысоко над «землёй». «Дерево» было густо переплетено «лианами».

– Разрешите попробовать? – обратился он к Белопольскому.

⁴ Актиния железная (лат.)

Константин Евгеньевич с сомнением посмотрел на гладкий, точно отполированный, ствол.

– Мне помогут «лианы», – добавил Второв.

– Только не высоко, – решил начальник экспедиции. – Отломите ближайшую тонкую ветку. И быстрее! Может налететь гроза. В каком положении вы окажетесь на дереве!

– Грозового фронта вблизи нет, – сказал Мельников.

– Встаньте ко мне на плечи, – предложил Коржевский.

Второв, передав киноаппарат Белопольскому, отвязал верёвку от пояса и, взобравшись на плечи биолога, схватился руками за «лиану», обвившуюся вокруг нижней ветви.

В следующее мгновение произошло то, чего никто ожидать не мог.

Едва только руки Второва сжали пунцовый канат, как с молниеносной быстротой он раскрутился с ветви, и длинный гибкий конец мелькнул в воздухе. В три секунды Второв оказался спелёнатым. Совершенно беспомощный, не имея возможности пошевелить рукой или ногой, инженер повис над головами своих товарищей, ошеломлённых этим неожиданным нападением «растения».

Топорков сорвал с себя стеснявшую верёвку и, в свою очередь, вскочил на плечи Коржевскому. Остриём кинжала он провёл по телу «лианы». Ультразвук, как бритвой, перерезал растительного хищника. Второв упал на руки Белопольского. Сквозь шлем было видно, что он задыхается, сжатый в объятиях «лианы», которая

по-прежнему обвивала его тело. Попытка снять путы руками ни к чему не привела, и только звуковым кинжалом удалось разрезать кольца и освободить грудь. Комбинезон оказался разорванным во многих местах.

– Скорее на корабль! – испуганно воскликнул Коржевский.

Он руками обхватил шею Второва, словно собираясь задушить его. Сквозь прорехи мог проникнуть непосредственно в шлем отравленный формальдегидом воздух Венеры. Белопольский схватил верёвку и отрезал от неё порядочный кусок. Этим концом плотно обмотали воротник комбинезона.

– У вас ничего не сломано? – спросил Коржевский.

– Как будто ничего, – ответил Второв. – У этих чудовищ исполинская сила. У меня всё тело болит.

– Но идти вы можете?

– Конечно, могу.

Очутившись в выходной камере, Второв протянул руку Топоркову.

– Спасибо, Игорь Дмитриевич! – сказал он. – Вы спасли мне жизнь.

– То ли ещё будет, Геннадий Андреевич! Сегодня я вам, а завтра вы мне.

Даже тогда, когда они торопились на корабль, чтобы осмотреть найденную в заливе линейку, процедура фильтрации не казалась такой томительно долгой. Все с беспокойством наблюдали за лицом Второва, ожидая увидеть признаки отравления. Герметичность верёвочного воротника вызвала законные сомнения.

– Как вы себя чувствуете? – поминутно спрашивал

Коржевский.

– Голова болит.

– Вы слышите какой-нибудь запах?

– Да, очень сильный и неприятный.

Значит, формальдегид всё-таки проходил, минуя коробку фильтра.

На звездолёте уже знали обо всём, что случилось. У дверей выходной камеры в полной готовности стоял Степан Аркадьевич с сумкой первой помощи в руках. Баландин и Пайчадзе держали носилки.

Как ни велико было беспокойство за здоровье товарища, процесс дезинфекции был соблюлён полностью.

Из выходной камеры можно было говорить только с центральным пультом. Собравшиеся в коридоре ничего не знали о том, что происходит за дверью. Когда она, наконец, открылась, они увидели, что Зайцев и Князев держат Второва на руках.

– Он потерял сознание три минуты тому назад, – сказал Белопольский.

Андреев молча открыл сумку.

– Положите его на пол, – распорядился Коржевский.

Оба врача склонились над пострадавшим. Через минуту Второв открыл глаза, и Андреев приказал перевести его в лазарет.

– Ничего, всё в порядке, – ответил он на вопрос Белопольского. – Он скоро будет совсем здоров.

Романов и Князев, как самые сильные из всех, понесли носилки. Ходить по звездолёту, да ещё с грузом, было очень трудно. «Клиника», как в шутку называли лазаретное помещение, к счастью, находилась в этом же

коридоре.

– Венера щедра на сюрпризы, – сказал Зайцев. – Что-то будет дальше?

– Как с линейкой, Зиновий Серапионович? – спросил Белопольский у Баландина.

– Она несомненно деревянная, – ответил профессор. – Породы дерева мы не могли определить...

– Неудивительно!

– Но можно с уверенностью утверждать, что она очень долго находилась в воде. По-моему, не меньше года.

– Не меньше года, – задумчиво повторил Белопольский. – Так! Выходит, что линейка попала в воду год тому назад?

– Как будто так.

– В таком случае бесполезно искать её хозяев. За такой долгий срок её могло принести из другого полушария планеты.

– А если её потеряли звездоплаватели, то их корабль давно вкинул Венеру, – добавил Мельников.

– Звездоплаватели?..

Белопольский пожал плечами. По этому жесту было видно, что Константин Евгеньевич не очень верит в посещение Венеры обитателями другого мира.

– Перископ ещё наверху? – спросил он.

– Конечно нет.

– Поднимем его ещё раз. Пройдёмте на пульт, Зиновий Серапионович!

Воздушный шар с подвешенной к нему телевизионной камерой снова поднялся над звездолётом. На экране

появился океан. Камера медленно вращалась, и водная равнина сменилась оранжево-красной панорамой «леса».

– Поднимите перископ выше!

Мельников исполнил приказание. Было заметно, что шар сильно относит к востоку, но всё же горизонт расширился.

– Так и знал! – сказал Белопольский. – Смотрите!

Глазок перископа повернулся в это время к северу. И Баландин и Мельников одновременно заметили вдали тёмную полосу воды. Такие же полосы оказались с запада и юга.

– Мы на острове, – сказал Белопольский. – Когда Stanisław Казимирович говорил, что деревья на берегу в действительности кораллы, я сразу подумал, что нам попался не материк, а коралловый остров, который выходит на поверхность только днём, во время отлива. Ночью – это дно океана. Становится понятным, почему здесь нет растительности, которая должна быть на Венере, а только морские организмы. Необходимо отыскать материк и перелететь на него.

– Остров соврём не так уж велик, – заметил Баландин. – Даже удивительно, как это мы не заметили подлетая, что это остров.

– Было гораздо темнее, – ответил Мельников, – и горизонт был закрыт грозowymi фронтами.

– Но всё же, – продолжал профессор, – он гораздо больше, чем самые большие коралловые постройки на Земле. Правда, и сами кораллы, если эти действительно кораллы, неизмеримо крупнее земных. Во всяком слу-

чае, прежде чем улететь, надо тщательно изучить остров.

– Безусловно! – согласился Белопольский. – Тем более, что мы и не можем скоро покинуть это место. Кораблю негде развернуться для старта. Он останется здесь до вечера, то есть недели на полторы.

ВОЗДУШНАЯ РАЗВЕДКА

Итак «СССР-КСЗ» находился у берегов кораллового острова, выступившего из океана вследствие отлива.

На Земле, которая в полтора раза дальше от Солнца, чем Венера, приливная волна достигает в некоторых местах, например в бухте Фанди в Северной Америке, между Новой Шотландией и Новым Брауншвейгом, двадцати одного метра в высоту. Правда, земные приливы обязаны своим происхождением главным образом Луне, притяжение которой заметно влияет на них, но близость Венеры к Солнцу должна была с избытком возместить отсутствие у планеты спутника. По мнению Белопольского и Баландина, приливы на Венере могли достигать восьмидесяти метров. Ночью, когда, вслед за Солнцем, уходящим к западному горизонту, на остров надвигается приливная волна, только вершины самых высоких коралловых деревьев остаются над поверхностью океана. Всё остальное погружается в воду.

Находящиеся сейчас на суше, морские растения и животные с наступлением ночи «просыпаются» для питания и жизни. Днём, оказавшись на воздухе, они впадают в состояние своеобразного анабиоза, подоб-

ного «зимней спячке» у некоторых земных животных и растений.

Баландин и Коржевский единодушно пришли к такому выводу.

Уже больше ста часов, почти пять земных суток, звездолёт находился на Венере. Научная работа, к которой так тщательно готовились на Земле и в пути, постепенно развёртывалась.

Помимо вполне естественного желания как можно лучше и полнее изучить то, что никогда и никем не изучалось, членов экипажа подгоняли мысли о Земле.

Перерыв радиосвязи тяжело переживался всеми. Мучило сознание, что близкие люди, ставшие благодаря разлуке ещё дороже, терзаются страшной неизвестностью. Работа, постоянная занятость помогали бороться с томящей тоской. Андрееву приходилось часто обращаться к Белопольскому или Мельникову, чтобы поддерживать неизменным установленный ими распорядок дня, а особенно, ночи. В определённые часы экипаж звездолёта обязан был ложиться спать, но почти ежедневно кто-нибудь пытался нарушить это правило.

За бортом был «вечный» день – туманная полумгла, не рассеиваемая ни единым лучом солнца. Чуть ли не через каждый час это подобие света сменялось полным мраком неистовых гроз. Некоторые члены экспедиции начали проявлять нервозность. Андреев и Коржевский ввели обязательные лечебные процедуры, которые должны были ежедневно проходить все, без исключения. Попытки уклониться от них, особенно частые со стороны Второва, быстро оправившегося после истории

с «лианой», Топоркова и Князева, решительно пресекались командирами корабля. Сохранить здоровье – это было одной из главнейших задач. Белопольский и Мельников которые сами чувствовали себя превосходно, первыми являлись в «клинику», показывая пример остальным.

– Условия на Венере, – говорил Андреев тем, кто сомневался в необходимости подобных мероприятий, – настолько необычны для нас, что совсем незаметно может подкрасться болезнь. Нервная система – это всё. Когда она в порядке, человек гарантирован от многих неприятностей.

– Я здоров, как никогда, – говорил Топорков.

– Не зарекайтесь! Вы не на Земле.

Ближайшие окрестности звездолёта были уже тщательно осмотрены, и холодильники приняли на хранение обширные коллекции образцов фауны и флоры острова. Звездоплаватели освоились с коварным нравом обитателей планеты, и эпизод, едва не ставший трагическим, больше не повторился.

С каждым днём опасность пребывания на берегу уменьшалась. Чем выше поднималось над горизонтом невидимое Солнце, тем заметнее замирала жизнь. Всё медленнее шевелились «лианы», «ленты» и «актинии». Нужно было подойти к ним вплотную, чтобы вызвать ответное движение, которое с каждым часом становилось всё более и более вялым. Природа засыпала на глазах. Частые ливни уже не вызывали оживления, как это было ранним утром. Учёные смелее и дальше проникали в дебри «леса».

По-прежнему приходилось опасаться гроз, но благодаря Топоркову и эта опасность почти перестала угрожать. Занимаясь исследованием электрических свойств грозовых фронтов, Игорь Дмитриевич заметил, что ионизация воздуха, которая особенно его интересовала в связи с тем, что могла помочь раскрыть тайну радиоэха, возникает задолго до грозы и постепенно возрастает по мере её приближения. Это натолкнуло его на мысль использовать ионизацию как своеобразный предсказатель погоды. С помощью Зайцева он сконструировал и изготовил простой прибор – электрический барометр, который минут за пятнадцать с большой точностью предупреждал о приближении грозового фронта.

Такой предсказатель невозможно было переоценить. Он буквально развязал учёным руки.

Белопольский немедленно распорядился изготовить несколько таких барометров, и они были установлены на пульте управления, в радиорубке и в выходных камерах.

Теперь звездоплаватели всегда знали о приближении грозы. Как только барометр начинал показывать повышение ионизации, с корабля давали предупреждающий сигнал, и все бывшие на берегу спешили укрыться в выходной камере.

Страшный ливень ни разу никого не захватил вне звездолёта.

Температура наружного воздуха неуклонно повышалась. На пятые сутки термометр показал плюс семьдесят градусов. Лёгкая дымка, поднимавшаяся от

воды, постепенно превращалась в туман. Звездоплыватели были вынуждены одеться в охлаждающие костюмы.

Интересно отметить, что лёгкостью и простотой устройства эти костюмы были обязаны наличию на Венере большого количества углекислого газа. Именно он служил хладагентом. Понижение температуры внутри костюма достигалось компрессионным методом от испарения углекислоты. Конечно, если бы техника не знала ещё полупроводниковых батарей, дающих значительное количество электроэнергии при малом объёме, устройство компрессорной установки, могущей уместиться в небольшом наспинном ранце, было бы невозможно. Но достижения науки всегда тесно связаны с уровнем техники.

Белопольский торопил с устройством аэродрома, желая осмотреть остров сверху и попытаться разыскать континент. На берегу острова были обнаружены явственные следы высокого прилива, и это, по мнению Баландина, служило доказательством близости материка. В открытом океане, вдали от других берегов, прилив не мог быть таким высоким.

Устройством площадки занимались Пайчадзе, Второв, Романов и Князев, – под руководством Зайцева.

Взлётным полем мог служить залив; реактивные самолёты, имевшиеся на борту «СССР-КСЗ», все были гидросамолётами, но возникая вопрос, где их собирать, а главное – держать? На воде первый же грозовой фронт разломал бы крылья аппаратов. Решили построить защищённый ангар и снабдить его приспособлением для

спуска самолёта на воду и обратного подъёма после возвращения из полёта.

Это было тяжёлой задачей, учитывая высоту обрыва и обилие «кустов»-губок и коралловых «деревьев». Но упорство и изобретательность победили.

Пламенем огнемётов и мощными ультразвуковыми аппаратами уничтожили всё, что было на берегу на пространстве трёхсот квадратных метров. Кусками коралловых «деревьев» засыпали многочисленные ямы. Над этой площадкой устроили крепкий навес, прикрепив его к оставленным специально для этой цели стволам. Направленные взрывы разрушили часть берега, образовав пологий склон. Когда установили электролебёдку, аэродром был готов. Оставалось перетащить сюда один из самолётов и собрать его крылья.

Несколько раз потоки ливня ломали навес, и приходилось делать всё заново, но, когда он, наконец, был установлен, то самые мощные грозы уже не были ему страшны.

Доставить гидросамолёт в ангар было нетрудно. Спустив на воду, его отбуксировали к берегу и лебёдкой подняли на площадку. В сборке и установке крыльев участвовали почти все члены экипажа корабля.

На шестой день, 15 июля, самолёт был готов в любую минуту подняться в воздух. Белопольский поручил Мельникову совершить первый полёт вместе со Второвым, который должен был заснять остров с высоты на киноплёнку.

Баландин и Коржевский все эти дни тщетно пытались выловить из воды каких-нибудь её обитателей. Ничто

не попадало в их сети, а вместе с тем было несомненно, что в океане Венеры имеются плавающие живые существа, так как иначе трудно было объяснить поведение «актиний» и других организмов на берегу. Оставалось предположить, что все эти существа с наступлением отлива уплывали в открытый океан.

Но, несмотря на неудачу «рыбной ловли», звездоплаватели могли быть вполне довольны результатами своей работы. За шесть дней были сделаны такие открытия, которые переворачивали все прежние представления о жизни на сестре Земли, по крайней мере, о жизни в её океане. Кораллы, губки и оставшиеся пока загадочными «ленты» были уже не зародышами, а вполне сформировавшимися живыми организмами со сложной структурой. А служившие им пищей неизвестные рыбы должны были стоять ещё выше на эволюционной лестнице.

Кораллы и губки Венеры были подобны земным, но это, на первый взгляд странное, обстоятельство не удивляло ни Баландина, ни Коржевского. Вода в океане оказалась обыкновенной водой, такой же, как в земных океанах. На таких близких друг к другу планетах жизнь должна была зародиться примерно одинаковым путём и в низших формах могла оказаться идентичной. Очень слабый раствор формалина в воде Венеры не мог служить препятствием для развития жизни.

Самой значительной загадкой, не поддающейся пока научному объяснению, оставались странные свойства пунцовых «лиан». Они, безусловно, принадлежали к растительному миру, но «сознательной» реакцией на

прикосновение к ним напоминали животных. Исследователям удалось снять со ствола две «лианы», не разрезая их на части, и целиком заключить в бак со спиртом. На Земле загадочные растения-животные будут основательно изучены.

Не приходилось говорить, что таинственная линейка продолжала занимать мысли членов экспедиции и служить темой горячих споров. Её искусственное происхождение не могло вызвать сомнений, а значит, нельзя было сомневаться и в том, что на Венере есть разумные существа или что таковые посетили планету до прилёта на неё «СССР-КСЗ». Последнее предположение поддерживали Мельников и Коржевский. Профессор Баландин утверждал, что линейку сделали и потеряли жители Венеры.

– Мы найдём их на континенте, – говорил он.

Белопольский не высказывал своего мнения, и оно оставалось никому не известным.

Всюду, где побывали звездоплаватели, они старались найти какие-нибудь следы разумных существ, но ничего не находили. Остров, по-видимому, никогда не был обитаем, по крайней мере в той его части, где стоял корабль. Сторонники идеи обитаемости Венеры возлагали свои надежды на воздушную разведку. Может быть, сверху удастся заметить следы разумной деятельности, сохранившиеся после очередного затопления острова океаном. Линейка не могла упасть с неба, кто-то сделал и потерял её, пусть год тому назад, но это произошло и неоспоримо свидетельствовало о разуме.

– На острове не может быть никаких построек, – ра-

зубеждал их Коржевский, — не может быть потому, что он периодически скрывается под водой. Венера, судя по всему, не приспособлена для развития на ней разума. Я вполне убеждён, что разумного населения на планете нет. Линейку потеряли звездоплаватели.

— Тогда здесь должны быть следы стоянки звездолёта.

— Он мог опуститься далеко отсюда.

— Как же линейка попала в залив?

— Её принесли волны прилива и ветер.

— Если бы на Венеру действительно прилетал звездолёт из другой планетной системы, — говорил Баландин, — то он посетил бы и нашу Землю.

— Это далеко не обязательно, — возражал Мельников, — не так просто найти планету, да ещё такую маленькую. Случайно найдя Венеру, они могли не заметить Землю и улететь к себе на родину.

Все эти споры были, в сущности, совершенно бесцельны. Обе стороны с равным основанием могли считать себя правыми. Загадку линейки нельзя было разгадать, пока планета не будет детально исследована.

Пайчадзе, подобно Белопольскому, предпочитал отмалчиваться. Когда его прямо спрашивали, он отделывался ничем не значащими ответами, вроде: «Возможно, что так», или «Трудно допустить».

Шестнадцатого числа был назначен первый пробный полёт над островом. Выждав относительного прояснения погоды, самолёт спустили на воду.

Мельников занял место пилота, Второв устроился на пассажирском сиденье, взревел мотор, и, прочертив

пенную полосу по глади залива, серебристая птица поднялась в воздух.

По просьбе Второва, Мельников сделал круг над заливом. Геннадию Андреевичу хотелось запечатлеть на плёнке вид корабля, стоявшего у берега. Длинная стальная сигара звездолёта, с возвышавшейся над его носовой частью сложной конструкцией направленной антенны, была как на ладони. Топорков ежедневно посылал радиограммы, адресованные Земле, и антенна не убиралась внутрь.

Туман сильно мешал наблюдениям, но всё же можно было рассмотреть детали местности. Мельников подумал, что пройдёт ещё несколько дней – и остров нельзя будет увидеть сверху. Испарения с поверхности воды с каждым часом становились всё более и более густыми.

Покачав крыльями в знак приветия, он поднял машину на триста метров. С этой высоты хорошо был виден весь остров, имевший форму почти правильного треугольника.

Ветер по-прежнему гнал мрачные тучи, всюду виднелись чёрные стены ливней, блестели молнии. С корабля по радио сообщали, что грозовые фронты не угрожают, но отсюда казалось, что они со всех сторон стремятся к острову.

Самолёт летел вдоль побережья. Слева расстилался покрытый белыми гребнями пены безграничный океан, справа – оранжево-красный «лес», за которым снова виднелась водная равнина.

Берег всё время был одним и тем же – высокий, обрывистый, заросший коралловыми «деревьями». Часто

попадались заливы, обычно очень узкие, напоминавшие щели, далеко вдававшиеся в сушу.

Скорость была слишком велика, чтобы рассмотреть мелкие подробности. Здесь был бы полезнее вертолёт, но этими удобными для разведки местности машинами экспедиция не располагала, — слишком опасна встреча вертолёта с грозовым фронтом. Сравнительная неповоротливость, тихходность, длинные лопасти подъёмных винтов — всё это могло привести к катастрофе. Быстрый, манёвренный, не имеющий воздушного винта реактивный самолёт был в условиях Венеры наиболее безопасен.

Долетев до южной оконечности острова, Мельников повернул на северо-запад, продолжая следовать за всеми извилинами берега.

Прозрачный пластмассовый кожух не мешал киносъёмке, и Второв заполнял одну плёнку за другой. Ветер теперь дул навстречу, и о его силе можно было судить по тому, как упала скорость мощной машины.

Внизу сплошной белой полосой тянулись буруны. Гонимые ветром волны бешено налетали на береговой обрыв и рассыпались алмазной пылью. Грохот прибоя, вероятно очень сильный, за рёвом мотора слышен не был.

Вскоре снова пришлось поворачивать, на этот раз на северо-восток. Местность не изменялась, и ничего нового не попадалось на их пути. Всюду была одна и та же картина.

Самолёт облетел остров кругом за пятнадцать минут, несколько раз пересёк его с севера на юг, с востока на

запад и обратно, но ничего, хотя бы отдалённо похожего на искусственное сооружение, они так и не увидели.

Коралловое образование среди океана было совершенно пустынно и явно необитаемо. Если на Венере и есть сознательная жизнь, то её следовало искать не здесь.

Мельников собрался повернуть «домой», когда Топорков передал, что барометр резко идёт вверх и, по-видимому, приближается мощная гроза.

– Ионизация стремительно возрастает, – передавали с корабля, – её сила значительно больше чем обычно. Будьте крайне осторожны.

Мельников осмотрел горизонт. Действительно, с северо-запада приближалась широкая чёрная полоса. Быстро вырастая, она, казалось, стремительно надвигалась на остров, сверкая частыми молниями.

Медлить нельзя. Ещё пять, шесть минут – и гроза накроет остров. О посадке не приходилось и думать. Это значило погубить самолёт. Ливень начнётся раньше чем они успеют укрыться в ангаре.

Мельников переключил мотор на полную мощность. Легкокрылая птица быстрее звука помчалась на юг, одновременно поднимаясь выше, к облакам. Если не удастся проскочить перед грозой, то оставался ещё путь вверх – над ней.

Чёрная полоса быстро приближалась к самолёту, но Мельников уже видел далеко впереди её конец. Входить в облака и вести машину слепым полётом ему не хотелось, и он повернул немного к востоку, уходя от грозы и

выигрывая этим время.

Им удалось проскочить буквально в последнюю секунду.

Зловещая водяная стена промчалась у самого хвоста машины. Как всегда на Венере, грозовой фронт имел резкие, словно обрезанные границы. Если бы не ветер, можно было бы находиться в нескольких шагах от потока, льющегося с неба, и остаться сухим.

Убедившись, что опасность миновала, Мельников снизил скорость и повернул на запад.

Остров давно скрылся с глаз. Они были одни среди просторов чужой планеты, на маленьком хрупком аппарате, с которым дикая мощь стихий могла бы справиться в одно мгновение. Радиосвязь со звездолётом прервалась, как только остров закрыла стена ливня.

Острое чувство одиночества охватило Второва.

Всё кончено!..

Никогда больше они не увидят острова и корабля. Один из грозовых фронтов, видневшихся всюду, куда бы он ни посмотрел, налетит на них, волны океана сомкнутся над сломанным самолётом – и никто не узнает, где нашли они оба свою могилу...

Он инстинктивно потянулся вперёд, к Мельникову. Борис Николаевич – это всё, что ему осталось от многомиллионного населения Земли...

Одни!.. Никто не придёт на помощь!

Широкая спина пилота была неподвижна. Руки в перчатках уверенно держали штурвал. Мельников повернул голову, всматриваясь в горизонт, и Второв увидел сквозь стекло шлема невозмутимо спокойные

черты лица, на котором не было и тени тревоги.

И Второв почувствовал, как к лицу хлынула горячая волна крови. Ему стало мучительно стыдно за свои малодушные мысли. Какой же он звездоплаватель, если первое же трудное положение вывело его из равновесия? Гроза пройдёт над островом, радиосвязь восстановится, и они, даже если отлетят очень далеко, по радиомаяку найдут дорогу обратно.

Пролетев пять минут к западу, Мельников повернул обратно. Он не хотел слишком удаляться от острова.

Весь северный горизонт закрывал ливень. С юга угрожающе близко надвинулся другой грозовой фронт.

Самолёт поднялся выше. Если оба фронта сомкнутся, будет некуда деваться, кроме как вверх.

Они летали уже свыше сорока минут. Сколько времени будет продолжаться ливень над островом? Ещё двадцать минут, а может быть, целый час?.. Мельников вспомнил тысячекилометровую тучу, которую они встретили на Венере восемь лет тому назад. Кто знает, может быть, эта ещё больше.

Оба грозовых фронта шли рядом на расстоянии четверти километра друг от друга, и в этом узком коридоре, на самой малой скорости, летал с востока на запад и с запада на восток самолёт с двумя людьми.

Прошло ещё пятнадцать минут.

Казалось, что северный горизонт никогда не прояснится. На западе туча по-прежнему исчезала за океаном, и её конца не было видно.

– Вот действительно не повезло! – сказал Мельников. – Сколько дней ливни были непродолжительны, а

именно сейчас налетела такая громадина. Похоже, что нам с вами, Геннадий Андреевич, придётся спастись в облаках.

Второв ничего не ответил.

«Коридор» становился всё более узким. Тучи сближались. Вот-вот они сомкнутся и на самолёт обрушатся неистовые потоки воды. Больше нельзя было медлить.

Мельников взял штурвал на себя. Послушная машина подняла острый нос к небу. Мгновение, и облачная масса поглотила их. Мельников сосредоточил внимание на приборах слепого полёта.

Он вёл машину круто вверх, стремясь опередить тучи, не дать им сомкнуться, захватив самолёт в свои водяные объятия.

Но было уже поздно. Грозовые фронты соединились.

Мельников и Второв догадались об этом, когда плотная мгла сменила белесый сумрак. Они почувствовали, что самолёт пошёл вниз под давящей тяжестью обрушившейся на него воды.

— Вот это уже похоже на конец, — сказал Мельников. — Надо было подняться раньше. Приготовьтесь! Как только нас сбросит в океан, скидывайте крылья. Это последний шанс.

Конструкция самолёта предусматривала превращение его в герметически закрытую лодку. Стоит повернуть специальный рычаг, — крылья и шасси отделятся от корпуса машины, и она, как лёгкий поплавок, станет непотопляемой. Конечно, исполинские волны будут швырять её как щепку, но всё же, как сказал Мельников, это был шанс... последний.

— Мы врежемся в воду с большой скоростью, — сказал Второв.

— Увидим! — отрывисто ответил Мельников.

Мотор работал на полную мощность. За самолётом тянулась длинная огненная полоса, видная даже сквозь сплошной поток ливня. Машина изо всех сил сопротивлялась тяжести воды, но стрелка альтиметра неуклонно и быстро шла вниз.

Самолёт падал в океан с работающим мотором, находясь почти в вертикальном положении.

Мельников напряжённо следил за высотой. Он знал, что реактивный двигатель надо выключить раньше, чем машина погрузится в океан, иначе неизбежен взрыв, но хотел сделать это в самый последний момент, чтобы до конца использовать подъёмную силу, тормозящую скорость падения.

До поверхности океана осталось двести метров...

Страшный удар встряхнул самолёт. Оглушительный треск электрического разряда... ослепляющая яркая вспышка...

Мотор перестал работать.

И, точно в насмешку, как раз в это мгновение гроза окончилась. Грозовой фронт прошёл.

Прощальный удар молнии вывел из строя реактивный двигатель! Беспомощный самолёт качнулся с крыла на крыло, перевернулся носом вниз и стрелой ринулся в воду.

Мельников не растерялся. Энергично работая штурвалом, элеронами крыльев и хвостовым стабилизатором, он сумел выровнять самолёт в тридцати метрах от

воды.

– Сбрасывать? – крикнул Второв.

– Нет ещё! Надо опуститься ниже.

Планируя на крыльях, машина полого опускалась. Громадные волны обдавали пеной поплавки самолёта.

Прошла минута... вторая. Они всё ещё летели.

Грозовой фронт промчался, но связь не восстанавливалась. Очевидно, над островом ливень ещё продолжался.

Ветер срывал гребни волн, мелкая водяная пыль туманом закрывала видимость.

Самолёт упорно держался в воздухе.

И вдруг волнение стихло. Бушующие волны как-то сразу улеглись. Под крыльями была почти неподвижная, плавно колышущаяся поверхность. Туман рассеялся.

– Берег! – отчаянно закричал Второв.

Угрожающе близко, словно вынырнув из бездны океана, на самолёт надвигался незнакомый скалистый берег.

Мельников инстинктивно рванул штурвал на себя. Но с остановившимся двигателем самолёт уже не мог подняться.

Гибель была неминуема.

Машина уже коснулась воды и мчалась, скользя на поплавках, прямо на скалы...

НА ПОМОЩЬ!

Весь экипаж «СССР-КСЗ» находился в радиорубке.

Топорков сидел у приёмника, готовый, как только прекратится проклятый ливень, возобновить связь с самолётом.

Из репродукторов непрерывно раздавался треск разрядов, иногда столь сильный, что казалось – приёмник не выдержит и диффузор динамика разлетится в клочья. Приборы показывали, что снаружи воздух насыщен электричеством до опасных пределов. Звездолёт как бы очутился внутри огромной, непрекращающейся молнии.

Грохочущие раскаты грома были слышны даже здесь, в рубке, расположенной в центре корпуса корабля.

– Не лучше ли всё-таки убрать антенну? – предложил Зайцев.

Топорков отрицательно покачал головой.

Грозовой фронт надвинулся на остров пятьдесят минут тому назад, и было неизвестно, когда он, наконец, пройдёт. Такой мощной грозы ещё не было ни разу.

Белопольский, внешне спокойный, сидел рядом с Топорковым и поминутно взглядывал на часы.

Очень редко кто-нибудь произносил короткую фразу и, не получая ответа, снова замолкал. Мысли звездоплавателей были далеко – там, где одинокий самолёт с двумя товарищами носился в воздухе, отрезанный стеной ливня от острова и корабля.

Где он находился? На каком расстоянии отсюда?

Этого они не знали. Может быть, грозовой фронт раскинулся на сотни километров в обе стороны. Время шло мучительно медленно.

Но вот гроза прошла.

Топорков включил передатчик. Хотя, судя по прибору, ионизация воздуха была ещё чрезмерно велика, он всё же начал вызывать Мельникова на волне радиостанции самолёта. Личные рации могли отказать, если Мельников и Второв слишком далеко отлетели от острова.

Проходили минуты, но связь не восстанавливалась.

Прекратились неистовые трески. В эфире стояла полная тишина. Стрелка ионного прибора опустилась к нулю, воздух очистился от электричества.

– Говорит звездолёт! Где вы? Где вы? Отвечайте! Говорит звездолёт!..

– Немедленно приступить к сборке второго самолёта! – приказал Белопольский – Как можно скорее!

Все, кроме Топоркова, бросились к двери.

– Пайчадзе, Андреев, Топорков и я остаёмся на корабле. Константин Васильевич! Сделайте всё, что возможно, для ускорения работы.

– Слушаюсь! – отвечал Зайцев.

– Говорит звездолёт! Где вы? Отвечайте! Отвечайте!..

– Если самолёт слишком далеко, – сказал Андреев, – между ним и нами мог оказаться грозовой фронт, и радиоволны не проходят.

– Как у них с воздухом? – спросил Пайчадзе.

– Для двух человек его хватит на двадцать четыре часа.

– Говорит звездолёт! Где вы?..

Шли часы...

Короткие грозы несколько раз заставляли пятерых человек прерывать работу. Нужно было не менее двенадцати часов, чтобы собрать крылья самолёта, и эти вынужденные перерывы взвинчивали и без того напряжённые нервы людей до последней степени. Всегда спокойный и уравновешенный, Зайцев ругался как одержимый, ожидая прояснения погоды.

Белопольский не выдержал и прислал на помощь Андреева и Пайчадзе. На звездолёте осталось два человека. Это было грубейшим нарушением законов космических рейсов.

Работа шла бешеным темпом. Все хорошо понимали, что если Мельников залетел очень далеко, найти остров в просторах океана без радиосвязи невозможно. А она всё не восстанавливалась.

Они боялись думать, что всё уже кончено, что Мельников и Второв давно погибли. Отсутствие связи объясняли грозowymi фронтами.

Последнее сообщение с самолёта гласило, что он поворачивает к югу. Значит, в этом направлении и следовало искать. Но для этого надо было закончить сборку, выждать благоприятный момент и вылететь. Куда?..

«На юг!» – говорили они сами себе, отгоняя мысль, что «юг» – это весьма неточное понятие. Найти маленькую машину в условиях плохой видимости, при непрерывном маневрировании, – чтобы не попасть под ливень, – это было бы чистой случайностью. Но ничего

другого, кроме надежды на такую случайность, им не оставалось. Пока не пройдут роковые двадцать четыре часа, никто не прекратит попыток спасти товарищей.

Через пять часов после начала работы одно крыло уже стояло на месте. Если не помешают грозы, самолёт будет готов на два часа раньше.

Два часа! В таких обстоятельствах это было очень много!

Казалось, что природа Венеры сжалилась над своими гостями. Работа шла без задержек. Грозы стороной обходили остров.

У микрофона Белопольский и Топорков, сменяя друг друга, непрерывно звали Мельникова, чутко прислушивались, не раздастся ли ответ. Но тишина в эфире нарушалась только близкими или далёкими грозовыми разрядами.

– Если радиосвязи мешают грозовые фронты, – сказал Топорков, – то не могут же они быть сплошными. За несколько часов должны были образоваться просветы.

Белопольский хмурился. Мысль о гибели Мельникова и Второва всё чаще приходила ему в голову. Он понимал, что его товарищи, изматывая силы, трудятся над почти безнадёжным делом, но приказать прекратить работу не мог решиться. Теоретически ещё шестнадцать часов Мельников и Второв могут быть живы. Пусть никто не сможет сказать, что они не выполнили свой долг до конца.

Где предел силы человека, когда он стремится спасти друга? Где предел его выносливой, воли и упорства? Падая от усталости, семь человек с прежней быстротой

заканчивали второе крыло. Руки отказывались держать инструмент, глаза плохо различали детали, но тяжёлые части будто сами собой становились на место.

Через девять часов двадцать минут Баландин хриплым до неузнаваемости голосом доложил, что самолёт готов.

– Разрешите мне и Зайцеву вылететь на поиски.

– Ни в коем случае! – ответил Белопольский. – Спустите самолёт на воду. Полетит Топорков. Всем, кроме Князева и Романова, немедленно вернуться на звездолёт.

Он выключил передатчик, не слушая возражений профессора.

– Отправляйтесь, Игорь Дмитриевич! Никто из них не в силах лететь. Придётся вам одному. В отсутствие Бориса Николаевича я не имею права покинуть корабль.

– Я и один сделаю всё, что возможно, – ответил инженер и вышел из рубки.

Белопольский остался один. Он знал, что Топорков не будет ждать возвращения других на корабль, а сразу отправится к самолёту, сознавал огромную ответственность, которую взял на себя, лишив звездолёт всего экипажа. Всё может случиться на чужой планете. Но поступить иначе он был не в силах.

Возможно, если бы дело касалось не Мельникова, Константин Евгеньевич сохранил бы благоразумие. Никто, кроме Камова, не знал глубокой привязанности молчаливого и сурового академика к его молодому другу. Мельников был дорог Белопольскому, как родной сын.

Не забывая через равные промежутки времени вызывать пропавший самолёт, Белопольский наблюдал по экрану за всем, что происходило на заливе. Одновременно он внимательно следил за показаниями электробарометра.

Но грозовые фронты, наделавшие столько бед, словно сговорившись, обходили остров. Погода благоприятствовала полёту.

Сквозь туман Белопольский смутно различал лодку Топоркова, скользящую по заливу, видел, как она разошлась с другой, направлявшейся к кораблю Его приказание выполнялось, и пятеро работавших над сборкой самолёта возвращались Романов и Князев, проводив Топоркова, вернуться на его лодке.

Белопольский видел, как крохотная фигурка скрылась в кабине самолёта, который тотчас же тронулся с места и со всё возрастающей скоростью промчался по воде и поднялся в воздух. С тёплым чувством благодарности подумал он о смелом человеке, отважно бросившемся навстречу опасностям, чтобы попытаться спасти Бориса и его спутника. Весь подавшись вперёд, он следил за машиной, пока, превратившись в еле заметную точку, она не скрылась среди просторов свинцового неба.

«И этот может никогда не вернуться», — мелькнула страшная мысль.

Может быть, сознание, что он один и никто не войдёт к нему раньше чем через двадцать минут, сыграло свою роль, а многочасовое нервное напряжение требовало разрядки? А может быть, сказались наконец годы? Бе-

лопольский вдруг уронил седую голову на руки и заплакал.

Что сказали бы его спутники, если бы увидели в эту минуту своего «железного» командира...

Чей-то голос, раздавшийся из репродуктора, заставил Белопольского стремительно выпрямиться.

Вызывает Топорков?.. Нет, голос был не Топоркова..

– Звездолёт! Звездолёт! Говорит Мельников! Говорит Мельников! Отвечайте!..

Ещё не веря неожиданному счастью, Белопольский переключился на передачу:

– Слышу Борис, слышу? Где ты?

– Самолёт стоит у неизвестного берега, к западу от вас. Ударом молнии выведен из строя двигатель. При посадке самолёт наскочил на мель. Шасси сломано. Я и Второв не пострадали. От толчка вышел из строя генератор радиостанции, который удалось исправить только сейчас. Снять самолёт своими силами не можем.

– На поиски вылетел Топорков. Соединитесь с ним на вашей волне. Как с воздухом и продуктами питания?

– Я слышал весь разговор, – донёсся откуда-то с неба голос Топоркова. – Борис Николаевич! Дайте радиомаяк!

– Лететь к нам на самолёте незачем, – ответил Мельников. – Возвращайтесь назад! Константин Евгеньевич, прикажите Игорю Дмитриевичу немедленно вернуться. Если считаете возможным, вышлите за нами подводную лодку.

– То есть как это «считаете возможным»? – рассердился Белопольский. – Мы готовы сделать всё, чтобы

спасти вас. Но хватит ли вам кислорода?

– Его хватит ещё на четырнадцать часов. И часа два мы можем жить за счёт кислорода в баллонах противогозов. Я считаю, что только подводной...

Голос Мельникова неожиданно оборвался. Встревоженный Белопольский тщетно звал его, но самолёт больше не отвечал.

– На западном горизонте мощный грозовой фронт, – сообщил Топорков.

– Немедленно возвращайтесь! Маяк нужен?

– Нет. Остров ещё виден.

В рубке появился Баландин. У профессора был крайне изнурённый вид. Войдя, он услышал, как Белопольский приказывал Романову и Князеву задержаться у ангара и встретить Топоркова.

– Самолёт возвращается?.. Так скоро!

Вслед за Баландиным вошли Коржевский, Пайчадзе, Андреев и Зайцев.

Белопольский рассказал товарищам о неожиданном разговоре с Мельниковым. Он не забыл включить передатчик, чтобы Романов и Князев тоже слышали.

Радостное известие сразу вернуло всем силы.

– Сможет ли лодка выйти из залива? – озабоченно спросил Баландин.

– Это мы сейчас выясним, – ответил Белопольский. – Саша! – позвал он.

Юного механика все называли по имени.

– Слушаю, – ответил Князев.

– Как только поставите самолёт в ангар, отправляйтесь к выходу из залива и выясните, сможет ли под-

водная лодка пройти в океан. Промерьте глубину.

– Есть!

– А если не сможет? – спросил Коржевский.

– Тогда мы взорвём скалы, загораживающие выход, – с обычной энергией ответил Белопольский. От недавней слабости у него не осталось и следа. – На лодке отправятся Зиновий Серапионович и Константин Васильевич.

– В таком случае прошу обоих пройти со мной, – сказал Андреев. – Сколько времени займёт подготовка лодки к походу?

– Если не придётся взрывать скалы, то часа полтора.

– Достаточно, чтобы вернуть силы. Пойдёмте, Станислав Казимирович! Постараемся привести подводников в нормальное состояние.

Коржевский, Баландин и Зайцев вышли с Андреевым.

Топорков благополучно совершил посадку, и, как только самолёт был укреплён в ангаре, моторная лодка, не теряя ни минуты, пошла к выходу из залива. Фарватер для прохода подводной лодки был найден и промерен.

Но едва лодка вернулась к кораблю, начался новый ливень. Тот самый грозовой фронт, о котором Топорков сообщил по радио, закрыл остров. Но работа не приостановилась. Внутри звездолёта подводная лодка поспешно оснащалась всем необходимым. Наученные горьким опытом, звездоплаватели старались предусмотреть самое худшее. На лодку погрузили двойной запас продуктов на пять человек, из расчёта на неделю, тройной комплект кислородных баллонов и дополни-

тельных аккумуляторов, тщательно проверили механизмы и радиоаппаратуру. Не были забыты водолазные и охлаждающие костюмы. Топорков установил на пульте управления свой электробарометр.

Люди торопились, но каждый узел, каждая деталь были трижды проверены.

Подводная лодка, построенная специально для рейса на Венеру, была невелика – восемь метров в длину и два с половиной в диаметре. Её корпус был отлит из пластмассы, крепкой как сталь и прозрачной как стекло. Четыре мощных прожектора давали возможность освещать всё пространство вокруг лодки. Два винта, приводимые в движение электромоторами, могли сообщать ей скорость пятьдесят километров в час. Почти все части оборудования были пластмассовые, что делало лодку лёгкой и подвижной. Успехи промышленности пластических масс, получившей за последние годы бурное развитие, позволили создать это чудо технического искусства.

Как только грозовой фронт прошёл, возобновилась связь с самолётом. Мельников уточнил положение открытой ими земли. По его расчёту, она находилась на юго-западе от острова, в ста пятидесяти километрах. Протяжённость берега была настолько велика, что лодка никак не могла проскочить мимо.

– По-моему, это материк, – сказал Борис Николаевич. – Было бы неплохо, если бы Зиновий Серапионович по дороге к нам осмотрел берега к северу и югу. Надо уточнить, материк это или остров Мы хорошо видим лес, и это не кораллы.

– В каком состоянии самолёт? – спросил Белопольский.

– Шасси сломано, крыльев нет. Боюсь, что он окончательно не годен.

– Я не об этом спрашиваю. В каком состоянии фюзеляж, где вы находитесь?

– Он медленно погружается. Очевидно, его засасывает песчаное дно, да ещё ливни помогают.

– А вы говорите, чтобы Баландин осматривал берега! Хладнокровие Мельникова восхищало всех членов экипажа, торопящихся к нему на помощь.

Через два часа лодка, спущенная на воду, стояла у выходной камеры готовая к походу.

Появились Баландин и Зайцев. Активная ванна, часовой искусственный сон и массаж совершили удивительную перемену. Ни следа утомления не осталось после вмешательства корабельной медицины. Оба были полны сил и энергии.

– Отправляйтесь прямо к Мельникову и Второву, – сказал им Белопольский. – Что бы ни встретилось на пути, не задерживайтесь. Если Борис Николаевич предложит вам заняться какими-нибудь исследованиями, я запрещаю его слушаться.

– Какие же тут исследования? – удивился Баландин.

Ему рассказали разговор с Мельниковым. Профессор только покачал головой в ответ.

Опасение, что снова начнётся длительная гроза, заставило поторопиться с выходом в океан. Скалистую гряду, запиравшую залив, надо было пройти при ясной погоде, а когда лодка окажется в открытом море, она

погрузится в воду, и никакие ливни не будут ей страшны. Тщательно выполненный план фарватера был вручён Зайцеву.

Звездоплаватели были теперь почти спокойны. Крепость лодки не вызывала сомнений. Расстояние в сто пятьдесят километров она пройдёт, руководствуясь радиосигналами с самолёта, за три часа. Пусть даже встретятся непредвиденные препятствия, на преодоление которых потребуется ещё три часа, Мельников и Второв вовремя будут сняты с обломков самолёта. На специальный запрос Белопольского пришёл ответ, что фюзеляж погружается на пять, шесть сантиметров в час. Вода не могла проникнуть в герметически закрытую кабину.

Крайнее переутомление взяло своё. Как только лодка отошла от звездолёта, все, кроме Белопольского и Топоркова, ушли на отдых. На корабле наступила полная тишина и покой, сменившие недавнюю напряжённую деятельность.

– Идите и вы на отдых, – сказал Топоркову Белопольский. – Через три часа я вас разбужу.

– А вы?

– Я устал меньше всех.

В репродукторе монотонно звучали сигналы радиомаяка. Иногда Белопольский обменивался фразами с Мельниковым или Баландиным, когда перерыв связи сменялся кратковременным прохождением радиоволн.

Всё шло пока хорошо.

Лодка точно по курсу приближалась к цели. Остался позади извилистый проход между скалами, которым подводная лодка вышла из залива. Сразу началась качка. Чем дальше отходили от берега, тем она становилась сильнее. Лёгкое судно то взлетало на гребень океанской волны, то стремительно проваливалось вниз. Они не решались погрузиться под воду в прибрежной полосе, опасаясь столкновения с коралловым рифом. Только когда эхолот показал значительную глубину, Зайцев, сидевший за пультом управления, открыл краны заполнения цистерн.

Лодка пошла вниз. Уже ставший привычным слабый дневной свет Венеры сменился непроницаемым мраком. На глубине десяти метров качка совершенно прекратилась.

Зажгли прожектор. Мощный луч электрического света пробил толщу воды далеко вперёд. Сквозь прозрачные стенки корпуса виднелись быстро скользившие неясные тени, которые бесследно исчезали, как только лодка приближалась к ним.

– Это несомненно рыбы! – взволнованно сказал Баландин. – Хотя бы одну из них увидеть вблизи.

– Тише ход! – закричал он, увидя в луче прожектора совсем близко мелькнувшее на мгновение длинное тело.

– Давайте ни на что не обращать внимания, – предложил Зайцев. – Если это морские животные, они никуда не денутся. Рассмотрим их на обратном пути.

Сейчас у нас одна задача – спасти Мельникова и Второва. Мы не знаем, что встретим дальше. Лучше всего точно выполнить порученное приказание. Не надо задерживаться.

– Вы правы, Константин Васильевич, – упавшим голосом ответил профессор. – Я увлёкся, простите меня. Дайте полный ход.

– Это ещё рано.

Как только обогнули с юга коралловый остров, на экране локатора появилась туманная полоса. Зайцев повернул руль. Нос лодки отклонился больше к западу. Полоса на экране сузилась, стала ярче. Когда она превратилась в узкую чёрточку, светившуюся зелёным светом, оба мотора были пущены на максимальную скорость. Лодка стрелой помчалась к цели.

На Земле радиосигналы, как правило, распространяются в воде хуже, чем в воздухе. На Венере дело обстояло иначе. Ионизация в районах грозových фронтов, создававшая перерывы в прохождении радиоволн, не отражалась на проводимости водных слоёв океана. По указанию Топоркова, Мельников опустил антенну самолёта в воду, и сигналы радиомаяка в виде зелёной линии, хотя и ослабленные, не исчезали с экрана подводной лодки. Работавший одновременно звуковой маяк был едва слышен и часто замолкал совсем.

Корпус лодки разогрелся от скорости движения, и видимость ухудшилась, но Зайцев не замедлил хода. Приборы локации успокоительно сообщали, что впереди нет никаких препятствий. Стремительно скользящие струйки воды мешали видеть и по сторонам.

Профессор Баландин был даже доволен этим. Трудно было не обращать внимания на подводный мир Венеры, куда впервые проник человек. Глядя вперёд, он видел, как далеко, в конце светового коридора, то и дело появлялись плохо различимые, но безусловно живые существа, мгновенно исчезающие в неосвещённом пространстве. Сквозь боковые стенки во мраке вод чувствовалось движение. Смутные тени приближались так близко, что становились почти видимыми. Вспыхивали и показали разноцветные точки.

Баяндин с трудом сдерживал желание зажечь все прожекторы и осветить воду вокруг. Было благоразумно не подвергать себя соблазну, не отвлекаться от выполнения основной задачи. Потом, когда потерпевшие аварию товарищи будут сняты с тонущего самолёта, придёт время для наблюдений. Сейчас вперёд и только вперёд!

По тому, как часто прерывалась связь со звездолётом, они узнавали, что наверху один за другим проходят многочисленные грозовые фронты. Но здесь, в глубине океана, ничего не изменялось.

Прошёл первый час. Пятьдесят километров остались позади. Зелёная линия на экране постепенно становилась всё более яркой. Лента локатора указывала, что его луч ещё не нащупал берега. Лодка с прежней скоростью мчалась вперёд.

С напряжённым вниманием Баландин и Зайцев вглядывались в освещённую прожектором толщу воды. Могло встретиться неожиданное препятствие, о котором локатор не предупредит их. Какие-нибудь растительные

заросли, «прозрачные» для радиоволн и потому не отразившие их обратно. Кто мог знать, какие сюрпризы может поднести человеку сестра Земли?..

Мысли Баландина всё время возвращались к загадкам планеты.

– Венера, – рассуждал профессор, – давно прошла период первоначального зарождения жизни. Как и на Земле, её жизнь развилась в океане. Разделение организмов на растительный и животный мир – пройденный этап. Мы можем считать установленным, что растения вышли на сушу и приспособились к неблагоприятным климатическим условиям. Но сделали ли это животные? Или они остались в воде? Принимая во внимание длительность дня и ночи, а также высокую температуру, которая стоит днём на суше, я был бы склонен считать, что животные остались в океане, где условия существования более равномерны. Это было бы даже очевидно, но найденная нами линейка опровергает такой вывод. Ах, эта злосчастная линейка! Она не даёт мне покоя. За ней кроется тайна жизни на Венере, и, пока эта тайна не раскрыта, мы не можем ничего считать твёрдо установленным, каким бы очевидным оно не казалось.

– Значит, вы решительно отвергаете теорию посещения планеты космическим кораблём? – спросил Зайцев.

Баландин посмотрел на него со странным выражением.

– Скажите, Константин Васильевич, – спросил он после непродолжительного молчания, – среди ваших инструментов на звездолёте есть деревянные линейки?

– Нет, конечно!

– Вы пользуетесь более совершенными измерительными приборами?

– Разумеется.

– Так почему же мы должны думать, что звездоплватели с другой планеты, техника которых, во всяком случае, не ниже нашей, пользуются таким грубым и неточным измерительным прибором?

– А ведь это верная мысль! – удивлённо сказал Зайцев. – Как это никто не обратил внимания на то, что найденная нами линейка крайне примитивна?

– Мне тоже кажется, что это верная мысль. Она высказана Арсеном Георгиевичем, и вы сами натолкнули его на эту мысль.

– Я? Вот уж не помню...

– Не прямо! Сегодня, когда мы собирали самолёт, вы сделали Пайчадзе замечание за то, что он измерил диаметр какого-то отверстия линейкой. Точной, металлической, а не деревянной. Вы сказали ему, что существует штангенциркуль.

– Верно, – улыбнулся Зайцев. – Было такое.

– Вот тогда Пайчадзе и сказал мне, что, по-видимому, линейку никто не принёс на Венеру. Она сделана здесь, «человеком» – существом, обладающим разумом, хотя он, возможно, и не похож на нас. А разум, способный к математическому познанию, – очень высокая ступень эволюционного развития материи. Но где следы деятельности этого разума? Кроме всё той же линейки, их нет.

– Найдём!

– Вот именно, надо найти. Как я уже сказал, здесь кроется тайна жизни на Венере.

ЕЩЁ ОДНА ЗАГАДКА

Накренившийся немного набок и наполовину погружившийся в воду, самолёт стоял в шестидесяти метрах от берега. Вернее сказать, не самолёт, а один только фюзеляж.

Когда погода прояснялась, Мельников и Второв открывали пластмассовый кожух и дышали воздухом Венеры через противогазы. Это было выгоднее из соображений экономии драгоценного запаса кислорода, который следовало беречь. Неизвестно, когда придёт помощь. Подводная лодка шла пока без задержек, но нельзя поручиться, что так будет и дальше. Непредвиденные препятствия могли встретиться в любую минуту.

Мель, совершенно незаметная со стороны, спасла жизнь обоим лётчикам. Поплавки самолёта налетели на неё в последнюю секунду, когда, казалось, ничто уже не могло предотвратить рокового столкновения со скалами, с трёх сторон обступившими узкий залив.

Повернуть, чтобы избежать катастрофы, – некуда, затормозить так близко от берега – поздно. Летевший с большой скоростью самолёт и после остановки мотора сохранил огромный запас инерции.

Всё произошло в несколько секунд.

Оба звездоплывателя уже простились с жизнью, когда

страшный удар отшвырнул их к передней стенке кабины. Мельников рассёк лоб о штурвал. Второв ударился о приборную доску, и разбившийся шлем порезал ему щёки и подбородок.

С окровавленными лицами они поднялись, ещё не понимая, что произошло, и зная только, что остались живы.

Оказав друг другу первую помощь, осмотрелись.

Самолёт неподвижно стоял на мели посреди спокойной воды залива. Поплавки глубоко врезались в песок, и это помешало машине опрокинуться при внезапной остановке. Шасси было сломано, приборы управления разбиты, тросы оборваны.

Кругом высились, по-видимому, гранитные скалы. Поднимавшийся от воды пар мешал разглядеть мелкие подробности, но звездоплватели хорошо видели траву или что-то вроде травы, жёлто-коричневого цвета, росшие на обрывах. Ещё дальше – верхушки деревьев, настоящих, не коралловых, а с ветвями и листьями, шевелились под ветром. Какого цвета были их стволы и как они выглядели, мешал рассмотреть гребень берега.

– Как можно скорее надо связаться с кораблём, – сказал Мельников. – Своими силами нам не выбраться.

Второв молча указал на радиостанцию.

Она представляла собой печальную картину. Поблёскивали разбитые стёкла приборов, висели какие-то оборванные провода. При ближайшем рассмотрении оказалось, что генератор, сорванный с места, вышел из строя.

Мельников нахмурился.

– Я не радист, – сказал он. – Вы тоже. Но если мы не восстановим связь, то погибнем. Кислорода хватит только на двадцать четыре часа.

– Нас будут искать другим самолётом.

– Его надо собрать, а это займёт много времени.

Мельников замолчал, потом тихо добавил:

– Они не знают, куда мы улетели.

Второв вспомнил. Он сам радировал на корабль, что самолёт направляется к югу, убегая от грозы. О повороте на запад они уже не могли сообщить. Где их будут искать? Конечно, к югу от острова.

«Смерть!» – подумал Второв с острым чувством безнадёжности.

– Значит, всё кончено? – спросил он, стараясь говорить спокойно, но голос предательски дрогнул.

– Ну зачем так поспешно делать выводы. Будем бороться! Доставайте-ка аварийный комплект радиодеталей.

– Вы думаете, что...

– Нам не о чем думать. Если мы не отремонтируем передатчик, то погибнем. Значит, надо его отремонтировать во что бы то ни стало. Вот и всё!

– Попробуем, – сказал Второв.

Слова, а главное тон, которым говорил Борис Николаевич, вселили в него какую-то надежду. Не теряя времени, взялись за дело.

Налетевший грозовой фронт не помешал им. Защищённые крепким кожухом, при свете электрических ламп, они заменяли разбитые части радиоустановки новыми. Приходилось механически устанавливать де-

тали на те же места, с которых снимали повреждённые, и с крайней осторожностью соединять порванные провода. Спутать хоть один из них с другим – значило свести на нет всю работу.

С благодарностью вспоминали они при этом уроки Топоркова по радиотехнике, которые, по приказанию Белопольского, слушали все члены экипажа «СССР-КСЗ». Без этой мудрой предусмотрительности начальника экспедиции они не имели бы общего представления о работе приёмника и передатчика, которое теперь оказало им неоценимую услугу. Без этих, пусть неполных и поверхностных, знаний невероятно трудная работа никогда не увенчалась бы успехом.

Они даже не заметили, как над самолётом, одна за другой, пронеслось несколько сильных гроз, и очень удивились, когда обнаружили, что с начала работы прошло девять часов.

Радиоустановка была отремонтирована. Но будет ли она работать?..

Несколько минут они не могли решиться включить её.

Оба отлично знали, что неудача означает смерть. Если где-нибудь в сложном переплетении схемы ими допущена ошибка, то найти и исправить её они были бы не в состоянии.

«Конечно, – думал Мельников, – товарищи сделают всё, чтобы найти нас. Вероятно, сейчас они заканчивают сборку самолёта. Несколько часов будут искать к югу от острова. Убедившись, что нас нет, предпримут полёты по всем направлениям. Может случиться, что

сверху заметят землю и, в конце концов, найдут нас.

Но сколько это займёт времени? Воздуха хватит на пятнадцать-шестнадцать часов. Но даже обнаружив нас, самолёт не сможет опуститься на воду в этом узком заливе. Он должен будет вернуться назад, а сюда выйдет подводная лодка. Это займёт ещё пять часов, самое меньшее. Вот если бы нас было не двое, а один. Пятнадцать часов превратились бы в тридцать. Я должен спасти Второва. Он моложе меня».

Не так обстоятельно и спокойно, но совершенно аналогично думал в это время и Второв.

«Арифметический расчёт, – говорил он самому себе. – Жизнь Бориса Николаевича дороже моей. Если радио не заработает, я покончу с собой. Пистолет в кармане».

Оба одновременно посмотрели друг на друга и улыбнулись с одной и той же целью – скрыть от другого свои намерения.

– Попробуем! – сказал Мельников.

– Медлить ни к чему, – согласился Второв.

Когда раздался сухой щёлк включённого генератора, Второв невольно закрыл глаза. Образ Тани, возник перед ним так ясно, что ему показалось, что он ощущает на своей щеке её тёплое дыхание. А рука скользнула в карман комбинезона, нащупав холодную сталь оружия.

– Слышу, Борис, слышу! Где ты?..

«Голос Белопольского... Почему сразу ответ? Разве Мельников говорил что-нибудь?..» Второв открыл глаза.

Спокойный голос Бориса Николаевича звучал в ка-

бине разбитого самолёта призывом к жизни.

И медленно, словно не доверяя слуху, Второв вынул руку из кармана.

Он почувствовал лёгкое головокружение. Захотелось полной грудью вдохнуть чистый морской воздух. Но его не было. Снаружи был отравленный воздух Венеры.

– Я считаю, что только подводной лодкой...

Потухшая лампочка индикатора прервала фразу. Связь оборвалась. Где-то между ними и островом проходил грозовой фронт.

– Признаться, я сомневался в успехе, – сказал Мельников. – Думал, что мы не сумеем исправить передатчик.

– Я тоже, – тихо ответил Второв.

Мельников посмотрел на его всё ещё бледное лицо и вздрогнул: «Неужели!..»

Да, это так! Никаких сомнений не могло быть. Второв хотел сделать для него то же самое, что он сам собирался сделать для Второва. Их намерения совпали.

Мельников почувствовал непреодолимое желание обнять этого славного юношу с чистым сердцем и благородной душой, но он не сделал этого. Второв ничего не подозревает. Пусть же так и остаётся в неведении.

– Посмотри Геннадий! – сказал он, незаметно для себя самого перейдя на «ты». – У самолёта нет крыльев.

Действительно, оба крыла, очевидно сломанные ливнем, исчезли. Когда это случилось и почему они не слышали шума и треска ломающегося металла, ни тот, ни другой не могли объяснить.

– Мне кажется, что самолёт глубже погрузился в воду, – сказал Второв.

Он нисколько не удивился неожиданной «фамильярности» Мельникова. Ему казалось естественным, что старший товарищ и командир называет его по имени. Только почему он не делал этого раньше?..

– А мне не кажется, – ответил Мельников. – Я в этом уверен. Его затягивает песок.

Он сказал это так просто, что Второв не решился задать напрашивавшийся вопрос, что будет, когда самолёт целиком уйдёт под воду. Лодки, чтобы перебраться на берег, у них не было. Надувная шлюпка лежала в крыле и исчезла вместе с ним.

Через два часа Белопольский сообщил, что подводная лодка отошла от звездолёта.

Потянулись часы ожидания.

Кабина медленно, но неуклонно погружалась всё глубже. Вода дошла уже до края кожуха. Часто налетали ливни, и сила водяных потоков ещё больше вдавливала самолёт в песок мели. Скоро пришлось отказаться от наружного воздуха и целиком перейти на кислородные баллоны. Открыть кожух – значило пустить в кабину воду. Её уровень был на несколько сантиметров выше борта.

– Жаль, что у нас нет водолазных костюмов, – сказал Мельников.

Когда прояснялось, они внимательно рассматривали в бинокли берега, окружавшие их с трёх сторон. Не было никакого сомнения, что перед ними настоящие деревья – гигантские представители растительного

мира. Листва была ярко-оранжевой.

За стенками кабины сильный порыв ветра пронёсся по заливу. Мелкой рябью покрылась поверхность воды, зашевелилась трава на берегу, сильнее закачались верхушки деревьев.

– Как не похожа эта картина на пейзаж острова, – сказал Второв. – Там мёртвый покой, здесь жизнь. Не хватает только птиц.

– Посмотри на листву. – Мельников протянув руку к берегу. – Вот где совершенно непонятная вещь. Как могут держаться листья при таких ливнях?

– Вероятно, они устроены иначе, чем листья земных деревьев.

– Это безусловно так. И их надо основательно осмотреть.

Кратковременная, но сильная гроза прервала разговор. В шуме потока, треске молний и раскатах грома они не слышали друг друга. Клокочущая пена целиком накрывала кабину.

А когда вновь прояснилось, они увидели, что над водой осталась незначительная часть кожуха. Ещё один-два грозовых фронта – и поверхность залива сомкнётся над ними.

– Кажется, самый раз прийти подводной лодке, – заметил Второв.

– Придёт в своё время.

На панели приёмника замигала лампочка вызова. Второв повернул ручку. Вызывал Топорков.

– Как положение? – спросил он.

Мельников опередил своего товарища, собиравше-

госю ответить.

– Без особых перемен, – поспешно сказал он.

– Погружение?

– Идёт нормально. Ничего угрожающего.

– Я уже давно не имею связи с лодкой, – сказал Топорков. – Где они?

– Километрах в пятидесяти.

Было слышно, как Игорь Дмитриевич тяжело вздохнул.

– Мы очень тревожимся за вас.

– Нет никаких оснований.

Связь снова прервалась. Условия прохождения радиоволн на Венере были на редкость капризны.

– Зачем вы их обманываете? – спросил Второв. – Не лучше ли сказать правду?

Мельников не сразу ответил. Он смотрел на Второва, словно изучая его лицо.

– По личному опыту, – медленно заговорил он, – я знаю, что переживать бедственное положение товарища гораздо труднее, чем самому находиться в таком положении. Они ничего не могут сделать для нас, кроме того, что уже сделали. Что же мне им сказать? Что лодка может подойти не раньше как через час, они сами знают. Что, если пройдут ещё два ливня, мы окажемся под водой и найти нас будет неизмеримо труднее? Что любой грозовой фронт может оказаться таким же длительным, как тот, который послужил причиной нашего теперешнего положения?..

Он с минуту молчал, потом спокойно произнёс:

– Правда хороша всегда, но во имя спокойствия

друзей ею иногда надо жертвовать. Пусть они думают, что у нас всё по-прежнему.

– Вы думаете, что наше спасение ещё под вопросом?

Мельников улыбнулся:

– Ты сам знаешь «милый» характер Венеры. Пока мы не окажемся внутри лодки, я ни в чём не уверен. Всё же у нас неизмеримо больше шансов, чем до ремонта радиостанции. Тогда не было почти ни одного. Но и это не причина приходить в отчаяние.

– А если бы радиостанция не заработала?

– Вот тогда мы оказались бы в серьёзном положении.

Последний час ожидания был самым тягостным.

Баландин сообщил, что локационный прибор показывает твёрдую землю в пятнадцати километрах от лодки. Это мог быть только тот берег, возле которого находился самолёт, – подводная лодка шла прямо на него.

Прошло ещё двадцать минут, в продолжение которых ни один ливень не обрушивался на залив; и лодка подошла совсем близко. Маяк был выключен, в нём не было больше никакой нужды.

– Вот нам и достался тот шанс, о котором вы говорили, – весело сказал Второв.

Мельников, ничего не ответив, поспешно наклонился к микрофону:

– Зиновий Серапионович!

– Слышу.

– Не всплывайте! Держитесь на глубине! Приближается мощный фронт.

Из-за вершин леса, зловеще поднимаясь всё выше и

быстрее, надвигалась широкая тёмная полоса. По количеству молний, по раскатам нарастающего грома Второв понял, что это не кратковременный, а долгий, затяжной ливень. Края водяного занавеса скрывались в туманной дали.

– Ну, держись, Геннадий! – сказал Мельников. – Это последнее и самое серьёзное испытание.

Сорок минут неистовствовала вокруг разнузданная ярость стихии. Люди видели над головой только белую пену. Удары грома приглушённо доносились до них. Это могло быть следствием того, что кабина ушла вглубь, ниже поверхности залива.

И Мельников и Второв были уверены, что не увидят неба, что, когда гроза пройдёт, они уже «с головой» окажутся в воде.

Но, когда наконец грозовой фронт промчался, они к своему величайшему удивлению, не заметили никакой перемены в своём положении. Уровень залива относительно кабины был на той же высоте, что и раньше, до грозы. Сорок минут тяжесть водяного потока «вдавливала» самолёт, но он ни на сантиметр не опустился ниже.

– В чём тут дело? – озадаченно спросил Второв.

– Вероятно, мы легли на плотный грунт.

Это было единственным и, по-видимому, правильным объяснением. Теперь уже никакая опасность не угрожала и можно было бы спокойно ждать ещё несколько часов, пока не истощатся запасы кислорода. Но в этом не было нужды, – подводная лодка находилась где-то близко.

– Вы были правы, Борис Николаевич, – сказал Второв. – Если бы мы сказали правду, то доставили бы этим много напрасных волнений.

– Запомни, Геннадий! – ответил Мельников. – Основное, правило – думать всегда о других прежде, чем о себе. Это всегда полезно, а в космических рейсах является законом. Следуй этому закону, и ты никогда не ошибёшься.

– Ваших слов я не забуду, – с чувством сказал молодой инженер.

Ждать пришлось всего несколько минут.

Недалеко от них забурила вода, и прозрачная «спина» подводной лодки показалась на поверхности залива. Можно было только поражаться изумительному искусству, с которым Зайцев провёл лодку в совершенно неизвестном ему океане Венеры, руководствуясь сигналами радиомаяков.

Открылся люк, и из него показалась голова профессора Баландина в шлеме противогаза. Вступили в действие личные рации.

– Друзья мои! – сказал он. – Да ведь вы совсем затонули. Сию минуту снимем вас.

– Можно не торопиться, – ответил Мельников. – Кабина больше не погружается.

Зайцев, тоже вышедший наверх, приветствовал друзей жестами обеих рук.

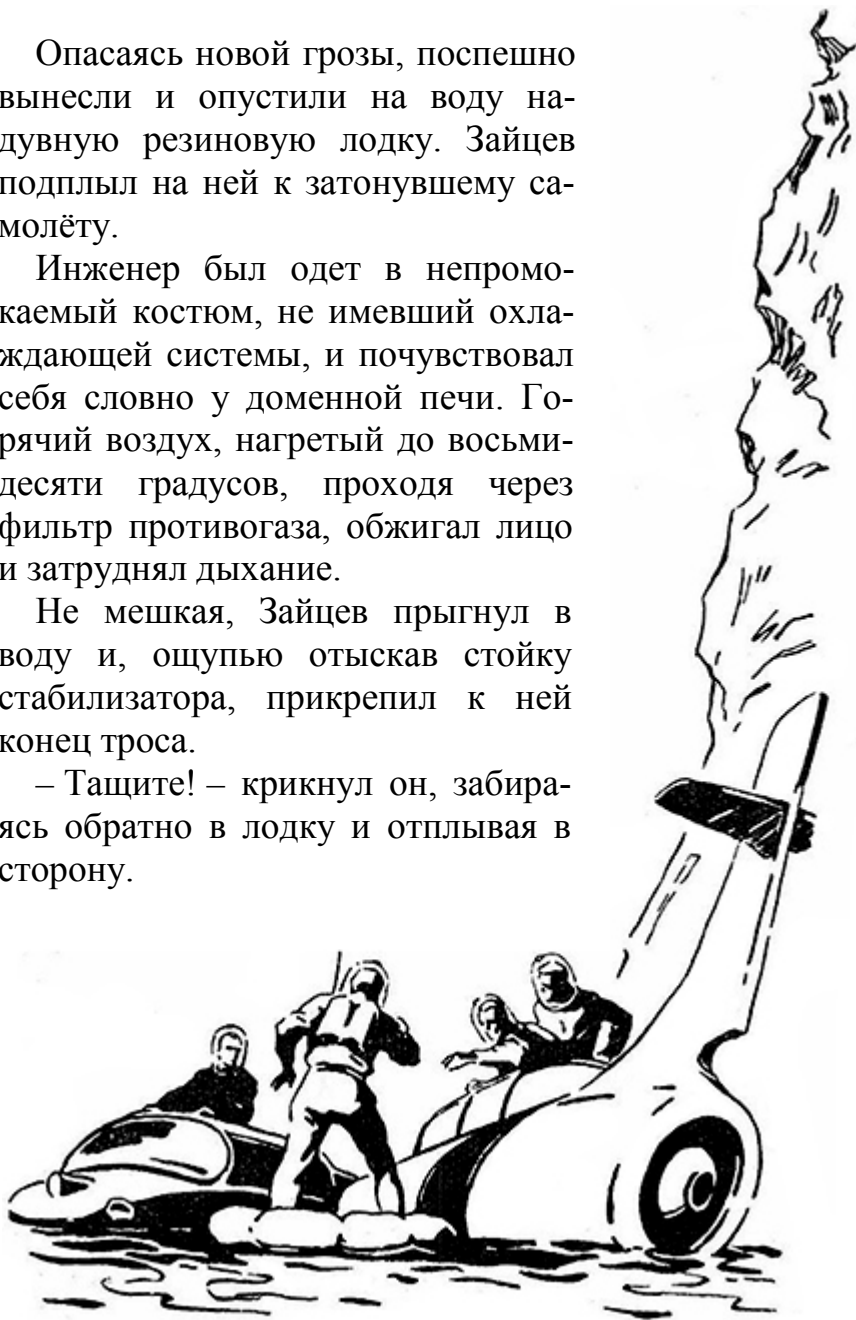
– Вы так погрузились в воду, – сказал он, – что ещё немного, или будь тут малейшее волнение, мы не смогли бы увидеть вас.

Опасаясь новой грозы, поспешно вынесли и опустили на воду надувную резиновую лодку. Зайцев подплыл на ней к затонувшему самолёту.

Инженер был одет в непромокаемый костюм, не имевший охлаждающей системы, и почувствовал себя словно у доменной печи. Горячий воздух, нагретый до восьмидесяти градусов, проходя через фильтр противогоза, обжигал лицо и затруднял дыхание.

Не мешкая, Зайцев прыгнул в воду и, ощупью отыскав стойку стабилизатора, прикрепил к ней конец троса.

— Тащите! — крикнул он, забираясь обратно в лодку и отплывая в сторону.

Полторы тысячи лошадиных сил, заключённые в моторе, шутя вытащили самолёт из песчаной могилы. Через несколько секунд он всплыл на поверхность и был подтянут вплотную к борту лодки.

– Добро пожаловать! – пошутил Баландин, обнимая спасённых.

– Вы блестяще выполнили задачу, – сказал Мельников, – спасибо!

Прежде всего связались со звездолётом и сообщили о благополучном завершении спасательной операции. Ко всеобщему удовольствию, радиосвязь действовала.

– Что делать с самолётом? – спросил Мельников.

– Нельзя вынести его на берег?

– Невозможно. Кругом почти отвесные скалы.

– Значит, придётся его бросить.

Пользуясь передышкой, предоставленной грозами, фюзеляж самолёта полностью разгрузили. Пустая кабина с открытым кожухом будет потоплена первым же ливнем.

– Жаль машину! – сказал Мельников. – Но что поделаешь!

– Хорошо бы выйти на берег, – предложил Второв.

– Здесь это опасно. Слишком крутые скалы. Постараемся найти такое место, где можно в случае грозы успеть укрыться в лодке.

– Надо направиться прямо к кораблю, – вдруг сказал Баландин. – Вы ранены.

– Это не раны, а царапины, – ответил Мельников. – Мы о них совсем забыли.

Профессор продолжал настаивать. Мельникову и

Второву с трудом удалось уговорить его не сообщать на звездолёт о полученных ими, действительно незначительных, повреждениях. Баландин согласился только тогда, когда осмотрел обоих и переменял неумело наложенные повязки.

– Константин Евгеньевич будет очень сердиться, – сказал он.

– Это я беру на себя, – ответил Мельников. – Зачем терять время. Мы у неизвестной земли, и надо исследовать её.

Было решено пройти на лодке вдоль берега и выяснить, остров это или материк. Белопольский посоветовал направиться к северу. По его расчёту, «СССР-КС2» пролетал севернее и виденную с него реку следовало искать именно там.

– Если найдёте реку, – сказал Константин Евгеньевич, – то это сразу покажет, что земля Мельникова – континент.

Он так и сказал – «земля Мельникова».

Держась в надводном положении, лодка вышла из залива и повернула на север. Фюзеляж самолёта остался покачиваться на воде, в ожидании очередной грозы, которая пустит его на дно.

Линия берега тянулась в обе стороны до самого горизонта. Насколько хватал глаз, она была сплошь заросшей лесом из гигантских оранжево-красных деревьев. Иногда лес подходил к самой воде, иногда отступал, образуя поляны, покрытые жёлтой и коричневой травой. У подножья деревьев виднелась сплошная стена более низкой растительности. Были это кустар-

ники или молодая поросль тех же деревьев, нельзя было определить.

Из осторожности лодка держалась в двухстах метрах от берега. Здесь было уже заметное волнение, качка мешала наблюдениям, но с этим приходилось мириться. Зайцев опасался сесть на мель.

Когда проходили грозы, подводная лодка опускалась в глубину и пережидала, стоя на месте. Этими остановками пользовались, чтобы осмотреть подводный мир, но он был очень беден. При свете прожекторов они видели только красноватые водоросли и пунцовые мхи, облепившие каждый выступ и многочисленные камни, лежавшие на песчаном дне. Ни рыб, ни моллюсков.

Действительно ли их не было здесь или они исчезали, когда появлялась лодка и загорался её свет? Кто мог ответить на этот вопрос.

– Мы собственными глазами видели живые существа в океане, – говорил Баландин.

– Положим, это не совсем так, – поправлял его Зайцев. – Мы их не видели, а предполагали, что видим. Может быть, это были не животные, а плавающие растения...

Профессор не соглашался.

– Разве вы не помните, – разъяснял он, – что попав в луч прожектора, эти «растения» спешили уйти в темноту, что совершенно естественно для животных, привыкших к мраку.

Как бы то ни было, здесь у берега ни животных, ни плавающих растений не было видно.

Час за часом подводная лодка шла на север. Радио-

связь со звездолётом прерывалась только по вине грозовых фронтов.

Характер местности не изменялся. Всё тот же лес тянулся без конца, закрывая западный горизонт. Берега были всё такими же высокими и обрывистыми. Появились небольшие холмы, также заросшие деревьями. Ни малейших следов другой, не растительной, жизни не замечалось.

Уже больше суток никто из звездоплавателей не смыкал глаз, но, как это ни странно, об усталости вспомнили не на лодке, а на корабле. Доктор Андреев категорически потребовал, чтобы они остановились «на ночь».

Мельников поддержал это требование. Все с удовольствием согласились. Лодка погрузилась и легла на грунт.

Сказалось физическое и моральное утомление. Экипаж лодки проспал десять часов подряд. Отдохнувшие и освежённые, поднялись на поверхность и поплыли дальше.

Снова потянулся нескончаемый лес.

Внезапно береговая полоса круто повернула на северо-запад. Далеко на горизонте виднелся другой берег, идущий как будто параллельно.

– Залив, – сказал Баландин. – Будем заходить в него?

– Разумеется, – ответил Мельников.

Залив, по-видимому, очень глубоко врезался в сушу. Замыкающий его берег не был виден даже в бинокль.

Лодка шла вдоль южного побережья. Несколько раз из-за грозы приходилось останавливаться и погру-

жаться.

– А может быть, это не залив, а пролив? – высказал предположение Зайцев.

– Возможно. – Мельников пристально всматривался в противоположный берег, который стал заметно ближе, чем раньше. – Остановитесь!

Приказание было исполнено. Лодка слегка покачивалась с кормы на нос.

– Смотрите на берег!

Теперь все заметили, что лодка не стояла на месте, а медленно двигалась назад.

– Это не залив и не пролив, а река, – сказал Мельников.

– Константин Евгеньевич, как всегда, оказался прав, – заметил Баландин. – Это материк.

– Пройдёмте дальше, вверх по реке, – предложил Зайцев. – Берег должен стать ниже, и тогда можно будет высадиться.

Его предположение оправдалось. Уже через час стало заметно понижение берегов. Обрыв постепенно спускался к воде, становился менее крутым.

Поверхность реки была пустынна. Иногда попадались ветви, плившие по течению, навстречу лодке.

На исходе четвёртого часа пути гидрографы передали на пульт отдалённый гул. Было похоже, что где-то впереди находится водопад.

Лодка замедлила ход.

Берега сходились всё ближе и ближе. Река суживалась, течение становилось быстрее.

Ещё около трёх километров осторожно продвигались

вперёд. Шум становился всё более явственным. Наконец, увидели его источник.

Поперёк реки, которая в этом месте имела не больше трёхсот метров ширины, протянулось нагромождение огромных камней. Вода с рёвом неслась между ними, крутясь пенными водоворотами. В воздухе стоял туман водяных брызг.

– Обыкновенные пороги, – сказал Мельников.

Товарищам послышалось разочарование в его голосе. Но что он рассчитывал увидеть?

– Наше путешествие по реке окончилось, – сказал Баландин. – Дальше лодка не пройдёт.

– Мне кажется, что именно здесь лучше всего выйти на берег. Как вы думаете, Борис Николаевич? – спросил Зайцев.

– Да, именно здесь, – подчёркивая последнее слово, ответил Мельников.

Он казался чем-то очень недовольным.

Зайцев направил лодку к северному берегу, который был заметно ниже южного. На тихом ходу лодку сильно сносило течением.

Лес почти вплотную подходил к реке, но перед ним была узкая, поросшая травой полоса, полого спускавшаяся к воде.

– На берег выйдем вдвоём, – сказал Мельников. – Я и Зиновий Серапионович. Киноаппарат я возьму сам, – прибавил он, видя, что Второв собирается возразить.

Геннадий Андреевич только тяжело вздохнул. На его несчастье, заместитель начальника экспедиции прекрасно владел искусством киносъёмки. Пришлось

молча подчиниться.

Лодку удалось подвести к самому берегу. Глубина оказалась вполне достаточной для судна, осадка которого не превышала полутора метров.

– Внимательно следите за барометром, – сказал Баландин. – Как только он начнёт показывать ионизацию, немедленно предупредите нас.

– Не беспокойтесь! Предупредим вовремя. Но не удаляйтесь слишком далеко от лодки.

Через двойной люк Баландин и Мельников выбрались наверх. Берег был так близко, что можно было без труда прыгнуть на него. Но прежде чем это сделать они внимательно осмотрелись.

– Топи как будто нет, – сказал Мельников. – Но на всякий случай обвяжите меня верёвкой. Я прыгну первым.

– Это будет самое лучшее, – согласился Баландин.

Мельников прыгнул. Его ноги погрузились по щиколотку, и из-под травы брызнула вода. Он быстро сделал несколько шагов по склону и вышел на сухое место.

– Прыгайте, профессор!

– Одну минуту! – раздался голос Второва. – Подождите! Борис Николаевич, – сказал он тоном упрёка, – если вы взялись за моё дело, то относитесь к нему как следует. Снимите, как Зиновий Серапионович будет сходить на берег.

– Успокойся! – ответил Мельников. – Я потому и прыгнул первым, чтобы это сделать.

Он засмеялся про себя, так как на самом деле совер-

шенно забыл про камеру, висевшую на его груди, и поспешил выполнить законное требование оператора экспедиции.

Гигантские деревья, вершины которых находились где-то в небе, были теперь так близко, что участники экспедиции могли хорошо рассмотреть их.

Ничего общего с коралловыми «деревьями», растущими на острове! Это были настоящие деревья – исполинские представители растительного мира. Стволы, имевшие у «земли» до трёх метров в диаметре, были покрыты гладкой корой красноватого цвета с темно-вишнёвыми пятнами. Ветви с длинными листьями начинались высоко, и до них невозможно было добраться. Между деревьями густо разросся оранжевый кустарник, переплетённый какой-то другой, не такой, как под их ногами, – высокой, в рост человека, травой, странного мертвенно-белого цвета. Ветви кустарника были усеяны острыми шипами.

Обоим звездоплавателям сразу бросилась в глаза особенность этих деревьев, отличающая их от земных пород. Образно можно было сказать, что если на Земле деревья стояли «на одной ноге», то деревья Венеры имели их несколько. По пять, по шесть, а иногда и больше стволов соединялись между собой на высоте тридцати – сорока метров над землёй, и уже дальше, выше, они переходили в ветки, образуя своеобразные арки.

– Никакой ураган не вырвет такое дерево из «земли», – задумчиво сказал Мельников. – Но ведь мы же видели с борта «КС2» плывущие деревья.

– Возможно, что в другом месте, где-нибудь выше по течению, они не так грандиозны.

Мельников пошёл вперёд, к порогам.

Баландин видел, что какая-то навязчивая мысль не даёт покоя его спутнику, и решил спросить его, как только подвернётся удобный случай.

От места, где причалила подводная лодка, до порогов было порядочное расстояние. Профессор подумал, что они могут не успеть вернуться, если налетит гроза, и сказал об этом Мельникову.

– Я думаю, успеем. Барометр Топоркова предупреждает о приближении грозы минут за пятнадцать. А если и не успеем... – Мельников показал рукой на лес, находившийся совсем рядом, – посмотрите, как густо растут эти стволы. Вместе с ветвями они образуют непроницаемую крышу. По-моему, под ними можно укрыться от ливня.

– А если нет?

Мельников остановился и посмотрел в глаза Баландину.

– Если вы боитесь рискнуть, – сказал он сухо, – то возвращайтесь на лодку.

– Я, кажется, не давал вам повода считать меня трусом, – обиделся профессор.

– Я этого не говорил. Но понятие о благоразумности у людей различно. В будущем нам придётся тщательно обследовать лес. Как видите, вездеходом нельзя будет воспользоваться. Придётся углубляться в него пешком. Кому-нибудь надо первому испытать – даёт лес надёжное убежище от грозы или нет. Я хочу сделать это.

Пожалуй, вы правы. Лучше мне одному подвергнуться опасности. Идите обратно!

– Одного я вас не оставлю, – твёрдо сказал Баландин.

– В таком случае пошли дальше.

«Константин Евгеньевич, наверное, не одобрил бы такого эксперимента», – подумал Баландин, идя за Мельниковым.

Они дошли до возвышенного места, откуда можно было хорошо рассмотреть пороги.

Выше по течению берега снова расходились в стороны. Широкий простор водной поверхности был пустынен.

Мельников пристально всматривался в противоположный берег.

– Вон там, – сказал он, – на берегу, у первых камней, вы ничего не видите?

Профессор посмотрел по указанному направлению. Он не обладал таким острым зрением, как Мельников, но всё же рассмотрел какой-то красно-оранжевый холм, плохо различимый на фоне лесного массива.

– Это, вероятно, группа кустов, – сказал он.

– Отнюдь нет. Это совсем другое. Вернёмся на лодку. – И, не ожидая ответа, Мельников быстро пошёл обратно.

Было ясно, что он намеревается отправиться на другой берег. Действительно, когда они взобрались на лодку, Мельников, не спускаясь в выходной люк, приказал Зайцеву переплыть реку.

На южной стороне рос такой же лес. Поросшая жёлто-коричневой травой береговая полоса оказалась зна-

чительно шире, опушка леса в несколько раз дальше. Здесь было больше простора и совершенно сухо. Холм, который они видели с того берега, оказался вблизи грудой наваленных друг на друга деревьев.

Это были не те гиганты, которых они видели возле себя, а тонкие прямые стволы с ветвями, покрытыми не листьями, а длинными красными иглами.

— Ну вот и замкнулся круг моих наблюдений, — каким-то странным тоном сказал Мельников.

И только теперь Баландин увидел то, что ускользнуло сначала от его сознания, хотя и находилось перед глазами.

Это было невероятно, поразительно и необъяснимо! Но это было не миражем, а реальной действительностью.

Деревья лежали в порядке — вершинами в одну сторону.

Перед ними находилась не беспорядочная груда деревьев, а штабель. Со стороны реки его подпирали ряд зарытых в «землю» столбов из неотёсанных, грубо обломанных стволов тех же деревьев.

Ближе к лесу Баландин увидел второй штабель... брёвен. Оранжевые стволы лежали уже без веток.

ПОДВОДНЫЙ МИР

Прошло несколько минут, пока ошеломлённый профессор не обрёл, наконец, дар речи.

— Что же это такое? — спросил он растерянно.

— Разгадка линейки, — ответил Мельников. — Окон-

чательное доказательство, что на Венере есть разумные существа, стоящие, по-видимому, на низком ступени развития. Гипотезу о космическом корабле надо оставить.

– Но где они, эти разумные существа? Почему мы их не видели?

– Потому что мы ещё ничего вообще не видели. Они должны быть там. – Мельников указал на лес. – Под защитой этих растительных великанов могла развиваться жизнь, и, как мы видим, она действительно развилась. Там мы найдём «людей» Венеры, по всем данным – дикарей.

– Почему вы так думаете? – возразил Баландин. – Линейка...

– А что она доказывает? – перебил Мельников. – Понятие об измерении линейных расстояний мы находим у самых диких племён Африки. Это ещё не цивилизация. Посмотрите лучше на эти брёвна. Они обломаны самым грубым образом. Ветви оторваны, а не отрублены. Это работа существ, незнакомых с пилой и топором, но обладающих большой физической силой.

– Но ведь линейку нельзя сделать голыми руками, – не сдавался профессор.

– Австралийцы изготовляли каменными ножами такой точный метательный прибор, как бумеранг. Плоскую дощечку сделать гораздо проще.

– У австралийцев и африканцев не было линейек.

– Верно! Но ведь мы не на Земле, а на Венере. Нельзя механически переносить историю земного человека на другую планету.

— По-видимому, — сказал Баландин, — вы составили себе определённое мнение, и раньше чем мы вышли из лодки. Что навело вас на эту мысль?

— Это не совсем так, — ответил Мельников. — Раньше я только подозревал. Ход моих рассуждений можно передать в нескольких словах. Когда мы убедились, что плывём по реке, а не заливу, я вспомнил о деревьях, плывущих по воде, которые мы видели в прошлую экспедицию. Почему же теперь их нет? Нет на реке, нет и в океане, куда впадает река и куда она должна выносить их. Я решил, что выше по течению имеется какая-то преграда, задерживающая деревья.

— Вполне логично, — сказал Баландин.

— Но у такой преграды, — продолжал Мельников, — за тысячи лет должно было скопиться неисчислимое количество стволов. Погружаясь в воду под тяжестью новых, плывущих сверху, они должны были давным-давно запрудить реку, прервать её течение. Но этого не случилось. Я пытался убедить себя, что мы не встречаем плывущих деревьев случайно, что они были раньше и будут после. Но почему же их нет у устья реки, где сила течения ничтожна?

— Да, это трудно понять.

— Тогда я впервые подумал об искусственном сплаве леса, но сам же отверг такое предположение. Но чем дальше, тем чаще возвращалась эта «нелепая» мысль. Обратили ли вы внимание на ветви, которые мы встречали в пути? Они плыли не по одной, а кучками. Словно кто-то собирал их в охапку и бросал в реку. Ветви плыли, а стволов не было. В конце концов я почти

поверил, что мы увидим искусственную преграду, у которой задерживаются деревья. Но, когда мы подплыли к порогам, мои ожидания как будто не оправдались. Мне показалось, что это природное препятствие.

– Показалось? – спросил Баландин, с удивлением глядя на Мельникова.

– Да, в первый момент. Потом я обратил внимание на одно странное обстоятельство. Река очень широка на всём своём протяжении. «СССР-КС2» подлетел к ней и повернул вдоль русла севернее этого места, но недалеко от него. До самых гор, где находятся её истоки, река не имеет такого узкого места. Только здесь, в единственном месте, берега близко подходят друг к другу. И именно здесь, где любой инженер Земли предложил бы место для плотины, находится этот порог.

– Это можно объяснить иначе, – возразил Баландин. – За тысячи лет, как вы сами сказали, река могла принести с гор много камней. Как раз потому, что именно здесь река суживается, они могли задерживаться.

– Допустим! – ответил Мельников. – Правда, трудно поверить, что течение, как бы сильно оно ни было, могло доставить сюда такие громадины. Но мы с вами увидели пороги сверху, с берега. Вы ничего не заметили необычного?

– Как будто ничего. Обыкновенный порог.

– Ошибаетесь, Зиновий Серапионович! Этот порог совсем необычен. Давайте взберёмся на этот штабель и посмотрите внимательнее.

Баландин с сомнением оглянулся на чашу леса, на-

ходившуюся совсем близко.

– А хозяева этих дров, – сказал он, – не могут внезапно явиться сюда?

– Я очень хотел бы их увидеть. Но они не явятся. На этот счёт у меня есть определённое мнение. Потом я вам скажу.

По плотно уложенным стволам они без труда взобрались на штабель. С этой высоты пороги были отлично видны.

– Я просто слепец, – сказал Баландин. – Это яснее ясного.

– Вы не заметили раньше потому, что не думали об этом. А я ждал этого и потому сразу заметил.

Река бурным потоком проносилась между огромными камнями, которые все были примерно одинаковых размеров. Мало того, Баландин увидел, что камни лежат не как попало, а в три ряда и в «шахматном» порядке.

– Ни одно дерево не проскочит через эту плотину, – сказал Мельников. – Мы не можем больше называть эти камни порогами. Это плотина, очень примитивная, но несомненно плотина – инженерное сооружение. Картина рисуется в таком виде. За много сотен километров отсюда лес состоит из небольших деревьев, – другой породы, чем здесь. Там их ломают и спускают по течению, а здесь вытаскивают из воды и делают из них брёвна. И всё это, заметьте, просто руками. Какой тяжёлый и неблагодарный труд... только для того, чтобы достать древесину, которой и здесь сколько угодно. Но здешние деревья не по силам этим несчастным суще-

ствам.

– Камни для плотины, – сказал Баландин, – доставлены, вероятно, не с гор, а с берегов океана. Но как они доставлены? Это ведь неимоверная тяжесть.

– А как строилась пирамида Хеопса? Тоже почти руками. Этот порог, вернее плотина, создавался, может быть, сотни лет. Ну, давайте спускаться. А то ещё гроза налетит.

– Вы обещали сказать, почему не явятся обитатели леса, – напомнил Баландин, когда они спустились на «землю».

– Это только предположение, и весьма спорное. Я подумал о том, что сутки Венеры равны трём нашим неделям или около того. Значит, день продолжается примерно двести пятьдесят часов, столько же и ночь. А река имеет больше двух тысяч километров длины. Чтобы дерево могло доплыть по течению от истоков до этого места, требуется очень много времени. Мы видели плывущие деревья, когда было утро. Сейчас, днём, их нет. Или ещё нет, – это вернее. Они плывут где-то выше, а здесь будут к вечеру. Обитателей Венеры мы ни разу нигде не видели. Всё это вместе взятое приводит к мысли, что они работают по ночам, когда не так жарко. Может быть, это вообще ночные существа, спящие днём. Почему-то мне кажется, что такое объяснение правильно, – закончил Мельников.

Баландин задумался.

– Ваша мысль имеет основание, – сказал он. – Сейчас примерно полдень и воздух нагрет до восьмидесяти – девяноста градусов. Трудно допустить, что живые су-

щества могут работать при такой жаре. Вероятно, они прячутся в глубине лесов, где прохладнее.

Тон профессора был каким-то неуверенным. Мельников заметил это.

– Вы кажется, не очень верите тому, что говорите?

– Я вынужден верить, – ответил Баландин. – Доказательство находится у меня перед глазами. Но, если говорить откровенно, я не понимаю, как могли появиться люди на Венере. Человек как создание природы не является сразу в готовом виде. Он продукт длительного развития менее совершенных организмов, длящегося миллионы и миллионы лет. Жизнь, как правило, должна зародиться в воде, а затем уже выходить на сушу. Но как могли слабые и неразвитые существа удержаться на суше? Климатические условия на планете даже теперь неблагоприятны. Раньше они были ещё хуже. Но если зародыши жизни удержались всё-таки на суше, то почему нет никаких животных? Не может человек или другое существо быть единственным представителем животного мира. Это противоречит законам биологии.

– Да! – сказал Мельников. – То, что вы говорите, очень убедительно. Значит, перед нами ещё одна загадка. Час от часу не легче. Но пора возвращаться на звездолёт, – прибавил он. – Наша разведка дала огромные результаты. А загадки будем разгадывать все вместе.

Грозовые фронты по-прежнему не появлялись, и можно было спокойно заняться сбором «экспонатов». Баландин ультразвуковым кинжалом отрезал кусок

брёвна и несколько веток с иглами.

– Надо определить, когда и сколько времени эти брёвна плыли по воде, – сказал он. – Это поможет установить, правильно ваше предположение или нет.

Мельников собрал образцы трав – жёлтой, коричневой и белой. Срезали также несколько веток кустарника и порядочный кусок коры с одного из гигантских деревьев.

Нагруженные добычей, они направились к лодке и дошли до неё как раз в тот момент, когда Зайцев сообщил о начале ионизации.

Как только вошли в камеру и наружный люк был закрыт герметической крышкой, Мельников приказал отходить от берега и погружаться. С северо-запада надвигалась огромная туча. Процедуру фильтрации закончили уже под водой.

– Вы же хотели переждать грозу на берегу, – не удержавшись, пошутил Баландин. Мельников на это только пожал плечами.

Радиосвязи со звездолётом удалось добиться, когда подводная лодка вышла уже из реки в открытый океан. Мельников подробно рассказал Белопольскому об их открытии. Новость произвела, как и следовало ожидать, огромное впечатление. Вопросы посыпались градом. Было слышно, как Коржевский, тут же у приёмника, просил разрешения, как только лодка вернётся, выйти на ней обратно к порогам, на что Белопольский ответил:

– Перелетим туда на звездолёте.

Радиомаяк работал с большими перерывами, но Зайцев уверенно вёл лодку. Теперь, когда особенно

торопиться было некуда, Баландин и его спутники могли сколько угодно наблюдать подводную жизнь. Вперёд продвигались очень медленно и часто останавливались.

Океан Венеры был полон живыми существами. Профессор насчитал больше сорока различных видов. Многих из них удалось заснять на киноплёнку.

Впереди в ярком луче прожектора, океан был пуст. Всё живое торопилось уйти из освещённого пространства. Но сзади и с боков рыбы близко подплывали к лодке, очевидно привлечённые незнакомым движущимся предметом, который, вероятно, казался им новым животным. Когда внезапно загорался свет, они на мгновение замирали неподвижно и начинали метаться, стремясь в темноту. В эти секунды люди могли рассматривать их.

Формы тела большинства обитателей океана были похожи на формы земных рыб.

– В этом нет ничего удивительного, – говорил Баландин. – В одинаковой среде должны были развиваться одинаковые или почти одинаковые организмы. Природа всегда идёт по самому простому пути.

– Почему они так боятся света? – спросил Второв.

– И это понятно. Иначе не может быть, – ответил профессор. – На Земле свет Солнца проникает в воду морей и океанов на глубину до четырёхсот метров. Здесь почти полная мгла у самой поверхности. Органы зрения здешних рыб должны быть гораздо чувствительнее, чем у земных. Свет причиняет им боль и пугает.

Исследователи видели бесчисленное множество маленьких быстрых рыбок с синеватой чешуёй – близких родственников земных уклеек. Светясь слабым фосфорическим светом, стремительно проносились длинные узкие тела, в которых, будь это на Земле, Баландин узнал бы миксины. Звездоплаватели заметили несколько существ, до странности похожих на представителей земного отряда скатов – морских орлов, с плавниками в виде крыльев и тонким длинным хвостом, или похожих на смятую тряпку шиповатых скатов. Один раз, при вспышке прожектора, они прямо перед собой увидели тупую морду – копию обыкновенного круглопёра, только с тремя глазами, вместо двух. Другой раз уродливая зубастая голова «хаулиода» уставилась на них также тремя глазами.

– Как замечательно продуманно работает природа – восхищался Баландин. – На Земле и Венере она создаёт похожие существа, приспособленные к жизни в воде. Но на Земле у рыб два глаза, а здесь, где гораздо темнее, она даёт своим созданиям три. Это просто замечательно!

Но среди обитателей вод, тела которых напоминали соответствующие виды земных рыб, звездоплаватели могли наблюдать существа, не имевшие ничего общего с земными. Прозрачные и почти неразличимые плыли круглые, как шары, или, наоборот, плоские, видимые только сбоку, непонятные рыбы, тело которых состояло, казалось, из одной наружной плёнки. Часто встречались ещё более странные создания, похожие формой на гимнастические гантели, оба шара которых свети-

лись каждый своим светом – синим и зелёным, зелёным и белым, белым и ярко-красным. Снизу, из глубин океана, поднимались вертикально вверх бесконечно длинные причудливые змеи с квадратными головами. Когда на них падал луч прожектора, они мгновенно свёртывались в клубок и камнем падали вниз.

Далеко, куда не достигал свет лодки, виднелись быстро мелькавшие разноцветные огни, но к ним не удавалось подойти. Даже когда намеренно тушили прожектор, они не подплывали близко.

– Надо спуститься в океан в водолажном костюме, – заявил Баландин.

– Никто вам этого не позволит, – ответил Мельников. – Мы взяли эти костюмы, считая океан Венеры необитаемым. Тут слишком опасно.

Действительно, несколько раз на мгновение показывались огромные рыбы, по-видимому принадлежащие к породе хищников. Гибкие сильные тела с мощными плавниками проносились мимо с такой быстротой, что не было возможности рассмотреть их как следует. Но по счастливой случайности одна из них налетела на лодку, которая заметно покачнулась от удара. Ошеломлённая столкновением, рыба на секунду замерла неподвижно, и разведчики успели рассмотреть её зубастую пасть и пятиметровое туловище, покрытое крупными пятнами, как у кошачьей акулы.

– Встретиться с такой рыбкой – это верная смерть для водолаза, – сказал Зайцев.

Дно океана иногда поднималось, и тогда можно было наблюдать придонное население. В отличие от рыб, оно

никуда не исчезало, и с остановившейся лодки могли рассматривать сколько угодно.

Тут было неисчислимое множество разнообразных «актиний», «акцидий», коралловых кустов и разноцветных водорослей. Между ними кишмя кишели животные.

Звездоплаватели видели странные, фантастические звёзды, состоящие из нескольких, словно сросшихся между собой змей. Они ползали по дну, шевеля семью или восемью головами квадратной формы, по сторонам которых на длинных отростках светились словно фонарики разноцветные огни. Всюду виднелись извивающиеся в непрерывном движении пунцовые «каналы» с чёрными поперечными кольцами.

— Это же «лианы», — сказал Второв. — Те самые, в объятиях которых я побывал в первый день прилёта на Венеру.

— Да, это они, — подтвердил Баландин. Они видели, кроме «лиан», также знакомые им «ленты». Острые шипы «лент» казались живыми. На некоторых, как на вертеле, трепетали недавно пойманные, рыбки.

— Если бы мы могли не зажигать света! — вздыхал профессор. — Тогда мы увидели бы картину охоты этих «растений». Наш прожектор разгоняет всю дичь.

— В нашем распоряжении имеется локаторный экран, — напомнил Зайцев.

— Боюсь, что он мало поможет.

— Попробуем всё-таки!

Профессор оказался прав. Когда потушили свет и бледно-зелёным прямоугольником вспыхнул «ночной»

экран, они увидели на нём неясные тени. Ничего нельзя было рассмотреть.

– Здесь нужно не радио, а ультразвуковой экран, – сказал Зайцев.

– Кто же мог предвидеть, что он нам понадобится. Никто не ожидал, что в океане Венеры есть жизнь.

Это был первый случай, когда экспедиция, столь тщательно и продуманно оснащённая, оказалась безоружной.

Волей-неволей вернулись к прежнему способу наблюдений.

Внимательно всматриваясь, заметили, что под водорослями прячутся мелкие «ящерицы». Удалось довольно хорошо рассмотреть некоторых из них. Они были отдалённо похожи на гаттерии (только не зелёного, а синего цвета), на гекконы, на агамы, на рогатых фринозом и на змееголовок.

– Действительно, Венера – сестра Земли, – заметил Мельников. – Какое сходство населения!

В одном месте обнаружили громадное скопище панцирных животных, в которых сразу признали родичей земных черепах – зубчатых циниксов. Они были самых разнообразных размеров – от нескольких сантиметров до двух и трёх метров в поперечнике – и медленно передвигались на четырёх чрезвычайно длинных суставчатых ногах. Их панцири были разных оттенков – от нежно-розового до темно-красного цвета. Казалось, что по дну двигаются ожившие беседки – крыши на четырёх столбах.

«Черепахи» как будто не обращали внимания на

подводную лодку, висящую над ними, но голов не показывали.

Мельников посоветовал на время погасить свет.

Хитрость удалась. Когда через несколько минут зажгли прожектор, они успели заметить трехглазые головы, которые моментально спрятались под панцири.

Несколько раз повторив этот манёвр, звездоплаватели убедились, что «черепахи» не с круглыми, а с эллипсоидными панцирями ведут себя иначе, чем другие. При вспышке прожектора можно было заметить, что они стоят, поднявшись на задние ноги, очевидно рассматривая лодку в темноте. С длинными передними ногами, висящими как руки, и треугольными трехгла-

зыми головами они отдалённо напоминали уродливых обезьян. Когда появлялся свет, эти странные существа падали на дно и прятались под панцирь, становясь похожими на красные холмики, совершенно неподвижные. Ни разу ни одно из них не встало при свете.

Вторично включили «ночной» экран. До предела сузив радиолуч, получили достаточно отчётливое изображение.

Четверо товарищей хорошо видели, как в наступившей темноте быстро поднялись три продолговатые тени. Неясные контуры их голов шевелились, наклоняясь друг к другу, точно «черепахи» переговаривались между собой. Поднялась и снова опустилась длинная суставчатая «рука».

— Она показала на нас, — взволнованно прошептал Баландин. — Ни одно животное не способно на такой жест.

— По-моему, просто махнул лапой, — возразил Зайцев. — Вы увлекаетесь, Зиновий Серапионович.

— Смотрите внимательней!

Но «черепахи» больше не шевелили «руками». Почти час звездоплаватели, не зажигая света, наблюдали за ними. К трём теням присоединилась четвёртая, потом все четыре куда-то исчезли.

Вспыхнул прожектор. Темно-красных эллипсоидных панцирей нигде не было видно. По-прежнему медленно передвигались по дну круглые «беседки», казалось не обращая внимания на лодку. Но странные создания, умеющие стоять на задних ногах, больше не появлялись.

— Куда они могли деваться? — недоумевал Баландин. — И почему убежали? Раз они умеют ходить на двух ногах, то значит...

— Откуда вы взяли, что они умеют ходить? — перебил профессора Зайцев. — Мы видели, что они стоят, это верно, но отсюда не следует...

— У вас совсем нет воображения, — сердито сказал Баландин.

Зайцев рассмеялся:

— Зато у вас его слишком много. Даже удивительно много для учёного.

— К этим «черепахам» надо как следует присмотреться, — сказал Мельников. — Мне тоже показалось, что она протянула «руку» к лодке.

— Присмотреться! А как присмотреться, если их нет?

— Вернёмся сюда ещё раз.

— Если найдём это место, — уныло сказал Баландин.

— В любое время я доставлю вас сюда. Отсутствие воображения, — Зайцев улыбнулся, — мне восполняют приборы навигации.

— Давайте прямо к острову! — сказал Мельников, видя, что профессор начинает серьёзно сердиться. — На этот раз хватит. Константин Евгеньевич очень недоволен.

Действительно, Белопольский несколько раз радировал, чтобы лодка не задерживалась. На звездолёте её с нетерпением ждали.

Зайцев дал полный ход.

Через полтора часа подводная лодка вошла в залив по уже знакомому фарватеру и пришвартовалась к борту

звездолёта. Белопольский, Пайчадзе и Топорков встретили её экипаж у дверей выходной камеры.

– Это что такое? – спросил Константин Евгеньевич, увидя перевязанные головы Мельникова и Второва. – Почему не сообщили о ранениях?

– Это не ранения, а царапины, – ответил Мельников.

– Немедленно в лазарет.

– Нет ничего серьёзного.

– Об этом будет судить Степан Аркадьевич. Удивляюсь, Зиновий Серапионович, – прибавил Белопольский, – как вы могли допустить это? Надо было сразу направиться на корабль.

Баландин показал глазами на Мельникова и красноречиво пожал плечами.

– Надо убрать лодку в ангар. Может налететь гроза, – сказал Зайцев.

– Это без вас сделают. В лазарет, а затем на отдых!

Но профессор категорически отказался уйти в свою каюту до тех пор, пока не исследует кусок бревна и ветви деревьев, взятые из штабеля у порогов. С помощью Андреева и Коржевского он хотел определить, сколько времени тому назад дерево было сломано, как долго плыло по реке и когда было вытащено на берег. Успехи ботаники, органической химии и наличие в лаборатории корабля электронного микроскопа позволяли надеяться, что на все эти вопросы ответ будет получен.

– Успех обеспечен, – сказал он Белопольскому, – если деревья Венеры родственны земным по своему строению. Я думаю, что это именно так.

– Обещайте, что разбудите меня, как только закончите анализ, – попросил Мельников. – Иначе я буду ждать.

– Иди, иди! – подтолкнул его к двери Пайчадзе. – Разбудим, конечно!

Лабораторное исследование заняло несколько часов. Как только оно было закончено, Белопольский попросил всех собраться в красном уголке. Разумеется, никто не заставил себя ждать.

– Дерево, – начал Баландин, – из которого сделано бревно, имеет некоторые особенности, но, в общем, оно родственно земным растениям. Мы считаем, что с большой долей вероятности можно сказать, – оно было сломано больше восьмисот часов тому назад. Состояние древесных волокон у места слома и внутри приводит к такому выводу.

– Насколько больше? – спросил Пайчадзе.

– Станислав Казимирович считает, что между восьмьюстами и восьмьюстами пятидесятью.

Пайчадзе переглянулся с Белопольским.

– Подождите, – сказал он. – Я сейчас соображу. Восьмьсот пятьдесят. Так! Это выходит тридцать пять наших суток. Иначе говоря, 12 июня.

– В полночь, – сказал Белопольский.

– Разве вам уже известна продолжительность суток на Венере? – удивился Баландин.

– Да. Вчера, в четырнадцать часов тридцать одну минуту, был точно полдень.

– Как же вы это определили, не видя Солнца?

– По фотографиям. Арсен Георгиевич ежедневно

производил снимки неба в лучах инфракрасной части спектра. На них ясно можно различить положение Солнца. Это позволило рассчитать продолжительность суток. Они равны двадцати трём земным суткам. Таким образом получается, что дерево было сломано с корня около полутора венерианских суток тому назад, примерно в полночь.

– А вам удалось определить, когда оно было вытасщено из воды? – нарушил продолжительное молчание Зайцев.

– Это можно сказать не так точно. Деревья, сложенные на берегу, часто мокнут под дождём. По счастью, кусок был отрезан от бревна, лежавшего внизу, под другими. В общем, мы думаем, что оно пробыло на суше не менее девяти – десяти наших суток.

– И плыло по реке целые венерианские сутки?

– Тут не всё понятно, – сказал Баландин. – Скорость течения такова, что сплав не может идти так долго.

– А по-моему, всё достаточно ясно, – неожиданно заявил Белопольский. – Борис Николаевич прав. Обитатели Венеры выходят из своих убежищ и принимают за работу только по ночам. В предыдущую ночь деревья были сломаны и спущены в воду. Днём они плыли и задержались у порогов, которые для того и предназначены. В следующую ночь их вытащили и сложили в штабель. Это произошло перед восходом Солнца, – сегодня. Можно предположить, что в следующую ночь, которая начнётся через пять наших суток, штабеля будут куда-то перенесены, а на их месте сложат новые.

– Если всё это действительно так, – сказал Коржевский, – то для того, чтобы увидеть жителей Венеры, надо явиться к ним ночью.

– Мы так и сделаем, – ответил ему Белопольский. – Программа работ требует пребывания звездолёта на ночной половине Венеры. С наступлением вечера мы перелетим на континент и спустимся где-нибудь в районе порогов.

– А успеем ли мы за пять суток подготовить ракетодром? – спросил Зайцев. – Чтобы корабль мог взлететь, надо уничтожить часть коралловых деревьев на западном берегу и в значительной степени разрушить самый береговой обрыв.

– В этом нет нужды. Сегодня замечены первые признаки начинающегося прилива. К вечеру уровень воды поднимется на восемьдесят метров. Коралловый деревья, больше чем наполовину их высоты, будут залиты, а берег и подавно. Кстати, Борис Николаевич, дойдёт прилив до порогов?

– Думаю, что нет, – ответил Мельников. – На обратном пути мы с Зиновием Серапионовичем измерили скорость течения и расстояние от порогов до океана. Расчёт показывает, что плотина находится на высоте двухсот метров над уровнем моря.

– А можно опуститься на берег реки?

– Безусловно, на южный берег. Расстояние между рекой и лесом вполне достаточное.

– Значит, через пять суток, 22 июля, звездолёт покинет остров, – сказал Белопольский. – И перелетит на берег реки, как можно ближе к найденной плотине.

Будем надеяться, что там мы разгадаем, наконец, загадку разумных существ на Венере.

ПЕРЕЛЁТ НА МАТЕРИК

Во второй половине длинного, двухсотсемидесяти-часового дня на берегу острова прекратились всякие проявления жизни. «Актинии», «ленты», «лианы», казалось, умерли. К ним можно было сколько угодно прикасаться, брать их руками, гнуть, – они не реагировали. Самые продолжительные ливни уже не вызывали никакого движения.

– Состояние дневного анабиоза, – говорил Коржевский. – Такое явление наблюдается и на Земле. Только там оно зависит от времени года, а здесь дня. Многие растения Земли «умирают» на зиму и снова «воскресают» весной. Некоторые животные на зиму засыпают. А на Венере неблагоприятное время для жизненных процессов – это день. Конечно, здесь на острове решающую роль играют приливы и отливы. Морские организмы заснули потому, что лишились водной среды. На дне океана, как мы видели, жизнь кипит и днём. Обитатели острова приспособились к особенностям жизни на коралловом рифе, который то погружается в воду, то выходит из неё. Это очень интересно, для биолога тут обширное поле деятельности.

Он улыбался и потирал руки от удовольствия.

– К сожалению, мы пробудем на Венере только полтора месяца, – ответил Баландин.

– Надо добиться скорейшей организации второй

экспедиции, и на более длительный срок. Ведь и вы этого хотите. Жизнь в океане Венеры вам так же интересна, как и мне.

– Что можно изучать, не выходя из лодки? – говорил профессор и тяжело вздыхал.

Предсказание Мельникова сбылось. Белопольский категорически запретил пользоваться водолазными костюмами. Он даже приказал убрать их из лодки и запереть в кладовой, опасаясь, не без оснований, что учёные в пылу исследований способны забыть об опасности.

Непредвиденное обилие животных в океане Венеры нарушило весь план работы, тщательно составленный ещё на Земле Баландиным и Коржевским. Экспедиция оказалась в этом отношении не подготовленной. Не было никаких средств, чтобы раздобыть образцы фауны и флоры морского дна. Подводная лодка не была оснащена механическими драгами. Водолазные костюмы, лёгкие и удобные, рассчитанные на максимальную свободу движений, не давали никакой защиты от нападения опасных хищников, существование которых, так же как и других высокоорганизованных организмов, никак не предполагалось.

– Всё это так! – говорил Баландин. – Но мы оказались в самом нелепом положении.

– И в этом значительная доля вашей собственной вины, – указал ему Белопольский. – Подготовка к работе в океане проводилась вами. Я хорошо помню, что конструкторы предлагали снабдить лодку механическими драгами, но вы отвечали им, что они не нужны.

Кто, как не вы, доказывали, что в океане Венеры нет органической жизни. Вполне естественно, что было решено не загружать лодку ненужным оборудованием.

– Я рассчитывал на водолазные костюмы. Не мог же я предвидеть, что вы запретите ими пользоваться.

Присутствующие при разговоре невольно рассмеялись.

– А что же вы хотите? – возмутился Белопольский. – Разрешить вам отправиться прямо в пасть «кошачьей акулы»?

И вот, в результате допущенной ещё на Земле ошибки, Баландину и Коржевскому приходилось довольствоваться наблюдениями за подводным миром Венеры сквозь прозрачные стенки лодки.

Зайцев сдержал своё обещание и уже на следующий день после возвращения от порогов доставил Баландина и Коржевского на то место, где они видели загадочных красных «черепаш».

Но, к огорчению учёных, их не оказалось. Огромное количество «зубчатых циниксов» лежало и ходило по дну, но эллипсоидных панцирей нигде не было. Они бесследно исчезли.

«Черепаш» этой разновидности не обнаружили ни на второй, ни на третий день.

– Куда они подевались? – недоуменно говорил Баландин. – Их было несколько. И почему только они ушли отсюда, а все другие остались?

– Жаль! – печалился Коржевский. – Судя по вашим описаниям, это совершенно особенные животные.

– Новая загадка, – подытоживал Зайцев.

День подходил к концу. Невидимое Солнце склонилось к западному горизонту. С каждым часом прилив становился выше. Казалось, коралловый остров медленно погружается в океан.

Сначала пришлось перенести мостик к двери нижней выходной камеры, потом убрать его совсем, а на берег сходить по лестнице. 21 июля остров окончательно скрылся под водой. Из океана поднимались теперь только верхние части коралловых стволов, между которыми могла свободно проходить моторная лодка.

Ветер всё чаще и чаще дул с востока. Не защищённый больше ушедшей под воду скалистой грядой, звездолёт сильно качался на волнах. В конце концов пришлось отказаться и от экскурсий на подводной лодке. Переход на неё из выходной камеры становился опасным. Кроме того, испарение нагретой воды настолько усилилось, что как только лодка отходила от корабля на несколько метров, он исчезал из виду, словно растворяясь в тумане.

За ужином Белопольский сообщил, что завтра они перелетят на материк.

– В котором часу? – поспешно спросил Топорков.

– В десять.

– А нельзя отложить до половины первого?

Константин Евгеньевич с недоумением пожал плечами:

– Можно, но зачем? Не всё ли равно – в десять или в двенадцать?

Топорков нервно вертел в руке вилку.

– Мне кажется, – сказал он, – что если звездолёт

поднимется в воздух, то ему не мешает подняться и над облаками.

– Понимаю! Вы хотите послать на Землю радиogramму. Но ведь не облака мешают этому, а ионизированный слой, который, по вашим же вычислениям, находится на высоте двухсот сорока пяти километров.

За столом все прекратили еду. С напряжённым вниманием члены экипажа следили за этим разговором. Во взглядах, устремлённых на командира корабля, можно было прочесть волнение, надежду и горячую мольбу. Один Мельников не поднял головы. Он знал Белопольского лучше всех.

– А разве нельзя подняться выше? – спросил Топорков.

Белопольский нахмурил брови.

– Можно, – сказал он. – Но я не могу подвергать звездолёт опасностям спуска без достаточных оснований.

Мельников вдруг резко выпрямился. Побледневший с сурово сдвинутыми бровями, он посмотрел в глаза Белопольскому. Привычная выдержка на этот раз изменила ему.

– Без достаточных оснований? – отдельно произнёс он. – Тревога и волнение наших родных и близких, мучительная неизвестность, бессонные ночи, горе и отчаяние – всё это недостаточные основания!

В кают-компании наступила тишина. Все опустили глаза.

Казалось, Белопольский несколько не обиделся. Тем же ровным и спокойным голосом он сказал:

– Я отвечаю перед всей нашей страной за успешное окончание рейса. Если корабль не вернётся на Землю, горе наших родных и близких будет во много раз сильнее. Кому другому, но не тебе, Борис, упрекать меня в эгоизме.

Ужин закончился в унылом молчании.

Но, когда начали расходиться, Белопольский, уже подойдя к двери, обернулся к Зайцеву.

– Константин Васильевич, – сказал он самым обыденным тоном, – подсчитайте запасы горючего и дайте мне расчёт необходимой затраты его для полёта корабля на высоте трёхсот километров в течение одного часа. Борис Николаевич поможет вам это сделать.

И на следующий день, 22 июля, в двенадцать часов двадцать минут, повёрнутый моторными лодками носом на восток, чтобы не мешали верхушки коралловых стволов, «СССР-КСЗ» расправил крылья и, промчавшись по воде более полутора километров, поднялся в воздух.

Белопольский и Мельников сидели рядом за пультом управления и широкими кругами поднимали корабль всё выше и выше. Ни слова о вчерашней размолвке не было произнесено между ними, но Константин Евгеньевич непривычно ласково обращался к своему ученику, а Мельников отвечал подчёркнутым вниманием к каждому слову академика, прося этим извинения за свою резкость. Мелочное самолюбие, губительное для всякого живого дела, не было знакомо ни тому, ни другому.

Далеко внизу остались волны океана, нависшие над

ними мрачные тучи, грозовые фронты и бесчисленные молнии. Над звездолётом раскинулся чистый темно-голубой купол неба, ослепительно ярко сияло на нём огромное Солнце.

Всё выше поднимался корабль, всё более темнело небо. Его цвет постепенно переходил в синий, потом в темно-синий и, наконец, в фиолетовый.

На высоте восьмидесяти километров звездолёт начал проваливаться. Разреженный воздух не давал достаточной опоры его крыльям. Тогда включили два основных двигателя. С их помощью поднялись ещё на сто километров.

Небо стало почти чёрным, появились звёзды.

Когда был включён третий, а затем и четвёртый двигатель, Мельников убрал крылья, — они стали ненужными, реактивный самолёт превратился в ракету.

Ионизированный слой, препятствовавший распространению радиоволн, начался в двухстах километрах от поверхности планеты и закончился в двухстах шестидесяти.

Когда только приборы показали, что цель достигнута, Топорков, не теряя ни минуты, включил передатчик. Направленная антенна была уже выдвинута и ориентирована на Землю. По Солнцу и звёздам Пайчадзе легко определил точное направление.

Экипаж корабля был уверен, что радиостанция Космического института ежедневно настраивается на их волну. Иначе не могло быть.

Ровно в двенадцать часов пятьдесят пять минут по московскому времени радиограмма, содержащая крат-

кий, но обстоятельный отчёт о событиях на Венере, начала свой далёкий путь.

– Через сколько времени может прийти ответ? – спросил Мельников.

– Когда мы опустились на Венеру, – с обычной точностью ответил Белопольский, – расстояние между планетами равнялось девяноста миллионам километров. С тех пор прошло двести восемьдесят два часа. Венера догоняет Землю, и расстояние сокращается. Сейчас оно равно восьмидесяти одному миллиону. Радиоволне нужно четыре с половиной минуты, чтобы одолеть это расстояние в один конец.

– Значит, ответ придёт через девять минут?

– Прибавь минуту на прочтение радиограммы и ещё минуту на составление ответа. Ответ придёт через одиннадцать минут. Если наша радиограмма дойдёт, – прибавил Белопольский.

– Почему же она может не дойти? Ведь ионизированный слой остался под нами.

– Мы ровно ничего не знаем об атмосфере Венеры. Может быть, в ней есть второй ионизированный слой, даже более мощный, чем первый.

Кроме командиров корабля, весь экипаж находился в радиорубке. Девять человек не спускали глаз с секундной стрелки.

Прошло девять, десять, одиннадцать минут. Ответа не было.

Двенадцать...

Никто не проронил ни слова. Все затаили дыхание. Неудача казалась очевидной. Радиограмма не дошла до Земли. Надо было подниматься ещё выше, вылетать в межпланетное пространство.

Никто не допускал мысли, что на Земле, на радиостанции, никого нет. Это было невозможно, невысказано...

Потрясённым людям секунды казались минутами.

И когда все окончательно уверились, что попытка не удалась, из репродуктора раздался отчётливый голос:

– Ваша радиограмма принята. Благодарим за то, что пошли на риск, чтобы успокоить нас. Советую немедленно вернуться на поверхность Венеры. Желаем полного успеха в работе и её благополучного завершения. Семьи экипажа здоровы, у них всё в порядке. Подтвердите получение нашей радиограммы и немедленно опускайтесь. Горячий привет. Сергей Камов.

Словно ярче вспыхнули электрические лампочки, словно свежее стал самый воздух. Давящая тяжесть

ушла из сердца.

– Приняли. Поняли. Следующая связь 27 августа. Выключаю передатчик, – сказал Топорков.

И только успели прозвучать эти слова, звездолёт пошёл вниз, туда, где далеко белоснежной массой раскинулся необъятный облачный океан.

Мельников случайно посмотрел на Белопольского и пораился необычайному зрелищу, – Константин Евгеньевич улыбался. Это было не подобие усмешки, которое он иногда видел на суровом лице академика, а широкая, радостная улыбка человека, с плеч которого свалился камень. Казалось, ещё секунда – и Белопольский рассмеётся.

«Расскажу Арсену, ни за что не поверит», – подумал Мельников.

Спуск занял значительно меньше времени, чем подъём. Через восемнадцать минут корабль влетел в облака. И так же, как двенадцать дней тому назад, миновав их толщу, оказался в самой середине грозового фронта. Словно Венера не умела иначе встречать гостей.

– В третий раз мы с вами опускаемся на Венеру, – сказал Мельников. – Когда я думаю, что через несколько минут снова увидим оранжевый лес... Хотя бы что-нибудь зелёное!

– Это результат духовной связи с Землёй, – чуть насмешливо ответил Белопольский.

– Я ни на минуту не терял этой связи, – обиженно возразил Мельников.

– Охотно верю. Но раньше всё заглушалось интере-

сом к работе. Какая разница, – зелёный или оранжевый цвет!

«Всё-таки странный он человек, – подумал Мельников. – Никак не понять его до конца».

Материк находился сейчас почти на границе дневной и ночной половины Венеры. Направляясь на запад, звездолёт не мог пролететь мимо. И действительно, через двадцать минут полёта на экране стал виден оранжево-красный лес. Мельников, управлявший кораблём, повернул на север, ища устье реки.

Проходили минуты, но река не появлялась. Вскоре заметили, что лес становится реже, начали попадаться равнины, которых не видели с борта подводной лодки.

– Или мы гораздо южнее, или, наоборот, севернее реки, – сказал Мельников. – Местность мне незнакома.

– Скорей всего севернее, – ответил Белопольский. – Повернём на юг.

Мельников переложил рули. Описан широкий полукруг, звездолёт повернул обратно.

Ещё около получаса летели вдоль берега, не встретив ни одного грозового фронта. Они виднелись всюду, но, по-видимому, также шли на юг.

С высоты шестисот метров открывался широкий кругозор. Белопольский и Мельников одновременно заметили искомую реку. Недалеко от океана она круто сворачивала на северо-запад, исчезая за лесным массивом. В той стороне горизонт был закрыт полосой грозы.

– Всегда и везде, – с досадой сказал Мельников.

Уже хорошо знакомые пейзажи Венеры сегодня по-

чему-то раздражали его. Такое же чувство испытывали и остальные члены экипажа. Все смотрели на свинцовое небо и оранжево-красную полосу берега с раздражением. Хотелось увидеть что-нибудь, что хоть немного напоминало бы родину. Но, кроме воды океана, всё было иным, чужим...

– Переждём, – спокойно сказал Константин Евгеньевич. – Особенно торопиться нам некуда.

На самой малой скорости звездолёт стал летать по кругу, не удаляясь от реки и ожидая прохождения грозового фронта. Вскоре дорога очистилась.

Ещё пятнадцать минут полёта – и вдали показались пороги, казавшиеся с высоты тонкой белой линией, протянутой поперёк реки.

– Смотри, там озеро! – вдруг сказал Белопольский.

Мельников взгляделся в экран. Действительно, совсем близко от порогов, среди деревьев, виднелось лесное озеро, имевшее в поперечнике, насколько можно было судить на расстоянии, километра два. Когда подлетели ближе, стало видно, что северный берег плоский, а южный поднимается над водой крутым обрывом. Лес подступал почти к самой поверхности воды.

Звездолёт спустился к вершинам леса. Моторы работали с минимально допустимой на столь незначительной высоте мощностью, но всё же скорость была не менее пятидесяти метров в секунду.

Долетев до озера, Мельников повёл корабль вдоль его берегов.

– Вижу брёвна на северном берегу, – раздался из репродуктора голос Пайчадзе.

Вместе со всеми он находился в обсерватории и мог не на экране, а непосредственно в окна наблюдать местность.

В этот момент Мельников и сам увидел высокий штабель, и не один, а несколько. Они стояли на равном расстоянии друг от друга и были сложены из таких же брёвен, какие они с Баландиным видели у порогов. Но корабль пролетел мимо так быстро, что нельзя было ничего рассмотреть как следует.

– Вижу деревянную плотину!

Голос Зайцева дрожал от волнения. Одновременно с ним ту же фразу крикнули Баландин и Князев.

Звездолёт как раз подлетел к западной оконечности озера, и наклонившись на левое крыло, плавно поворачивал к югу. Ни Белопольский, ни Мельников ничего не успели увидеть.

– Где вы видите плотину? – спросил Константин Евгеньевич.

– Она уже позади, – ответил ему Баландин. – Из озера вытекает небольшая речка. У самого истока её перегородивает деревянный забор из тесно поставленных брёвен.

– Это озеро ещё загадочнее порогов, – сказал Мельников. – Его длина вполне достаточна. Посадим корабль здесь.

– На воду ни в коем случае, – с какой-то странной интонацией в голосе ответил Белопольский. – Только на берегу.

– На берегу негде – он слишком узок.

– Тогда у реки, там, где хотели раньше.

— Но почему не здесь?... — начал Мельников, однако взглянув на Белопольского, смолк. Такого выражения, как в эту минуту, он никогда не видел на лице своего учителя и друга. Покрытое глубокими морщинами, оно было более сурово, чем обычно, но в каждой чёрточке этого лица, в блеске глаз, в заметном дрожании губ чувствовалось, что академик охвачен глубоким волнением. Он не отрываясь смотрел на гладкую поверхность воды, и в его взгляде застыло напряжённое ожидание.

На озере было пустынно и неподвижно. Ни малейшего признака жизни не появлялось на его широком просторе. И таким же безжизненным был низкий берег, заросший огромными деревьями и оранжевым кустарником. Никакого движения. Только густая листва шевелилась от ветра.

Не задавая больше вопросов, Мельников повёл корабль к реке. Она была совсем близко от озера. Их разделяло расстояние, не превышающее одного километра.

Ещё при первом посещении порогов Мельников заметил удобное место для посадки звездолёта. Это была широкая и длинная полоса берега, целое поле, на которое корабль мог свободно спуститься и с которого легко было впоследствии подняться. Поле было ровным и как будто совсем сухим, поросшим жёлто-коричневой травой.

— Поторопись! — сказал Белопольский. — Вон там надвигается туча.

Мельников звонком предупредил экипаж о посадке.

Как только впереди показалось выбранное место,

моторы остановились. Огромный корабль летел по инерции, быстро теряя скорость. Тяжёлая корма постепенно опускалась всё ниже.

Конструкция Камова, предусматривавшая посадку на «лапы», требовала от пилота предельного внимания и точности каждого движения. Манёвр был настолько труден, что, несмотря на все усилия конструкторов, автопилот не мог заменить человека. Белопольский и Мельников затратили много времени и усилий, чтобы овладеть искусством (это было уже не техникой, а искусством) посадки. Надо было с исключительной точностью уловить момент, когда корабль почти остановится и окажется в воздухе в состоянии неустойчивого равновесия. На маленьком тренировочном звездолёте они десятки раз проделывали этот манёвр на Земле.

Но посадить на «лапы» такой исполинский корабль, как «СССР-КСЗ», было неизмеримо труднее. Константин Евгеньевич, учитывая свой возраст, поручил это ответственное дело своему молодому товарищу, у которого рука была твёрже, а нервы, по всеобщему мнению, вообще отсутствовали.

Мельников не смотрел на экран. Всё своё внимание он сосредоточил на указателях высоты и скорости. Обе стрелки быстро приближались к нулю.

– Один, – отрывисто сказал Белопольский.

Это означало, что корма корабля находится в одном метре от земли.

Ещё секунда... другая...

– «Лапы» – скомандовал Мельников.

Белопольский нажал кнопку.

Они почувствовали слабый толчок, — это корма коснулась почвы. В ту же секунду амортизаторы выпали из гнезд. Звездолёт, вздрогнув, остановился. Мощные моторы плавно и быстро убрали «лапы». Крылья исчезли в пазах, и корабль всем корпусом лёг на «землю».

— Bravo! — раздался голос Пайчадзе. — Молодец, Борис!

— Кажется, всё в порядке, — сдержанно сказал Мельников. — Конструкция Сергея Александровича выдержала последнее и самое серьёзное испытание.

«СССР-КС3» опустился точно посередине между рекой и лесом. До порогов, находившихся выше по течению, было километра полтора.

— Помните, Константин Евгеньевич, когда мы летели на «КС2», нам казалось, что материк Венеры не имеет ни одного места, пригодного для посадки звездолёта? Оказывается, таких мест сколько угодно.

— Да, — ответил Белопольский, — мы ошиблись. Но это неудивительно. Чтобы узнать планету, недостаточно короткого перелёта над нею. Мы находимся здесь уже двенадцать суток, и всё же ничего не знаем. Венера преподносит нам один сюрприз за другим. И самая большая неожиданность ожидает нас впереди... на озере.

Последнее слово он произнёс почти шёпотом, и Мельников снова увидел на его лице волнение.

— Почему вы не позволили посадить корабль на озере?

Белопольский ответил не сразу. Казалось, что он колеблется, отвечать или нет.

– Мне пришла одна мысль, – сказал он каким-то нерешительным, робким тоном. – Очень странная мысль... Это озеро...

– Что?..

– ...совсем не озеро. Вернее, не то, что мы привыкли понимать под этим словом.

И, ничего больше не прибавив, Белопольский вышел из рубки.

– Что он хотел этим сказать? – спросил Баландин.

– Право, не знаю, – растерянно ответил мельников. – Не могу догадаться.

– «Совсем не озеро», – повторил профессор. – Странно! По-моему, это самое обычное лесное озеро, если не считать плотины и штабелей леса на его берегу. Но само озеро...

Они разговаривали по проводам внутренней связи. Мельников не видел своего собеседника, но он представил себе, как Баландин при этих словах недоуменно пожал плечами:

– Вероятно, Константин Евгеньевич что-то заметил. Надо спросить его.

– Не выйдет! – уверенно сказал Мельников. – Не скажет.

Но профессор всё-таки попытался узнать, что хотел сказать начальник экспедиции, однако, как и следовало ожидать, без всякого результата.

– Это скоро выяснится, – ответил ему Белопольский. – Не следует делать поспешных выводов.

– Я уверен, что он что-то знает, – сказал Баландин, вернувшись из неудачной разведки. – Но, хоть убейте,

не могу представить, что именно.

– Придёт время, узнаем, – «утешил» его Мельников.

Было четыре часа дня по московскому времени. Приближалась долгая, одиннадцатисуточная, ночь Венеры.

ПОД УДАРОМ ГРОЗЫ

До захода Солнца оставалось десять часов. Но это не значило, что сразу настанет темнота. Вращение Венеры вокруг оси совершалось так медленно, что вечерние сумерки должны были продлиться долго. Ночь, в прямом смысле этого слова, могла наступить не раньше чем через пятьдесят часов. Это время надо было использовать.

Как только «СССР-КСЗ» спустился на место своей новой стоянки, Мельников и Коржевский вышли из корабля, чтобы обследовать берег и выяснить, можно ли воспользоваться вездеходом. До порогов полтора километра, и экскурсия туда пешком таила опасность быть настигнутым грозовым фронтом. Предположение, высказанное Мельниковым, что от ливня можно укрыться под сводами леса, требовало ещё проверки.

Оба звездоплавателя без труда убедились, что грунт берега достаточно твёрд. Гусеницам вездехода не грозила опасность провалиться. Под оранжево-коричневым ковром трав находился слой плотно слежавшегося песка. Действительно ли это песок такой же, как на Земле, или что-то другое, похожее на него, пока оставалось неизвестным, но одно было несо-

мненно – вездеходом можно пользоваться, а это сейчас самое главное.

Где-то близко находились неизвестные обитатели Венеры, судя по всему существа с большой физической силой, привыкшие к ночному мраку.

Как отнесутся они к пришельцам с Земли?

Если это дикари, как думал Мельников, то вполне возможны враждебные действия с их стороны. Звездоплаватели не хотели прибегать к оружию. В случае нападения вездеходы будут надёжной защитой.

Чтобы выполнить программу ночных работ, предстояло часто и на длительное время покидать корабль. Кроме того, они твёрдо решили поближе познакомиться с хозяевами планеты. Это можно было сделать только ночью. Экскурсия к порогам, а возможно и к озеру, в полной темноте, таила в себе большие опасности. Если почва окажется болотистой, что было вполне естественно из-за частых ливней, задачи, стоявшие перед экспедицией, ещё больше усложнятся.

Но береговая полоса ни в малейшей степени не походила на болото. Это был твёрдый и, по-видимому сухой грунт.

– Мне кажется, что это самый обыкновенный песок, – сказал Коржевский, – и его слой очень толст. Иначе он не смог бы впитывать всю воду, приносимую ливнями.

– Таким свойством обладает не только песок, – ответил Мельников. – Берег имеет заметный уклон от леса к реке. Основная масса воды может стекать в реку, а остальное впитывает почва.

– И это возможно, – согласился биолог.

Вернувшись на корабль, они доложили Белопольскому о результатах своей разведки. Константин Евгеньевич приказал немедленно приготовить машину. Через полчаса один из вездеходов уже стоял у двери нижней выходной камеры.

На звездолёте были машины разных размеров. Для первой поездки решили воспользоваться самой лёгкой и быстроходной.

Белопольский хотел лично осмотреть пороги и штабеля брёвен, сложенные на берегу, а так как он не мог покинуть корабль одновременно с Мельниковым, сопровождать его должен был профессор Баландин. Ни он, ни Константин Евгеньевич не умели работать с киноаппаратом, и Второв снабдил их фотокамерами.

– Снимайте как можно больше, – просил он при этом. – Каждый снимок бесценен.

– Знаем, знаем! – улыбнулся Баландин. – Обещаю использовать всю плёнку.

– Может быть, найдётся ещё одно место в машине? – Второв смотрел на командира корабля умоляющими глазами.

– Успеете! – сухо ответил Белопольский. – Эта поездка не последняя.

Как всегда, грозовые фронты задержали выезд. Звездоплаватели успели уже привыкнуть к постоянным ливням, однако на этот раз их терпение подверглось длительному испытанию. Три часа подряд одна гроза сменяла другую, отнимая драгоценное время.

Но вынужденная задержка принесла некоторую пользу. Они убедились, что вездеход, намеренно ос-

тавленный снаружи, выдерживает тяжесть водяных потоков, следовательно, и люди могли в нём укрываться от гроз. Наблюдая через окна обсерватории в короткие промежутки между ливнями, они убедились и в том, что предположение Мельникова правильно. Вода не задерживалась на берегу, а стекала в реку по естественному уклону почвы; опасность, что окружающая местность превратится в болото, не угрожала.

Как только барометр Топоркова показал, что воздух очистился от электричества, Белопольский и Баландин, не теряя ни минуты, вышли из корабля и сели в машину. Она была настолько низка, что им пришлось заменить личные рации акустическими усилителями. Антенна противогазового костюма не умещалась в машине.

До порогов шли на самой малой скорости. Разведка, произведённая Мельниковым и Коржевским, коснулась только ближайших окрестностей, и Константин Евгеньевич очень осторожно продвигался вперёд.

Полтора километра они проехали за пятнадцать минут и остановились у самого штабеля.

Баландин сразу увидел, что за эти несколько дней никто не прикасался к штабелям. Брёвна лежали в том же порядке, что и раньше. Он заметил тот ствол, от которого отрезал кусок.

Белопольский молча кивнул головой, когда профессор поделился с ним своими наблюдениями, и, отворив дверцу, вышел из машины.

Но если загадочные штабеля не изменили своего вида, то совсем другое произошло с рекой. Когда сюда приходила подводная лодка, в этом месте был настоя-

щий порог. Полноводная река, встретив препятствие, проносилась мимо с неистовым шумом, клубясь пеной, обдавая громадные камни тучами брызг. Теперь здесь было почти тихо. На пространстве около пятидесяти метров, выше порогов, от берега до берега плотной массой загородили реку стволы деревьев. Они были так тесно прижаты друг к другу силой течения, что по ним можно было, как по мосту, перейти с южного берега на северный.

– Это подтверждает нашу догадку, – сказал Баландин. – Обитатели Венеры работают по ночам.

Белопольский пристально вглядывался в плотину. Чтобы лучше видеть, он поднялся на вершину штабеля. Линия камней была отсюда видна как на ладони.

– Никакого сомнения быть не может, – сказал он, спустившись вниз. – Эта преграда искусственная. Но если исключить помощь технических средств, такое сооружение могли создать только существа, наделённый исключительно большой физической силой.

– То же самое сказал и Борис Николаевич.

– Весь вопрос в том, зачем это сделано?

– Видимо, им нужна древесина, – ответил Баландин. – А здешние деревья им не по силам. Сами видите, какие исполины растут здесь.

– Это единственное объяснение, – согласился Белопольский. – Лес сплавляют откуда-то сверху. И затем перетаскивают его на озеро. Мы же видели штабеля на его берегу. Но зачем им так много древесины? Здесь тысячи стволов, – прибавил он, указывая на реку. – И можно смело предположить, что такое же количество

сплавляется каждый день, или, по-нашему, каждые три недели. Вот что непонятно. Но мы узнаем это, когда посетим жителей Венеры, – там, где они живут.

– Мне кажется, что их поселения должны находиться на берегу озера, в лесу, – заметил Баландин.

– В лесу?

– Да, я полагаю, что в лесу. А разве вы думаете иначе?

– Проедем на озеро, – не отвечая на вопрос, предложил Белопольский.

– Через лес?

– Конечно. Раз от реки до озера протаскивают длинные брёвна, должна быть просека.

– Поищем её, – лаконично ответил профессор.

Он подумал, что подобная экскурсия очень опасна и лучше было бы отправиться на более мощной машине, и не на одной, а, по крайней мере, на двух. Но вслух он ничего не сказал. Ему совсем не хотелось услышать от Белопольского то, что он уже услышал однажды от Мельникова. Эти четыре человека – Камов, Пайчадзе, Белопольский и Мельников – были людьми особого склада. В их спокойной смелости было что-то, что заставляло молчать голос обычного благоразумия. Втайне профессор надеялся, что они не найдут достаточно широкой просеки.

– Опасности нет, – словно услышав его мысли, сказал Белопольский. – Обитатели Венеры безусловно ночные существа.

– Едем!

Они заняли свои места в вездеходе. Баландин по ра-

дио сообщил на корабль об их намерении. Со стороны Мельникова, находившегося у рации, никаких возражений не последовало. Он только попросил держать связь со звездолётом.

Долго искать не пришлось. Ожидаемая просека оказалась совсем рядом, почти напротив штабелей, и была достаточно широка для вездехода.

Белопольский остановил машину у первых деревьев.

Извилистая тропа уходила в тёмную глубину леса, лавируя между гигантскими стволами. Слабый свет дня, вернее вечера, не проникал сквозь густую листву, и в десяти шагах впереди уже ничего нельзя было рассмотреть. Дорога скрывалась во мраке.

Баландин с волнением всматривался в просеку. Здесь проходили обитатели планеты, её хозяйева. Они были естественными господами природы Венеры, как люди были господами природы Земли. Существа, наделённые разумом и способные к целеустремлённому труду, всюду и везде были, есть и будут повелителями природы. Пусть низка ступень, на которой находится сейчас разум обитателей Венеры, пусть примитивны и грубы способы их труда, пусть отсутствует у них техническая мысль, — это не меняет дела.

«Может быть, обитатели Венеры руководствуются инстинктом? — подумал Баландин. — Может быть, их возня с деревьями подобна работе наших бобров? Не творческий, а механический труд?»

Но он хорошо понимал, что какие бы хитроумные заключения ни делал, их всё опровергает факт находки линейки у кораллового острова. Она могла принадле-

жать только обитателям Венеры. Создание измерительного инструмента не доступно никакому животному. Оно требует математического мышления, пусть самого примитивного. А математические понятия не могут возникнуть в мозгу, лишённом способности к логическому умозаключению. Логика – привилегия человека.

– Нет, это всё-таки люди, – громко сказал профессор.

Казалось, Белопольский понял ход его мыслей. А может быть, он сам думал о том же.

– Линейка не даёт возможное сомневаться в этом, – ответил он. – Вы обратили внимание на почву? Кажется, Борис Николаевич прав, и в лесу ливни не страшны.

– Из чего вы это заключаете?

– Разве вы не видите, как вытоптана трава в лесу? А от леса до штабелей никаких следов нет. На открытом месте ливни восстанавливают свежесть травы, а в лесу они не оказывают такого же действия.

Белопольский включил скорость, и вездеход медленно двинулся вперёд. Ширина дороги была едва достаточна для машины. На каждом шагу приходилось работать рулями поворота.

Чем дальше, тем темнее становилось вокруг. Густая заросль кустарника, переплетённого белыми травами, вплотную окружала машину. Исполинские стволы, словно колонны, поддерживающие оранжево-красный свод, поднимались высоко вверх, ограничивая кругозор со всех сторон. Едва вездеход сделал первый поворот, деревья словно сомкнулись позади него. Берег исчез из виду. Куда бы они ни посмотрели, всюду была тем-

но-красная стена, испещрённая вишнёвого цвета пятнами, окаймлённая снизу оранжево-белой полосой.

Белопольский и Баландин молчали, взволнованные и несколько подавленные величием и грандиозностью картины непроходимого, девственного леса, по которому шла их машина, – по единственному пути, проложенному существами ещё неизвестными им, но родственными, как родственны между собой мыслящие существа всей необъятной Вселенной.

Не прошло и минуты, а мрак настолько сгустился, что пришлось включить прожектор.

Ослепительно ярким, но чуждым и неуместным показался здесь электрический свет. Сотни, а может быть тысячи лет стояли эти лесные великаны, и ни разу луч Солнца не коснулся их. Привыкшие к мраку, они должны были возмутиться этим не прошенным и дерзким освещением, нарушившим их вековой покой.

Но растения не чувствуют и не возмущаются.

В немерцающем, белом свете с рельефной отчётливостью выступали из темноты деревья, кустарники и странно неподвижная мертвенно-белая трава.

Ни малейшего движения... Мёртвый покой...

И извилистым коридором уходила куда-то вдаль таинственная дорога.

Осторожно и медленно вездеход продвигался вперёд. Следы его гусениц, ясно видимые, налагали на пейзаж Венеры земное клеймо.

Что подумают обитатели планеты об этих следах, непонятных и загадочных для них, когда, с наступлением ночи, пойдут этой дорогой, сотни раз исхоженной

ими? Поймут ли они, что это означает? Может ли прийти им в голову мысль о посещении Венеры обитателями другого мира? Или, не видя звёздного неба, скрытого толщей никогда не расходящихся облаков, они не представляют себе, что, кроме их планеты, существуют другие, что они не единственные разумные существа во Вселенной?.. Но как могут они заподозрить самое существование Вселенной, если никто из них никогда не видел ни Солнца, ни звёзд?.. Следы гусениц будут восприняты как следы неизвестного животного, — только. И хотя до сих пор они не встречали таких животных, мысль о них появится сразу.

Перед профессором Баландиным возникла картина. Во мраке ночи огромные тени склоняются над следами, указывая на них друг другу, переговариваются на незнакомом языке. Глаза пристально вглядываются в чащу леса, в поисках неведомого зверя.

Он представлял их себе почему-то на двух ногах, с глазами, светящимися в темноте зелёным огнём, как у хищных зверей.

Что если вот сейчас из темноты леса появятся его хозяева? Существа, способные голыми руками (или чем бы то ни было заменяющим руки) передвигать огромные камни, ломать деревья. Что если свет прожектора не напугает их?..

Что им стоит перевернуть вездеход, разбить стёкла окон, сорвать дверцы? Удастся ли перед гибелью предупредить по радио товарищей?

Баландин невольно бросил взгляд на рацию, желая убедиться, что она в порядке.

Зелёный огонёк индикаторной лампочки спокойно горел в темноте кабины. Вот рядом с ним вспыхнул красный – сигнал вызова.

– Я слушаю, – обычным голосом сказал Белопольский.

– Приближается грозовой фронт, – сообщил Мельников. – И, по-видимому, мощный.

– С какой стороны?

– С севера. Пока он ещё далеко.

– Следите за ним. Как только ливень подойдёт к реке, сообщите нам.

– Хорошо.

Несколько секунд Мельников молчал. Потом спросил:

– Где вы находитесь?

– В лесу.

– Может быть, лучше вернуться?

– Не успеем. Будет интересно и важно проверить...

Белопольский не закончил фразы. Красная лампочка на щитке радиации погасла. Это означало, что связь прервана.

– Очевидно, грозовой фронт исключительной мощности, – сказал он. – Барометр Топоркова предупреждает о грозе за пятнадцать минут. Так рано радиосвязь не прерывалась. Выходит, что сейчас воздух ионизирован с большой силой.

Ни малейшей тревоги не слышалось в голосе Белопольского. Он говорил в своей обычной манере, – словно сам с собой.

Баландин ничего не ответил. Да и что было отвечать?

Вернуться на звездолёт они, действительно, уже не успеют. Оставалось надеяться на крепость машины и защиту лесного купола.

Вездеход так же медленно продолжал путь.

В лучах прожекторов они видели всё такой же лес, его характер не изменялся. Тропа делала причудливые зигзаги, оставаясь всё время одной и той же ширины. Кустарник, переплетённый белой травой, по-прежнему подступал к дороге плотной стеной.

Так прошло минут десять.

Внезапно Белопольский остановил машину. Несколько мгновений он пристально всматривался в лес, потом протянул руку и выключил прожекторы.

– Смотрите! – сказал он почти шёпотом.

После яркого света мрак показался Баландину особенно густым. Он закрыл глаза, ослеплённые внезапной темнотой. Через несколько секунд радужная паутина на сетчатке глаз исчезла.

– Смотрите! – повторил Белопольский. – Что это?

Профессор посмотрел вперёд и по сторонам, но ничего не увидел. Их окружала плотная мгла.

– Куда же смотреть? – спросил он, не видя даже своего спутника. – В какую сторону?

– Куда угодно, – ответил Белопольский. – Это всюду!

– Что «это»?

Ответа не последовало.

Баландин чувствовал, что его товарищ всецело захвачен зрелищем, которого он сам ещё не видит. Но постепенно глаза привыкли к темноте.

И вдруг он понял, что мрака нет.

С каждой секундой всё ясней и отчётливей профессор различал стволы деревьев. Странно дрожащий розовый свет освещал их. Он становился всё сильнее, но источника этого света нигде не было видно.

Посмотрев вверх, через прозрачную крышу вездехода, Баландин убедился, что вершины деревьев скрыты во мраке. Освещены были только стволы. Кустарник и дорога также были невидимы.

Потом он заметил, что сами стволы освещены по-разному. Одни из них были видны только в нижней части, другие в средней, третьи представляли собой странное зрелище половины дерева, освещённого с какой-нибудь одной стороны – справа или слева, тогда как вторая половина оставалась невидимой.

Профессор с изумлением смотрел на эту картину, не зная, чем и как объяснить её, но внезапно догадка мелькнула в его мозгу:

– Они светятся сами!

– Да, – ответил Белопольский. – Свет исходит из самих стволов. Но это какой-то странный свет. Он делает видимым ствол дерева, но не освещает окружающих предметов. Впрочем, нет, – прибавил он, – я смутно различаю кустарник.

«Ну и зрение у Константина Евгеньевича! – подумал Баландин. – Как мог он заметить тогда ещё слабое свечение при ярком свете прожекторов?»

С каждой минутой деревья становилось всё более ясно видимыми. Казалось, что внутри гигантских стволов всё сильнее и ярче разгоралось неведомое пламя, просвечивая сквозь кору. Розовый цвет темнел,

переходя в красный. Это мерцающее сияние становилось столь сильным, что больно было смотреть на него.

Внезапно ближайшее к ним дерево покрылось словно дрожащей сеткой из ослепительно белых нитей. Извилисто скользя по стволу, подобно струйкам добела раскалённого металла, они сверкающим потоком стремились откуда-то сверху и исчезали в «земле».

А потом дерево вдруг «потухло». Ярко-красная колонна исчезла из глаз, оставаясь видимой как чёрный силуэт на фоне других деревьев. И снова, начала разгораться, сначала розовым, потом всё более красным цветом.

Это загадочное явление стало всё чаще и чаще повторяться то с одним, то с другим деревом. Как будто кто-то там наверху пытался залить горевшее в них пламя, и, потухая на несколько мгновений, оно снова разгоралось с прежней и даже большей силой.

– Хорошо, что наша машина не металлическая, – тихо сказал Белопольский. – Но это ещё не гроза, а прелюдия к ней.

Баландин только что подумал о том же. Было ясно, что вся эта фантаσμαгория вызвана электризацией воздуха. Кора деревьев, очевидно, была электропроводна. Той же причине надо было приписать и свечение стволов. Электричество накапливалось в коре дерева и разряжалось в «землю», когда его концентрация становилась чрезмерно большой.

Что же это за кора, обладающая такими необычными свойствами?..

– Ещё одна загадка, – сказал профессор.

Белопольский ничего не успел ответить.

Ослепляющий свет разлился по лесу, Высоко над ними, невидимые до сих пор, ветки и листья вспыхнули снежно-белым пламенем. Отчётливо выступила каждая травинка, каждая веточка кустарника. Красный свет стволов исчез в этом сияющем блеске. И одновременно раздался ужасающий удар грома, точно сломались все деревья в лесу.

Оглушённые, они инстинктивно закрыли лица руками. Но в последнюю секунду успели заметить, что весь блеск купола над их головами словно мгновенно собрался в один огненный столб и рухнул на крышу машины.

Даже сквозь закрытые веки они ощутили, как что-то нестерпимо ярко вспыхнуло внутри вездехода. Понимался сильный треск, заглушённый вторым, ещё более страшным, раскатом грома.

Теряя сознание, профессор почувствовал сильный запах озона. В потрясённом мозгу успела пронестись одна мысль: «Антенна!»

Белопольский привстал, судорожно изогнулся, словно стараясь удержать равновесие, и рухнул на пол кабины. Сверху на него упало тело Баландина...

Сияющий свод стал ещё ярче, ещё ослепительнее. Но они уже не видели этого. Они ничего больше не видели и не слышали.

И, точно праздную победу над земными пришельца-

ми, торжествующе гремели раскаты грома. Сквозь купол листьев пронизывали чащу леса яркие молнии, растекаясь металлическими потоками по стволам деревьев. Погасали и вспыхивали красным светом лесные великаны.

Послышался отдалённый, постепенно нарастающий и усиливающийся гул.

К месту, где стояла машина с уничтоженной, сожжённой антенной, приближался неистовый ливень Венеры.

Часть вторая

ВЕНЕРИАНЕ

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Эта гроза была самой короткой и самой страшной из всех, которые пришлось испытать звездоплавателям на сестре Земли.

Бывали минуты, когда они сомневались, выдержит ли корпус корабля непрерывные потоки молний и чудовищную силу ливня, от которых весь звездолёт дрожал мелкой дрожью. Такого мощного разгула стихии они ещё не встречали.

При каждом ударе грома, а они были почти непрерывны, исполинский корабль так сильно вздрагивал, что казалось, ещё немного – и он упадёт набок и покажется по берегу, как соломинка, гонимая ураганом.

Атмосфера за бортом превратилась в сплошное электрическое море. Все приборы главного пульта, имевшие связь со внешним миром, мгновенно вышли из строя. Корабль «ослеп» и «оглох». По счастью, Топорков успел вовремя убрать наружную антенну, и это позволяло надеяться, что они не лишились радиосвязи.

Крепко ухватившись за первые попавшиеся под руку укреплённые предметы, члены экипажа «СССР-КСЗ» молча ждали конца этого хаоса. За все двенадцать минут, которые понадобились грозовому фронту, чтобы пройти мимо, никто из них ни разу не подумал о себе, о том, что их ждёт, если корабль перевернётся. Все их мысли были в лесу.

Звездолёт, весивший сотни тонн, с трудом выдерживал натиск бури. Что же стало с маленьким, лёгким вездеходом? Что стало с двумя людьми, находившимися в нём? Достаточной ли оказалась защита леса, на которую они надеялись, пускаясь в свой опасный путь?

Мучительно медленно текли секунды и минуты. Дрожал и качался огромный корабль. Казалось, что гроза никогда не кончится.

Впоследствии было странно вспомнить, что короткие двенадцать минут могли показаться долгими часами, но это было именно так.

Как только грозовой фронт, с обычной на Венере внезапностью, промчался мимо, во всех помещениях

звездолёта раздался твёрдый и внешне спокойный голос Мельникова, который неотлучно находился на пульте, готовый в любую минуту поднять корабль в воздух, если пребывание на «земле» станет слишком опасным:

– Немедленно проверить и доложить мне состояние приборов и аппаратуры радиорубки, обсерватории и кормовых помещений. Товарищам Князеву и Второву подготовить второй вездеход и быть готовыми, в случае необходимости, направиться на помощь первому. Степану Аркадьевичу – возглавить спасательную экспедицию. Игорю Дмитриевичу сделать всё возможное для скорейшего установления связи с Белопольским и Баландиным. Я буду находиться на пульте.

В ожидании, пока выполняют его приказания, Мельников занялся проверкой корабля в целом. Он уже знал, что центральный экран вышел из строя, но как обстояло дело со всем остальным?

Методично нажимая контрольные кнопки, он внимательно «читал» ответы, которые давали ему лампочки пульта и ленты самопишущих приборов.

Корпус звездолёта, механизмы амортизаторов и крыльев были в порядке. Выдвижная антенна также осталась целой. Вышли из строя все слуховые аппараты, наружные экраны и радиопрожекторы.

Это было неприятно, но отнюдь не угрожающе. Зайцев и Топорков в один-два дня всё исправят.

Покончив с этим делом, Мельников стал терпеливо ждать донесений. Торопить с ответом было не в его правилах. Он знал, что его товарищи не будут терять время.

Мельников казался совершенно спокойным. Пожалуй, одна только Ольга по потемневшим глазам и подчёркнуто неторопливым движениям Бориса Николаевича поняла бы его истинное состояние. Даже Пайчадзе, придя на пульт, чтобы доложить о полной исправности астрономических приборов, ничего не заметил.

– Разреши отправиться вместо Андреева, – сказал он. – Волнуюсь за Константина Евгеньевича.

– Этого никак нельзя сделать, – ответил Мельников и, помолчав, понизил голос: – Всё может случиться. Нельзя оставлять звездолёт без командира и без астронома. Ведь с нами нет больше Леонида Николаевича.

Упоминание в такую минуту о погибшем Орлове заставило Пайчадзе вздрогнуть. Он внимательно посмотрел в лицо друга:

– Ты думаешь?

Мельников отвернулся.

– Степан Аркадьевич врач, – сказал он, – а ты нет. Может быть, они ранены.

Вскоре Зайцев доложил, что кормовые помещения, в которых находились запасы горючего, двигатели и дюзы нисколько не пострадали. От Топоркова всё ещё не поступало никаких сообщений.

Переждав несколько минут, Мельников включил экран внутренней связи и соединил его с радиостанцией.

Топорков сидел у передатчиков, поставив локти на стол и подперев голову руками. Во всей его позе сквозило уныние. Услышав сигнал вызова, он повернулся к экрану:

– Простите, Борис Николаевич! Я совсем забыл доложить вам. Радиостанция в порядке. Вышли из строя локаторные установки, но об этом вы, вероятно, уже знаете.

– Знаю, – ответил Мельников. – Как связь?

– Пока ещё нет. Ионизация воздуха слишком сильна. Радиоволны не проходят.

– Следите за этим. Как только явится возможность вызывайте! И не тревожьтесь зря! – прибавил Мельников. – Я считаю, что в глубине леса, где находится вездеход, грозы не опасны.

– Действительно так думаешь? – спросил Пайчадзе, когда экран был выключен.

Мельников уклонился от ответа на этот прямой вопрос.

– Какая аналогия событий! – сказал он. – Не правда ли Арсен? На Марсе я и Белопольский потеряли связь с тобой и Сергеем Александровичем, потом мы трое не знали, что с Камовым. На Луне прерывалась связь сначала со мной, когда я упал в трещину, потом с Топорковым. Здесь, на Венере, вы не знали, что случилось со мной и Второвым. А теперь Белопольский и Баландин...

– Так и должно быть, – ответил Пайчадзе. – Так будет и дальше.

– Типун тебе на язык! – вымученно улыбнулся Мельников.

Один за другим все члены экипажа, кроме Топоркова, собрались на пульте. Князев доложил, что вездеход готов и стоит у выходной камеры.

– Который из них вы взяли?

– Средний, пятиместный.

– Правильно. Машина Константина Евгеньевича может оказаться повреждённой.

Все глаза неотступно следили за показаниями электробарометра. Против обыкновения, стрелка очень долго не опускалась к нулю.

Становилось всё более очевидным, что прошедшая гроза была не такой, как всегда.

– Может быть, лучше отправиться по следам первой машины, не ожидая возобновления связи? – предложил Андреев.

– Ни в коем случае, – коротко ответил Мельников.

Наконец воздух очистился. Собравшиеся на пульте слышали, как Топорков сразу же начал вызовы.

– Вездеход! Вездеход! Отвечайте! – звучал из динамика его голос.

Так прошли долгие десять минут. Мельников не выдержал.

– Отправляйтесь, Степан Аркадьевич! – сказал он.

Обрадованные Андреев, Князев и Второв поспешно вышли.

– Если у них ничего особенного не произошло, – сказал Мельников, – Константин Евгеньевич будет недоволен такой поспешностью. Но я не могу больше ждать.

– Достаточно ждали, – успокоил его Пайчадзе. – Ты поступаешь правильно.

Александр Князев вёл вездеход на полной скорости прямо к порогам. Все трое знали, что Белопольский и Баландин проникли в лес где-то рядом со штабелями брёвен. Молодой механик был уверен, что легко найдёт просеку, но его тревожила мысль – будет ли она достаточно широкой для их машины, значительно большей, чем первая. На Земле этот вопрос не беспокоил бы его. Вездеход, как мощный танк, мог продираться через любой лес, но на Венере, с её гигантскими деревьями, это могло не удастся.

Достигнув ближайшего штабеля, Князев, ни на секунду не задерживаясь, повернул к лесу.

Ни он, ни его товарищи не обратили никакого внимания на загадочные груды брёвен, на реку с бесчисленными деревьями, запрудившими её у не менее загадочных порогов. Всё это, так сильно интересовавшие их раньше, сейчас как бы перестало существовать. Все их мысли были направлены к тому, чтобы как можно скорее найти товарищей и убедиться, что они живы и не пострадали от страшного грозового фронта.

Андреев то и дело посматривал на свою сумку, соображая, всё ли взято, что могло понадобиться в том или ином случае.

Многое могло случиться. Корпус машины мог быть повреждён, а её пассажиры отравлены формальдегидом и углекислым газом. Могла ударить молния и вызвать ожоги. Вездеход мог опрокинуться, а Белопольский и

Баландин получить при этом ушибы и даже переломы. Да мало ли что могло произойти в незнакомом лесу чужой планеты!

Второв держал непрерывную связь со звездолётом. Белопольский всё ещё не отвечал на вызовы, и, по мнению Топоркова, рация вездехода вышла из строя.

– Я начинаю опасаться, что они забыли убрать антенну, когда началась гроза, – сказал Игорь Дмитриевич, – и в неё ударила молния.

«Если это действительно так, – подумал Андреев, – наша помощь уже бесполезна».

Просека была обнаружена сразу, как только вездеход подошёл к лесу. Не колеблясь, Князев смело направил по ней машину. Ширина дороги была более чем достаточна, но из осторожности он снизил скорость до десяти километров в час.

На берегу, поросшем густой травой, они не заметили никаких следов. Это было неудивительно – их уничтожил ливень. Но и в лесу следов не было.

Просека уходила вдаль почти прямой линией. Лучи прожектора освещали её далеко. На темно-коричневой «земле», совершенно лишённой травы, не было ни малейшей влаги, что казалось очень странным, так как ливень окончился совсем недавно. Почва была сухой.

Оглядываясь назад, они видели, что гусеницы их машины оставляют за собой глубокий след. Почему же не видно следов первой машины?

– Уж не ошиблись ли мы? – сказал Андреев. – Может быть, поехали другой дорогой?

– Константин Евгеньевич сообщал, что просека на-

чинается прямо напротив штабеля, — ответил Князев. — Трудно предположить, что здесь две дороги почти рядом.

— Так почему же нет следов?

— Они смыты ливнем.

Степан Аркадьевич с сомнением покачал головой. Ему помнилось, как Белопольский говорил о просеке, что она узка и извилиста. А эта была широкой и прямой.

Что же делать? Вернуться назад и искать другую дорогу? А если потеря времени окажется роковой? Если следы действительно смыты, а вода полностью впиталась в «землю»? Кто знает, какими свойствами обладает земля Венеры? Белопольский мог ошибиться, описывая, в коротких словах найденную ими просеку, к тому же, Степан Аркадьевич не был вполне уверен, что он говорил именно так.

Андреев попросил Топоркова вызвать к микрофону Мельникова, чтобы посоветоваться с ним. Борис Николаевич только что вышел из рубки, и за то время, пока он вернулся в неё, вездеход успел пройти порядочное расстояние.

— Вы уверены, что дорога идёт к озеру? — спросил Мельников, выслушав сомнения Андреева.

— По-видимому, это так. Мы видели брёвна. На дороге попадают стволы деревьев, очищенные от веток, совсем такие же, как в штабеле на берегу. Они лежат по краю просеки примерно на равном расстоянии друг от друга, очевидно, положены не случайно.

— Как далеко вы проникли в лес?

— Около пятисот метров.

– В таком случае нет смысла возвращаться назад. Если на берегу озера вы не увидите вездехода, тогда ищите другую просеку.

– Хорошо, Борис Николаевич.

Возраставшая тревога заставила Князева увеличить скорость. Дорога была удивительно ровной, точно аллея в парке где-нибудь на Земле. За всё время встретилось только два некрутых поворота.

Величественная картина первобытного леса – гигантские деревья, стволы которых, похожие на исполинские колонны, поднимались высоко вверх, непроходимый купол ветвей и листьев, плотные заросли кустарника, переплетённого странно белой травой, – всё это прошло как-то мимо их сознания. Даже Второв ни разу не взялся за свой киноаппарат, о котором совершенно забыл.

Напряжённо вглядываясь вперёд, они старались найти хоть какой-нибудь намёк на след, хоть что-нибудь, что указало бы – вот здесь прошёл вездеход, но ничего не находили.

Постепенно у всех троих крепла уверенность, что они ошиблись, избрали ложный путь. Если бы не совет Мельникова, который все трое считали приказом, вездеход, возможно, повернул бы назад.

Сделав это, они были бы убеждены в том, что поступили правильно, и никогда бы не узнали, что обрекли бы себя и своих товарищей на неизвестность о судьбе двух членов экипажа, которых хотели спасти.

Случай, приведший их на прямую и широкую просеку, по которой машина могла быстро продвигаться

вперёд, позволил узнать страшную истину.

Но они этого не знали и не могли знать.

Если бы кто-нибудь из экипажа «СССР-КСЗ» во время грозы оказался над лесом, он мог бы наблюдать странную и, с земной точки зрения, совершенно необъяснимую картину. Но никто не видел её, и очередная тайна Венеры осталась неизвестной.

При первом взгляде сверху могло создаться впечатление, что лес на сестре Земли ничем не отличается от земного леса, если, конечно, не учитывать его цвета и исполинской высоты. Но внимательный наблюдатель вскоре заметил бы существенные особенности.

Прежде всего бросилось бы в глаза, что деревья леса совершенно одинаковы и решительно ничем не отличаются друг на друга, чего никогда не бывает на Земле. Потом он заметил бы, что вершины деревьев находятся на одной и той же высоте, словно их намеренно подрезали ножницы великана-садовника, ветви и листья на них становятся гуще и увеличиваются в размерах не сверху вниз, как у земных деревьев, а наоборот – снизу вверх. Листья обратили бы на себя его особое внимание. Он мог бы отметить их длину, достигавшую нескольких метров, и странную форму – каждый лист был свёрнут в трубку. Сильный ветер почти не влиял на них, они едва шевелились при самых свирепых его порывах. Доискиваясь причины этого непонятного явления, наблюдатель, если бы имел возможность приблизиться

вплотную, обнаружил бы, что листья растут не так, как на Земле. Каждый из них прикреплялся к ветке не одним стеблем, а двумя, находящимися на противоположных концах, что давало им большую устойчивость. Его поразила бы толщина стеблей и самого листа, достигавшая нескольких сантиметров.

В сплошной крыше лесного массива он не увидел бы ни одной «отдушины», ни одного просвета, куда мог бы проникнуть взгляд. Находясь над лесом, невозможно было даже представить себе, что скрывается внизу, как выглядит этот лес изнутри. Непроницаемый купол ветвей надёжно скрывал всё от нескромного глаза.

Огромной оранжево-красной площадью, почти неподвижной, словно застывшей в вечном покое, показался бы сверху лес Венеры.

Но вот тёмная стена грозового фронта начала приближаться. И картина сразу изменилась. Чем ближе подходила гроза, тем явственнее возникало движение. Сперва чуть заметное, оно быстро усиливалось. Свёрнутые в трубку листья стали сначала медленно, потом всё скорее развёртываться, раскрываясь навстречу ливню всей своей площадью. Наблюдателю показалось бы, что они борются между собой, стараясь отнять друг у друга как можно больше свободного пространства. Раскрываясь, каждый лист словно стремился лечь сверху на соседей, а те, в свою очередь, стремились к тому же.

Вскоре панорама леса неузнаваемо изменилась. Теперь он ничем не напоминал земной лес. Гладкая блестящая поверхность раскинулась во все стороны, по-

ходяя сверху на цветной паркет.

Если бы наблюдателем оказался Белопольский или Баландин, они безусловно обратили бы внимание, что красочный фейерверк, который они наблюдали внизу, совершенно не заметен сверху. Развернувшиеся во всю ширину листья скрыли его под собой.

Могучая стена ливня надвинулась на лес, и тут-то наблюдатель мог бы увидеть нечто непостижимое.

«СССР-КСЗ» с трудом выдерживал натиск водяных потоков, крылья самолёта Мельникова были сломаны ими, как будто сделанные из картона. А листья деревьев, мягкое растительное вещество, с лёгкостью выдерживали страшный напор воды. В несколько секунд оранжево-красный «паркет» исчез из глаз. На его месте было kloкочущее море, низвергавшееся на берега реки и лесного озера пенящимися водопадами.

Тому, кто имел бы возможность видеть эту картину, сразу стало бы ясно, что весь поток задерживается куполом леса, что ливень не в силах пробить его и залить корни деревьев, которые питаются влагой либо сверху, через ветви, либо откуда-то из глубины почвы.

Загадка сухого грунта на лесных просеках перестала бы быть загадкой, если кто-нибудь из экипажа звёздолёта видел бы эту картину.

Первым пришёл в себя Белопольский.

Открыв глаза, он ничего не увидел, – кругом была мгла. Несколько минут он лежал неподвижно, с трудом соображая, где они и что с ними. Голова невыносимо

болела. Потом он почувствовал на себе тяжесть лежащего на нём тела, ощутил резкий запах озона и как будто гари.

Его правая рука была свободна; почти не сознавая, что делает, Белопольский потянулся к знакомой рукоятке воздушного шланга и повернул её.

Струя кислорода сразу прояснила его мысли. Несколько раз глубоко вдохнув животительный газ, он закрыл кран.

Осторожно выбираясь из-под тела Баландина, который, очевидно, ещё не очнулся, Константин Евгеньевич окончательно пришёл в себя. Он вспомнил всю картину начала грозы, огненный столб, обрушившийся на их вездеход, и с беспокойством нащупал в темноте электрощиток. На ощупь щиток казался целым. Константин Евгеньевич повернул выключатель и с чувством огромного облегчения убедился, что лампы, аккумуляторы и проводка не пострадали. Яркий свет залил внутренность кабины.

Достаточно было одного взгляда на радиоустановку, чтобы понять всё. Приёмник и передатчик, заключённые в один футляр, превратились в бесформенную массу сожжённого и частично расплавившегося металла. Стало ясно, что в антенну, которую они забыли убрать, ударила молния. Других повреждений как будто не было.

«Непростительная рассеянность! – подумал академик. – Удивительно, что мы остались живы».

Но он тут же понял, что пока это относится к нему одному, – его спутник, не подавая признаков жизни,

неподвижно лежал на полу кабины.

Баландин находился ближе к рации и, вследствие этого, мог пострадать сильнее. Поспешно, но всё же очень осторожно Белопольский перевернул профессора на спину.

Мертвенно-бледное лицо, запавшие глаза, синеватый цвет губ. Неужели конец?..

Радиосвязь вышла из строя. Вызвать звездолёт и спросить совета у врача невозможно. Личных раций не было.

Белопольский сделал первое, что пришло ему в голову. Расстегнув воротник комбинезона, он поднёс к губам товарища конец шланга от кислородного баллона, полностью открыв кран. Затем, достав из аварийного запаса фляжку, влил в полуоткрытый рот несколько капель спирта.

Это простое мероприятие увенчалось полным успехом. Сначала исчез синий цвет губ, потом лицо Баландина сильно покраснело от прилива крови. Ещё через минуту он открыл глаза и застонал.

— Вам больно?

— Голова и... ноги.

Белопольский посмотрел на ноги профессора и вздрогнул. От колен до самого низа брюки комбинезона совершенно сгорели. Зловеще чернели, покрытые огромными волдырями, обожжённые голени.

Стараясь ничем не показывать охватившего его ужаса, Белопольский, как мог спокойнее, сказал:

— Сейчас я наложу повязку. Сильный ожог.

Он знал, как надо поступать в подобных случаях.

Методы оказания первой помощи были хорошо известны всем звездоплавателям. В вездеходе находилась под рукой походная аптечка.

Он быстро срезал остатки комбинезона на ногах профессора и наложил пикриновую повязку; потом помог товарищу сесть в кресло.

– Боль очень сильна, – сказал Баландин. – Но ничего. На звездолёте меня быстро вылечат.

Белопольский занял своё место.

– Могло быть хуже, – угрюмо сказал он, – мы чудом остались живы.

– Это моя вина, – профессор уже увидел сожжённую рацию. – Я должен был подумать об антенне.

– Теперь уже поздно винить кого бы то ни было. Надо скорей выбраться из лесу.

Посмотрев на часы, Белопольский с удивлением увидел, что они оба были без сознания не больше пятнадцати минут. Время, когда начали светиться деревья, он заметил.

Погасив внутренний свет, он зажёл прожекторы, ожидая увидеть залитую водой просеку. Но она оказалась сухой, как и раньше, до грозы.

– Странно! – сказал он. – Неужели почва так быстро впитывает в себя воду? Ливень закончился не более как пять минут тому назад.

– А может быть, он ещё не начинался?

– Почему же не слышно грома, не видно молний и деревья больше не светятся? Нет, гроза прошла. Это очевидно. И она была очень короткой.

– Мне помнится, что Борис Николаевич говорил о

мощном грозовом фронте.

– Да, но я хорошо помню, сколько было времени. – Баландин, морщась от боли в ногах, пожал плечами.

– Нет конца загадкам, – сказал он. – Одна за другой.

Белопольский включил мотор. Он заработал как всегда, беззвучно и плавно. Только по приборам можно было заметить, что могучий двигатель вездехода не стоит, а работает: ни малейшей дрожи не чувствовалось внутри машины.

Кустарник, с двух сторон сдавивший дорогу, внешне казался хрупким. Никому не пришло бы в голову, что он может оказать какое-нибудь сопротивление стальным гусеницам. Но это только лишний раз доказывало, как неосмотрительно подходить к природе другой планеты с земными представлениями. Хрупкое растение оказалось непреодолимым. Под напором машины кустарник упруго сжимался, не пропуская её ни на шаг. Гусеницы буксовали на месте.

После нескольких тщетных попыток Белопольский понял, что повернуть назад не удастся. Оставался один путь – к берегу озера, которое должно было находиться где-то близко, и уже там, на берегу, развернуть машину. Выбираться из леса по узкой извилистой просеке пятясь, задним ходом, значило потерять очень много времени, а следовало торопиться: Баландина надо как можно скорее доставить на звездолёт.

– Придётся продолжить путь...

– Не беспокойтесь обо мне, – сказал Баландин. – Боль вполне терпима. Доведём нашу экскурсию до конца.

– К сожалению, ничего другого и не остаётся.

Вездеход снова пошёл вперёд. Дорога оставалась прежней – всё время приходилось поворачивать то вправо, то влево. Это не позволяло увеличить скорость, – машина подвигалась черепашьям шагом.

– Никак не могу понять, – сказал вдруг Баландин. – Как могут обитатели Венеры протаскивать здесь длинные брёвна? Разве что держат их вертикально.

– Возможно, что так.

– А на звездолёте не знают, что и думать. Вероятно, Борис Николаевич выйдет по нашим следам второй вездеход.

– Кроме этой, ни одна наша машина не сможет пройти по просеке, – ответил Белопольский. – Она слишком узка.

Неожиданно совсем близко блеснула вода. Ещё один небольшой поворот – и машина вышла на опушку. Перед ними раскинулась гладкая поверхность лесного озера – цель их пути.

В этом месте ширина берега, поросшего густой жёлтой травой, не превышала тридцати метров. К востоку береговая полоса расширялась, и совсем близко от себя они увидели загадочные штабеля брёвен. Их было четыре. Совершенно одинаковые, равной ширины и высоты, они молчаливо свидетельствовали, что неведомые их хозяева хорошо знакомы с линейными измерениями. Уложить с такой точностью громадное количество древесных стволов случайно было невозможно.

Как ни спешил Белопольский, он невольно остановил машину. Где-то здесь должны были находиться разумные обитатели планеты. Отсюда уходили они по

ночам к реке, чтобы доставить очередную партию брёвен для неведомой цели.

«Это совсем не озеро. Вернее, не то, что мы понимаем под этим словом», – сказал он несколько часов тому назад своим товарищам.

Сейчас, больше чем тогда, он был уверен, что не ошибся. Это было не озеро. Это был город, место жительства большой группы хозяев планеты. Существа, родной стихией которых была вода, должны были поселиться именно в таких закрытых водоёмах, защищённых от вторжения океанских хищников. На огромном пространстве материка Венеры несомненно сотни, а может быть, и тысячи таких городов-озёр. И, кто знает, может быть, все они входят в систему одного государства, со своими, отличными от земных, законами, порядками и укладом жизни.

Несколько минут они молча смотрели на озеро, ожидая, не появится ли вдруг кто-нибудь из его обитателей.

– Едем обратно! – решительно сказал Белопольский.

Но, поглощённые ожиданием и созерцанием озера, они совершенно забыли о коварном характере планеты, на которой находились. Едва Белопольский успел коснуться рулей управления, как плотная мгла сразу превратила тусклый свет вечера в крошечную ночь. Незаметно подкравшийся ливень обрушился на машину.

Вездеход остановился у самой опушки, и, неожиданно для себя, они оказались под мощным водопадом, низвергавшимся на них с вершин леса. Не подозревая причины, они догадались об этом по неистовому шуму

водяного потока, заглушавшему шум ливня и раскаты грома.

Корпус вездехода, сделанный из пластмассы, обладал крепостью стали, но, не желая подвергаться излишнему риску, Белопольский включил мотор и отвёл машину подальше от леса, ближе к озеру.

При свете прожекторов они увидели, что берег превратился в сплошной водяной поток, под которым скрылись гусеницы их машины.

– Удивительно, что ливни не смывают в озеро штабелей, – сказал Баландин.

– Вероятно, они хорошо укреплены.

Звездоплаватели столько раз наблюдали грозы Венеры, что могли судить о их силе по характеру ливня. Они сразу поняли, что эта гроза принадлежит к разряду слабых, но затяжных, которые обычно продолжаются от тридцати минут до часу и более.

Непосредственная опасность не угрожала, но Белопольский не на шутку встревожился. Простоять на месте полчаса, когда его спутнику необходима срочная квалифицированная помощь, – это могло привести к тяжёлым последствиям. Профессор мужественно переносил боль и не жаловался, но Константин Евгеньевич видел по его лицу, каких трудов ему это стоило.

Повернув прожекторы, Белопольский натравил лучи света назад. Но в нескольких шагах от машины он увидел только сплошную стену гигантского водопада. Где-то за ним находился узкий вход на лесную дорогу. Было безнадёжно пытаться найти её в этом хаосе воды и мрака.

Долгие десять минут положение не изменялось. Оглушительный гром, шум водопада и ливня, молнии – яркие вблизи и тусклые сквозь водяную стену – всё это, много раз виденное, уже не привлекало их внимания. Они нетерпеливо ждали конца, уверенные, что гроза промчится так же внезапно, как и налетела. Так было до сих пор, к такому финалу они привыкли и не сомневались, что и на этот раз будет так же.

Но Венера, очевидно, решила преподнести им ещё один сюрприз, доказать лишний раз, что в её распоряжении имеется много такого, с чем люди Земли ещё не встречались.

Белопольский и Баландин с удивлением заметили, что ливень начинает стихать, – обычно он заканчивался сразу.

На этот раз они видели совсем иное. Гроза не проносилась мимо. Она продолжалась, но становилась всё слабей и слабей. Реже и тише грохотал гром, реже и не так ослепительно сверкали молнии. Темнота сменилась сумрачным полумраком. Как-то сразу берег очистился от воды, появилась морская трава. Прошло ещё несколько минут, и они с изумлением убедились, что перед ними обычная, хорошо им знакомая картина самого обыкновенного проливного дождя. Точно волшебная сила в одно мгновение перенесла их с Венеры на Землю.

Посветлело настолько, что они видели прибрежную полосу озера, на поверхности которого часто-часто прыгали крохотные фонтанчики.

– Полубуйтесь! – сказал Белопольский. – Нет конца сюрпризам.

— Никогда не думал, что мы можем увидеть на Венере обыкновенный дождь, — отозвался Баландин.

— Хотя гроза и кончилась, нам от этого не легче. — Белопольский указал назад, в сторону леса.

Водопад, льющийся откуда-то сверху, не прекратился. Он только перестал быть таким стремительным и бурным. Между машиной и лесом висела прозрачная водяная завеса, сквозь которую смутно просвечивали деревья и кустарники. Но как ни тонка была эта преграда, узкий проход на лесную дорогу оставался невидимым.

— Надо попытаться найти его, — сказал Белопольский. — Этот дождь может продолжаться несколько часов.

Он решительно взялся за рычаги управления. Протянул руку к пусковой кнопке мотора и... замер, устремив изумлённые глаза на смутно различаемую полосу озера.

Баландин, мгновенно забыв о мучительной боли в ногах, всем телом наклонился вперёд...

Что-то тёмное шевелилось в воде у самого берега. Потом это «что-то» поднялось над водой и вышло из озера.

Сквозь частую сетку дождевых струй они видели туманный силуэт огромного бесформенного тела. В высоту оно имело, вероятно, больше трёх метров. Призрачный полумрак не давал возможности рассмотреть его.

Профессор протянул было руку, чтобы включить прожектор, но Белопольский тут же схватил её.

– Не надо! – прошептал он. – Не пугайте его! Это они!

Задыхаясь от волнения, звездоплаватели увидели, как вслед за первым из озера показался второй обитатель Венеры. Потом, один за другим, вышли ещё трое.

Пять неясных, расплывающихся фигур медленно приближались к машине.

– Они нас видят, – едва слышно сказал Баландин.

– Конечно видят, – странно спокойным голосом ответил Белопольский.

Три шага отделяло обитателей Венеры от людей Земли. Теперь уже ясно можно было видеть толстые короткие ноги, огромное эллипсоидное тело и треугольную голову ближайшего из этих существ. Остальные четверо обходили машину, очевидно намериваясь окружить её со всех сторон.

Что они думали о ней? За что её принимали?..

В медленном движении этих громадных тел чувствовалась явная угроза. Надо было бежать, и бежать немедленно.

Всё произошло в короткие секунды...

Страхнув с себя оцепенение, Белопольский схватился за рычаги машины... Но было уже поздно. Венериане бросились на машину.

В одно мгновение она была оторвана от «земли» и поднята на воздух. Чудовищная физическая сила, которую люди подозревали у жителей Венеры, трагически подтвердилась на деле.

Отчаянным усилием Белопольский дотянулся до пусковой кнопки и включил мотор.

Гусеницы вездехода дрогнули, но не двинулись с места.

Что их держало? Неужели венериане могли противиться мощи двигателя?..

Держа на руках полутонную машину, пятеро непонятных существ кинулись к озеру.

– Прощайте, Зиновий Серапионович... – прошептал Белопольский.

– Прощайте! – ответил Баландин, – Это конец...

МИНУТА ОПОЗДАНИЯ

Андреев, Князев и Второв узнали о том, что началась гроза, только по тому, что им сообщили об этом со звездолёта. Правда, они слышали раскаты грома, но ни одна капля воды не падала на просеку, по которой шла их машина.

Как рассказал им Топорков, грозовой фронт налетел неожиданно. Барометр не предупредил о его приближении. Больше того, – радиосвязь не прервалась. Корабль и лес были закрыты ливнем, а с вездеходом можно было говорить, как в ясную погоду.

Такого явления ещё ни разу не наблюдалось на Венере. Словно намеренно, планета продемонстрировала гостям два новых для них вида своих гроз: исключительно сильно насыщенная электричеством сменилась другой, которая была полной противоположностью первой. И обе были не похожи на обычные грозы.

– Не знаю, что и думать, – сказал Игорь Дмитриевич.

– Запишите эту загадку под номером восемнадцать, – пошутил Второв.

– Нет, где уж тут восемнадцать, – Топорков тяжело вздохнул, – нет ни конца ни краю!

Световые эффекты, которые наблюдали Белопольский и Баландин, на этот раз отсутствовали. Ничего о них не зная и даже не подозревая о существовании подобного явления, трое товарищей, конечно, не удивились этому. Зато они очень удивлялись другому. Им говорили, что над ними гроза, сменившаяся затем обыкновенным дождём, а в лесу по-прежнему было совершенно сухо. Их недоумение разделяли все члены экипажа, оставшиеся на корабле.

– Неужели листва настолько густа, что способна задержать такой сильный ливень? – говорил Коржевский. – Это просто невероятно!

– Это факт, – отвечал ему Второв. – Дорога абсолютно суха, и ни единой капли на неё не попадает.

– Снова загадка! – вздохнул биолог.

И вдруг, совершенно внезапно, дорогу преградила водяная стена. Она появилась так неожиданно, что Князев едва успел выключить двигатель и нажать на тормоз. Ещё немного – и они с полного хода врезались

бы в эту непонятную преграду, не зная, что ждёт их за нею.

Ярко освещённая сильным светом прожекторов вездехода, загадочная завеса казалась прозрачной, но за ней ничего не было видно. Присмотревшись, они поняли, что вода падает сверху, словно с гладкой крыши, не ограждённой водосточными желобами.

– Она кажется очень тонкой, – заметил Второв.

– Всё равно! – сказал Андреев. – Мы не должны рисковать. Я сейчас выйду и произведу разведку.

– Ни в коем случае! – решительно заявил Князев. – Пойду я.

– Или я, – поддержал его Второв.

Степан Аркадьевич рассердился:

– Я начальник экспедиции.

– И тем не менее, – всё так же решительно сказал молодой механик, – вы не пойдёте, как не пойдёт и Второв. Здесь самый элементарный расчёт. Мы торопимся на помощь нашим товарищам, которые, быть может нуждаются в медицинской помощи. Вы здесь единственный врач. Геннадий Андреевич – единственный оператор. Вдруг встретятся важные кадры. Вы не имеете права рисковать собой без крайней необходимости. Пойду я, и только я.

Говоря всё это, он быстро надевал на себя резиновый костюм, а с последними словами скрыл голову под прозрачным шлемом, показывая, что не хочет ничего больше слушать.

– Саша прав! – раздался из репродуктора голос Мельникова.

Радиосвязь всё время оставалась включённой, и на звездолёте слышали весь разговор.

– Пусть будет так! – сдался Андреев.

И он и Второв надели противогазы, так как в открывшуюся дверь неизбежно проникнет воздух Вены, не очищенный фильтрами.

Князев вышел из машины. Без тени колебания он подошёл к водяной завесе и, смело войдя в неё, скрылся из глаз своих спутников, которые с тревогой следили за ним. Одно мгновение они видели сквозь толщу воды туманный контур его фигуры, освещённой лучом прожектора. Потом она исчезла...

Но не прошло и минуты, как Князев буквально вылетел обратно. Одним прыжком он вскочил на своё место и включил моторы, рывком переведя рычаг на максимальную скорость.

Вездеход рванулся вперёд и, прежде чем они успели что-либо сообразить, проскочил завесу и оказался на самом берегу озера.

На полном ходу Князев резко повернул вправо. Левая гусеница поднялась над землёй, и машина едва не опрокинулась. Мощный поток света прожекторов осветил сцену, при виде которой Андреев и Второв почувствовали, как сердце на мгновение остановилось от ужаса.

Только в воспалённом мозгу тяжело больного могла возникнуть подобная картина...

Электрический свет дрожал и переливался всеми цветами в дождевых струях, превращая их в искрящиеся нити. За этой мерцающей сеткой, совсем близко, застыла группа... Точно ожили и явились изумлённому

взору современного человека ископаемые чудовища доисторической эпохи.

В ослепительных лучах прожекторов, как на остановившемся кадре мультипликационного фильма, стояли пять фантастических фигур – огромные «черепахи», поднявшие на задние ноги, с ярко-красными панцирями и непропорционально маленькими треугольными головами, на которых жёлтым огнём горело по три громадных круглых глаза. Лишённые шерсти морщинистые тела, бледно-розового цвета, блестели как металлические. Толстые ноги, казалось, не имели ступнёй. Во всю длину они были одинаково бесформенны и покрыты мясистыми складками кожи. Передние конечности, по-видимому, служили руками. Эти руки были так же толсты и безобразны, как ноги. На концах они были снабжены четырьмя отростками, ка-

ждый из которых был толщиной в человеческую руку. Между этими подобиями «пальцев» виднелась тонкая прозрачная плёнка, что делало «руки» похожими на гигантские лапы утки.

Второв сразу узнал их. Это были те самые «черепахи», которых они видели с борта подводной лодки. Именно их тщетно разыскивали Баландин и Коржевский.

Но не вид этих чудовищ наполнил ужасом сердца трёх мужественных людей. Они давно ожидали, что встретятся лицом к лицу с обитателями Венеры и не рассчитывали, что формы их тел будут похожи на формы тела человека Земли. Они не испугались бы при виде ещё более уродливых и страшных существ. Но они почувствовали, что кровь застыла в их жилах, когда поняли, что огромный тёмный предмет, который эти

ископаемые «черепахи» держали в руках, представляет собой не что иное, как вездеход, сквозь окна которого виднелись головы Белопольского и Баландина.

«Черепахи» уже ступили в воду. Их намерения не вызывали ни малейшего сомнения. Захватив вездеход они тащили его в глубину озера.

Трое товарищей поняли, что явились к последнему акту разыгравшейся здесь драмы, подробностей которой они не знали.

Яркий свет, сменивший столь внезапно привычную темноту, заставил пятерых обитателей Венеры остановиться. На мгновение они замерли неподвижно, ошеломлённые, а возможно и смертельно испуганные, ослеплённые беспощадными лучами прожекторов, которые должны были болезненно ударить по их чувствительным к свету огромным глазам.

Вездеход мчался прямо на них. Казалось, Александр Князев намеревается смять всю группу вместе с захваченной ими машиной.

Всё это заняло не больше двух секунд.

В следующее мгновение, когда вездеход находился уже в трёх шагах, венериане, не выпуская из рук добычу, с непостижимой быстротой бросились в воду и исчезли в её тёмной глубине.

Вне себя от отчаяния, не сознавая, что делает, Князев рванул рычаг тормоза левой гусеницы. На полном ходу машина влетела в озеро.

По счастью, Второв не растерялся в эту трагическую минуту. С молниеносной быстротой он выключил оба мотора и, вырвав из рук Князева рычаги управления,

затормозил вездеход в двух метрах от берега. Выручила выдающаяся физическая сила молодого спортсмена.

Вода доходила до половины корпуса. Уклон берега был очень крут. Опомнившийся Князев дал задний ход, и машина медленно, с трудом вылезла обратно на берег.

Лучи света далеко освещали гладкую поверхность озера. Дождь прекратился. Ни в воде, ни на берегу нельзя было заметить никакого движения. Тяжёлая тишина камнем легла на плечи трёх человек. Мгновенным кошмаром промелькнула и исчезла перед ними жуткая картина гибели двух товарищей.

Медленно протянув руку, Второв выключил прожекторы.

Всё кончено! Начальник экспедиции и его спутник погибли!

В темноте кабины, судорожно вздрагивая, рыдал Князев. Остановившимися, широко открытыми глазами Андреев и Второв всё ещё смотрели на то место, где скрылись отвратительные «черепахи», унёсшие вездеход Белопольского.

Так вот где суждено было погибнуть знаменитому звездоплавателю, второму после Камова «звёздному капитану» Земли... Вот где нашёл смерть крупнейший учёный – академик Баландин!

Страшная развязка наступила так внезапно, что они долго-долго не могли ни сказать, ни сделать что-нибудь осмысленное. Минуты шли за минутами, а трое людей всё так же неподвижно сидели, подавленные свалившимся на них непоправимым несчастьем.

Вдруг красной точкой вспыхнул на щитке сигнал

вызова.

– Как дела? – раздался спокойный голос Мельникова. – Где вы находитесь? Почему долго молчали?

Неужели придётся сказать? Иначе нельзя. Кому же из них выпадет на долю сообщить на корабль ужасное известие?

Все трое молчали.

– Отвечайте! – уже с тревогой звал Мельников. – Вездеход! Вездеход! Отвечайте.

Усилием воли Второв заставил себя заговорить:

– Слышу! Находимся на берегу озера. Только что...

Секунда молчания.

– Что случилось? Да отвечайте же!

– Только что на наших глазах «черепахи» унесли в озеро машину вместе с Белопольским и Баландиным. Всё!

Ни звука не раздалось в ответ.

Там, у реки, на звездолёте, и здесь, у озера, на вездеходе, – молчание. Словно сочувствуя горю гостей, полная тишина царила и в атмосфере Венеры. Не слышно отдалённых раскатов грома, не шумят под ветром верхушки деревьев. Замерла вода в озере, и не шевелится трава.

Или это только кажется людям?..

– Оставайтесь на месте! В случае грозы укройтесь в лесу, на опушке. Через полчаса придёт вездеход-амфибия.

Кто это сказал? Мельников? Но они не узнали его голоса.

Амфибия! Да, на корабле есть амфибия. Но чем они

могут помочь?..

Кто приведёт её? Конечно не Мельников – единственный командир звездолёта. До самого финиша, на Земле, он уже не покинет борта корабля. Не могут уйти из него ни Пайчадзе, ни Зайцев, ни Топорков. Без них нельзя пускаться в обратный путь. Значит, Коржевский и Романов. Только они одни остались в резерве.

Казалось, что время остановилось, но они даже не заметили, как прошло двадцать минут.

– Вездеход только что вышел к вам, – сообщил Топорков. – Борис Николаевич приказывает, чтобы разведку произвели Князев и Коржевский. Действовать с максимальной осторожностью!

– Где Борис Николаевич? – спросил Второв.

– Сейчас вернётся. Он вам нужен?

– Нет, это я так.

– В чём дело? – спросил сам Мельников. Очевидно, он вернулся в рубку. – Что вы хотите, Геннадий Андреевич?

– Нет, ничего. Извините, Борис Николаевич!

– Вы хотите участвовать в разведке?

– Я думал...

– Вы думали правильно. – Мельников говорил как-то необычно, отчётливо выговаривая каждую букву. – Ничто не должно мешать нашей работе на Венере. Киноаппарат с вами?

– Да.

– Разрешаю заменить Коржевского.

Из леса вырвался длинный прямой луч света. Его усиливающаяся яркость говорила, что не видимый ещё

вездеход-амфибия быстро приближался к озеру.

И вдруг снова раздался голос Топоркова.

– Станислав Казимирович, остановитесь! – сказал он. – Саша, укройся в лесу. Приближается гроза.

– Опять!

– Когда это наконец кончится? – со злобой спросил Князев.

– Тогда, когда мы покинем Венеру.

Гремел гром, низвергался с верхушек леса мощный водопад, в бурный поток превратился берег. Но световых эффектов и на этот раз не было. По-прежнему никто, кроме Белопольского и Баландина, не знал о загадочном явлении.

Наконец грозовые фронты прошли и связь восстановилась.

– Задача разведки, – тотчас же сказал Мельников, – найти вездеход на дне, определить, на какой глубине он находится и есть ли возможность вытащить его из озера. Действовать быстро, но крайне осторожно. Кабина машины герметична, и если «черепахи» её не разломали, Белопольский и Баландин ещё живы. Звездолёт в любую минуту перелетит на озеро. Быстрей, товарищи!

Как же случилось, что никто из них не вспомнил об этом? В закрытую машину вода проникнуть не может. Они думали, что товарищи уже мертвы, а в действительности были все основания считать их живыми. Один только Мельников не потерял способности рассуждать здраво.

Надежда вернула энергию. Вездеходы вышли из леса и подошли к самой кромке воды. Князев и Второв

сменили Романова и Коржевского в амфибии.

Подобно подводной лодке, вездеход-амфибия был целиком сделан из прозрачной пластмассы. Даже ленты гусениц были из этого материала. Рассчитанная на двух человек, лёгкая и подвижная, эта машина могла ходить по земле, плавать и погружаться под воду с помощью выдвижных плоскостей, похожих на крылья планера. Глубина погружения, правда, была незначительна – не более семи-восьми метров, но звездоплаватели имели все основания думать, что «черепахи» сами не могут находиться под водой глубже.

Земноводные Земли никогда не уходят очень глубоко. Давление воды возрастает с каждым метром. Глубоководные организмы не живут на поверхности – их разрывает. Почему же на Венере могло быть иначе? Раз венериане выходят на сушу, они никак не могут быть обитателями глубин.

Черепахи Земли умеют плавать. Обладают ли этой способностью «черепахи» Венеры? Ответ на этот вопрос имел огромное значение. Если нет – амфибия не угрожала опасности. Если да – машина могла быть схвачена так же, как был схвачен вездеход Белопольского. Тогда вместо двух будут четыре жертвы. Но кто мог ответить на такой вопрос?

– Мы с Борисом Николаевичем говорили об этом, – сказал Коржевский, – и решили, что амфибия может уйти от «черепах», если они нападут на неё в воде. Плавать быстрее машины они во всяком случае не могут.

– Будьте крайне осторожны, – ещё раз напутствовал

Князева Мельников. — При малейшей опасности — к берегу.

Со звездолёта были привезены скорострельные ружья, заряженные разрывными пулями. Вооружившись ими, Коржевский и Романов вышли из машины и приготовились, в случае необходимости, отразить нападение на амфибию. Если снова не налетит грозовой фронт они будут караулить у самой воды до тех пор, пока Князев и Второв не вернутся. О том, что может произойти, если гроза всё-таки будет, они старались не думать.

Андреев остался в машине. На его обязанности лежала связь с Князевым и звездолётом. Кроме того, он должен был при появлении «черепак» встретить их светом прожектора.

— Мне кажется, что лучшим оружием против них является свет, — сказал Коржевский. — Нельзя забывать, что их глаза привыкли к темноте.

Без колебаний Князев включил двигатель. С лёгким всплеском вездеход вошёл в воду. Оставшиеся на берегу видели, как выдвинулись подводные плоскости, наклонились и, зацепив острыми краями, увлекли машину под воду. След от её винта пенным буруном прочертил гладкую поверхность озера. На мгновение мелькнула, едва различимая в сумрачном полумраке, прозрачная крыша — и всё исчезло. Потом где-то в глубине вспыхнул свет. Это Князев включил прожектор. Светлое пятно медленно удалялось от берега.

Потекли томительные минуты. Каждое мгновение трое людей ожидали, что вот-вот амфибия появится над

водой и устремится к берегу, преследуемая гигантскими «черепахами». Сможет ли огонь винтовок остановить венериан? Действительными ли окажутся земные пули против их громадных тел? Испугает ли их свет прожектора?..

Трое людей, не спуская глаз с озера, следили за светлым пятном в его тёмной глубине. Оно, постепенно удаляясь, становилось всё более тусклым. Потом исчезло совсем. Очевидно, машина ушла вглубь.

На звездолёте, в помещении радиорубки, Мельников и Топорков не отрываясь следили за электробарометром. Они с ужасом думали о возможности мощного грозового фронта, каждый про себя умолял небо Венеры сжалиться над ними.

Продолжительная гроза – это было самое страшное, что могло случиться. Под тяжестью водяного потока амфибия не сможет выйти из озера и окажется в полной власти его хозяев. Грозовой фронт, подобный тому, который привёл к гибели самолёта, означал смерть.

Минутная стрелка, словно превратившись в часовую, невыносимо медленно ползла по циферблату.

Уже час с четвертью амфибия находится под водой.

И то, что должно было случиться на Венере, случилось. Тонкая стрелка дрогнула и медленно отошла от нуля.

– Амфибия! Амфибия!

– Слышу, – ответил Второв.

– Гроза! Немедленно на берег! Как можно скорей!

– Выходим!

Успеют ли?.. Казалось, что стрелка барометра стре-

мительно ползёт вверх...

Получив известие о приближении грозового фронта, Коржевский и Романов отошли от воды, поближе к вездеходу. До последней секунды они решили не входить в него и оставаться на своём посту.

Со звездолёта непрерывно запрашивали – не появилась ли амфибия. Второв сообщил, что они поднимаются на поверхность так быстро, как только может машина. «Черепахи» не преследуют.

– На дне озера их очень много, – сказал он.

Радиосвязь вскоре прервалась. Это означало, что гроза совсем близко.

Амфибии не было.

Где-то над лесом блеснула первая молния. Раскатисто прогремел удар грома.

– Входите скорей! – сказал Андреев.

– Ещё немного! – не спуская глаз с озера, ответил Романов.

Но вот далеко, почти у противоположного берега, появилось быстро возрастающее в яркости светлое пятно. Прямой луч прожектора вырвался из воды.

Они успели заметить белый пенящийся след, приближавшийся со стремительной быстротой.

Скорей! Ещё несколько секунд...

Удар хлынувшей воды опрокинул Романова на «землю». Коржевский успел вскочить в открытую дверцу вездехода.

Плотная мгла окутала берег.

ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД

– Прощайте, Зиновий Серапионович! – сказал Белопольский.

– Прощайте! – ответил Баландин.

Они были уверены, что погибли, что смерть близка и неизбежна. Как могли они защищаться против огромных животных, тащивших вездеход в озеро?..

Белопольский сделал последнюю попытку. Пустив в ход мотор, он надеялся, что обитатели озера выпустят из лап захваченную машину, но гусеницы остались неподвижными. Физическая сила «черепах» превышала мощь двигателя.

Люди имели огнестрельное оружие. Оно было заряжено разрывными пулями и могло оказаться действительным даже против таких гигантов, но воспользоваться им не было времени. Прежде чем они успеют открыть окна и пустить его в ход, «черепахи» погрузятся в воду. Она хлынет внутрь машины и только ускорит развязку.

Передние «черепахи» ступили в воду.

И вдруг откуда-то сбоку вспыхнул свет.

Одно мгновение Белопольский и Баландин отчётливо видели совсем близко от себя головы своих похитителей, ярко освещённые лучами прожектора.

«Черепахи» были поразительно уродливы. Три огромных глаза, казавшихся при свете совсем чёрными, сильно выдающийся вперёд оскаленный рот с длинными острыми клыками, торчащими по сторонам, – больше на этом «лице», казалось, ничего не было.

Свиrepая морда кровожадного зверя. Голый морщинистый череп сразу над глазами круто уходил назад. Никакого признака лба.

Свет прожектора, быстро возрастая в яркости, стремительно приближался. «Черепахи», словно окаменев, стояли неподвижно.

Оба звездоплателя хорошо знали, что представляет собой этот светлый луч. Им на помощь спешили товарищи.

Пламенной искрой мелькнула надежда.

Они увидели, как «черепахи» отвернулись от света. Баландин машинально отметил про себя, что их глаза не имели век и не могли закрываться.

Сквозь стенки кабины послышался быстро усиливающийся шум. Мощная машина была совсем рядом... Ещё мгновение – и она, со всего разгона, врежется в неподвижную группу.

Словно очнувшись, «черепахи», не выпуская добычу, бросились в воду. Поверхность озера сомкнулась над вездеходом.

Искра надежды мелькнула и погасла...

Венериане быстро уходили в глубину. Тусклое освещение вечера сменилось крошечной мглой. Глаза «черепак» вспыхнули жёлтым огнём.

Белопольский выключил мотор, – всё равно он был уже бесполезен.

Герметически закрытая кабина не пропускала воду. Если «черепахи» не сломают машину и не тронут стёкла её окон, людям не будет угрожать непосредственная опасность.

Они чувствовали, что дно быстро понижается. Их тащили всё дальше в тёмную глубину. Белопольский зажёл прожектор. Луч света осветил воду далеко впереди. Они успели заметить, как несколько «черепах», очевидно направлявшихся к ним, бросились в сторону.

И вдруг что-то мелькнуло перед самым окном. Страшный удар обрушился на машину.

– Всё! – глухо сказал Баландин.

Казалось, что действительно наступила последняя минута. «Черепахи» начали ломать вездеход. При их исполинской силе это не должно было занять много времени.

Но вода, которую ждали люди, не хлынула в кабину. Удар не повторился.

Наступившая темнота объяснила всё. «Черепахи» разбили прожектор. Чем? По-видимому, бревном. Свет мешал им, и они расправились с его источником, не трогая машины.

– Весьма решительно! – сказал Белопольский. – Хотя и невежливо.

Он не решился включить второй прожектор или зажечь свет внутри кабины.

В полной темноте люди ждали, что произойдёт дальше.

«Черепахи» по-прежнему несли вездеход по дну озера. Машина слегка покачивалась в их лапах.

– Почему они не плывут? – спросил Баландин.

– Вероятно, мешает тяжесть нашей машины.

– Мы вообще не видели плывущей «черепахи».

– Это не земные циниксы. Может быть, они совсем не

умеют плавать.

– Возможно.

Оба звездоплвателя испытывали гнетущую тревогу. Темнота, неизвестность, ожидание гибели, которая могла прийти в любую минуту, – всё это не могло не действовать даже на этих закалённых людей. Человек, как бы он ни был бесстрашен, не может равнодушно ждать насильственной смерти.

Но минуты шли, а «черепахи» не выказывали никаких агрессивных намерений.

Куда они несли вездеход? Почему так долго? Это становилось странным. По расчёту Белопольского, они удалились от берега не меньше, как на полкилометра.

Движение вперёд продолжалось с прежней скоростью. Постепенно глаза людей привыкли к мраку, и тогда они заметили слабый, но несомненный свет. Дно озера было освещено, но чем и откуда, они долго не могли понять. Смутно, словно при свете звёзд где-нибудь на Земле, они стали различать контуры окружающего. Они поняли, что их машину несут уже не пять, а восемь «черепак». Их глаза горели, как жёлтые фонари. Но не они же освещали воду!..

Баландин первый заметил по сторонам дороги груды каких-то светящихся полосок и понял, что это такое.

– Смотрите! – сказал он. – Это брёвна. Они светятся и освещают дно.

Он не ошибся. Теперь и Белопольский видел, что свет действительно исходит от знакомых им стволов деревьев. Они лежали всюду, беспорядочными кучами, светясь слабым розовым светом. Машину пронесли

мимо целого штабеля брёвен, и тогда люди отчётливо увидели дно, покрытое оранжевыми водорослями, и огромную толпу «черепак», которые явно сопровождали своих сородичей, нёсших пленённую машину. Это было очень похоже на толпу любопытных зевак, только этими зевками были не люди, а звери.

– Так вот для чего, оказывается, им нужны деревья! – сказал Баландин.

– Да, – ответил Белопольский, – это не строительный материал, как мы думали, а природные фонари.

– Как жаль, что эта тайна умрёт с нами.

Константин Евгеньевич не ответил. Баландин видел, как его товарищ поспешно достал блокнот и, наклонившись к приборам пульта, светившимся слабым голубым светом, стал поспешно писать. Профессор понял, что Белопольский хочет послать письмо оставшимся наверху товарищам. Но как он думает отправить его?

– Я закупорю бумагу в одну из бутылочек нашей аптечки, – сказал Белопольский. – Когда мы увидим, что наступает конец, то откроем дверь и выбросим её. Пустая бутылка всплывёт на поверхность озера, и там её найдут.

Профессор кивнул головой. Это действительно был единственный способ, оставшийся в их распоряжении.

«Черепак» неумоимо продолжали путь. Белопольский казалось, что они движутся по прямой линии, к противоположному берегу озера. Намерения похитителей оставались неясными. Что им там нужно? Почему они не расправились с людьми и машиной где-нибудь по пути?

При розовом свете деревянных «ламп» оба пленника видели, что толпа обитателей озера увеличивается. Машину сопровождало не меньше ста «черепах».

– Посмотрите вперёд, – сказал Баландин, – что это такое?

Из мрака, далеко впереди, показалось какое-то светлое пятно.

По мере приближения оно становилось всё более ярким. «Черепахи» направлялись прямо к нему.

Вскоре оба звездоплвателя смогли различить что-то вроде светящейся арки.

Ещё несколько десятков шагов их носильщиков – и арка встала прямо перед глазами.

Это были такие же брёвна, какие лежали в штабелях на берегу и кучами на дне озера. Сложенные правильным полукругом, они обрамляли вход в туннель, по-видимому уходящий вглубь южного высокого берега озера. Стены этого туннеля были также выложены брёвнами, и он казался светящимся проходом, ведущим куда-то в даль, скрывавшуюся в розовом сумраке. Туннель был наполнен водой.

«Черепахи» прошли арку и углубились в проход. Дно туннеля заметно поднималось.

Свет, исходивший из бревенчатых стен, окрашивал воду в красноватый цвет. Было настолько светло, что Белопольский и Баландин могли без труда рассмотреть самые мелкие подробности. Сопровождавшая их толпа «черепах» с розовыми телами и красными панцирями в этом освещении стала походить на толпу фантастических призраков. Жёлтый огонь их глаз погас.

«Черепахи», нёсшие машину, шли на двух ногах, в вертикальном положении. Большинство остальных передвигалось на четырёх.

Туннель был очень длинен. Машину несли дальше и дальше, а выход всё не показывался.

– Вряд ли можно предположить, что этот туннель искусственный, – сказал Белопольский. – Вероятно, он пробит водой.

– Кто их знает! – ответил Баландин. – Всё может быть. Но скоро мы это узнаем.

Впереди в розовом сумраке появилось наконец что-то яркое. Ещё несколько минут – и перед ними открылось огромное пространство, показавшееся в первую секунду совершенно пустым.

«Черепахи» вышли из воды.

Исполинская пещера уходила куда-то далеко, в неразличимую глазом глубину берегового обрыва. (Было совершенно очевидно, что их доставили к южному берегу озера.) Над головой, примерно в пятнадцати метрах, нависал каменный свод. Пещеру освещал слабый свет. Откуда он исходил – они не видели.

Основание пещеры было совершенно сухо. Правильными рядами поднимались какие-то странные кубы. Это было похоже на улицы, застроенные домами без окон. Кубы были, по-видимому, деревянными, но брёвна не светились. А может быть, их слабый свет терялся в общем освещении пещеры.

– Вот он где, их город! – сказал Белопольский тоном удовлетворения.

– Похоже на то, – ответил Баландин.

«Черепахи» шли посередине одной из «улиц». Часто мелькали какие-то неясные фигуры. Судя по размерам, это были не «черепахи».

Деревянные кубы казались домами неведомых жителей этого подземного города. Но для огромных «черепак» такие жилища были довольно тесны.

Выход из туннеля остался далеко позади. Толпа «черепак» шла всё дальше и дальше.

Наконец они остановились. Потом подошли к стене одного из «домов» и стали куда-то спускаться. Метров пять они шли прямо, потом поднялись и вышли уже внутри постройки. Пройдя ещё несколько шагов, осторожно поставили машину на бревенчатый пол.

В общей сложности они пронесли вездеход, весящий больше полутора тонн, километра два с половиной, что лишний раз доказывало их чудовищную силу.

Одна за другой «черепахи» вышли тем же путём, каким и вошли.

– Вот мы и в тюрьме, – сказал Белопольский, – а я так и не успел выбросить бутылку с письмом. Теперь это вряд ли удастся.

Они внимательно осмотрелись.

Помещение было совершенно пусто. Никаких внутренних перегородок в нём не было, – одна сплошная «комната», очевидно единственная в доме без окон и без потолка.

Глядя с «улицы», казалось, что куб закрыт со всех сторон. На самом деле это был не куб, а просто четыре стены, высотой метров в семь.

Оба звездоплателя подумали, что такое устройство

домов вполне логично. Над «городом» не было неба, ему не угрожали ни дождь, ни ветер. Потолок с успехом заменял каменный свод пещеры. Пол был сделан из брёвен. Дверь, если можно было назвать так этот вход, помещалась в одном из углов. Стены и пол светились розовым светом.

Минут двадцать люди молча ждали, не появится ли кто-нибудь из венериан, но время шло, а никто не приходил к ним.

– На сколько времени нам хватит кислорода? – спросил Баландин.

– Почти на двое суток. Но какое это имеет значение? Только продление агонии.

– Нельзя ли бежать отсюда?

Белопольский пожал плечами.

– Как ваши ноги? – спросил он вместо ответа.

– Какое это имеет значение, – повторил слова своего командира Баландин, – я забыл о них.

– Всё равно! Пока есть время, надо переменить повязку. Кто знает, что нас ждёт впереди.

Белопольский зажёл свет в кабине. Осторожно сняв повязку, он внимательно осмотрел обожжённые голени и нахмурился. По краям вздувшихся волдырей кожа была ярко-красной, что указывало на сильное воспаление.

«Может начаться гангрена, – явилась тревожная мысль, – как он терпит? Это, вероятно, адская боль.»

Кроме пикриновой кислоты, никаких средств в аптечке не было. Она предназначалась только для оказания первой помощи. Но Белопольский всё равно не

знал, что надо делать при таком тяжёлом ожоге.

Он наложил новую повязку и забинтовал ноги профессора.

Потянулись томительные минуты ожидания. Стараясь экономить энергию аккумуляторов, Белопольский погасил свет в кабине. Свечения стен было вполне достаточно.

С того момента, как они очнулись после обморока, прошло уже больше двух часов. Полчаса они находились в кубе, но ни единого звука не доносилось к ним. Кругом словно всё вымерло. Глубокая тишина царила в «доме».

Но не принесли же их так далеко только для того, чтобы бросить в этой бревенчатой комнате. Кто-то должен был прийти к ним. Но кто и зачем? Что с ними сделают?..

Белопольский открыл дверцу и вышел из машины.

Их маленький вездеход не имел выходного тамбура. С того времени, как они покинули звездолёт, оба не снимали противогазов. Внутри машины был воздух Венеры, такой же, как и снаружи.

Стоять на круглых брёвнах было трудно. Ноги скользили по гладкому дереву.

Белопольский подошёл к ближайшей стене и попытался найти щель, через которую удалось бы заглянуть наружу, но брёвна были пригнаны друг к другу очень плотно. Он осторожно обошёл помещение, в любую секунду готовый броситься обратно к машине при появлении венериан. Подойдя к «двери», он увидел, что лестницы не было. Спуск состоял из тех же брёвен.

Было трудно себе представить, как могли «черепахи» с тяжёлым грузом подняться по ним.

Отверстие входа было квадратной формы и имело метра три в поперечнике.

Закончив обход, Белопольский вернулся к машине.

Прошло ещё около часа. Никто не приходил, и это становилось странным и угрожающим. Неужели «черепахи» бросили их умирать здесь?..

Тишина стала казаться зловещей...

– Если нас не перетащат опять в воду, – сказал Белопольский только для того, чтобы прервать гнетущее молчание, – мы сможем пользоваться для дыхания воздухом Венеры через противогазы. Это сэкономит нам запас кислорода. Тогда его хватит дней на пять, шесть. Но у нас нет никаких продуктов, кроме аварийного запаса, а он очень невелик. Всё же я предлагаю подкрепить силы.

– Пожалуй, это не лишнее, – согласился Баландин.

Но только они успели достать свой «НЗ», как услышали какой-то звук, точно глухое топание огромных ног.

Белопольский поспешно запер дверцу машины.

Они увидели, как у входа появилась уродливая голова «черепахи». Потом появилось и её огромное тело. Зверь ступил на пол.

В «руках» он нёс какой-то длинный и узкий предмет. В розовом сумраке «комнаты» люди не могли рассмотреть, что это такое. «Черепаха» поставила свою ношу и исчезла.

Не веря глазам, Белопольский и Баландин узнали в этом предмете человека, одетого в противогазовый костюм.

Это был геолог экспедиции Василий Васильевич Романов.

НОЧЬ

24 июля вечер Венеры подошёл к концу. Как и предполагали, сумерки длились почти пятьдесят часов после захода Солнца.

Уже с утра (звездоплаватели всё время вели счёт по земным часам) темнота начала быстро сгущаться. К восемнадцати часам ночь полностью вступила в свои права.

Но эта ночь была далеко не такой тёмной, как ожидали. Если бы Пайчадзе не сказал, что она наступила, они, вероятно, продолжали бы считать её вечером. Ничего похожего на чёрный мрак, который, казалось бы, должен быть на поверхности планеты, под толстым слоем облачных масс, не наблюдалось. Из окон обсерватории они видели реку, лес на её берегу и даже могли различить вдали линию порогов. Освещение напоминало земную ночь при свете Луны в первой четверти.

– Теоретические расчёты подтвердились, – сказал Пайчадзе. – Яркость ночного неба Венеры, благодаря близости к Солнцу, в пятьдесят раз сильнее, чем на Земле, и только в пять раз слабее света полной Луны. Мы не ошиблись.

Звездоплаватели готовились к ночной работе. Программа была обширна и разнообразна. Надо было сделать целый ряд точных фотометрических измерений освещённости в различные моменты ночи, составить график изменений нагрева почвы, а также и воздуха на разной высоте и опять-таки в различное время – в начале, середине и в конце ночи. Предстояло заняться интенсивностью падения на планету космических лучей, определением радиометодами внутреннего строения Венеры и бесконечным количеством других не менее важных работ, из которых часть предназначалась на эту ночь, а остальные на следующую. Звездолёт

должен был находиться на планете двое венерианских суток.

Ни одну из работ нельзя было производить внутри корабля. Приходилось выносить приборы и аппараты на берег и находиться возле них длительное время. Хотя многие процессы могли проходить автоматически, учёные всё же дежурили у своих установок, не рискуя оставить их без присмотра. Жители Венеры уже доказали, что относятся враждебно к пришельцам с другой планеты, а ночью в любую минуту кто-нибудь из них мог оказаться вблизи. При огромной физической силе этих существ им ничего не стоит сломать и уничтожить хрупкие аппараты людей.

Все меры предосторожности были приняты. В радиусе ста метров вокруг звездолёта берег заливал яркий свет прожекторов. Никто и ничто не могло приблизиться к месту работы, не будучи своевременно замеченным. Каждого члена экипажа, которому нужно было выйти из корабля на берег, всегда сопровождали два товарища, хорошо вооружённые и готовые отразить нападение.

Надо сказать, что никто из учёных не верил, что «черепахи» действительно могут напасть на звездолёт. Охрана осуществлялась на всякий случай, больше для очистки совести.

Поиски вездехода Белопольского в глубине озера с очевидностью показали, что свет прожекторов является вполне достаточной защитой. Для органов зрения подводных жителей, привыкших к темноте, этот свет, видимо, был совершенно непереносим.

Грозовые фронты почти не мешали работам. С наступлением ночи они стали появляться всё реже и реже и были гораздо слабее, – скорее сильные дожди, и только.

Когда экипаж находился на борту, прожекторы потухали, и прозрачная темнота опускалась на звездолёт. Тогда ночные бинокли и лучи радиолокаторов устремлялись на далёкую линию порогов. Возле них смутно виднелись штабеля брёвен, но никакого движения не удавалось заметить. Вид штабелей не изменялся, и было очевидно, что обитатели озера почему-то не трогают их.

Несколько раз звездоплаватели внезапно зажигали прожектор, направляя луч его света на близкую опушку леса, но и там ничего не обнаруживали.

– Они боятся нашего корабля, – говорил Мельников, – и не рискуют приблизиться к нему. Наше присутствие мешает им производить обычную ночную работу.

Это было более чем вероятно. Исполинский корабль, неведомо как очутившийся на берегу реки, неведомо откуда взявшийся и неизвестно что из себя представлявший, должен был казаться венерианам чем-то таинственным, непонятым и пугающим. Первобытные существа даже отдалённо не могли вообразить истинного назначения этого чудовищно огромного предмета. Он должен был возбуждать в них ужас.

– Неужели, – говорил Второв, – мы так и вернёмся на Землю, не имея ни одного снимка «черепахи». Я никогда не прощу себе этого.

У Геннадия Андреевича были все основания быть

недовольным собой. Он видел «черепак», они неподвижно стояли, ярко освещённые светом прожекторов, в его руках находился киноаппарат, более удачных условий съёмки нельзя было себе представить, но... ни одного снимка обитателей Венеры!..

Исправить упущение, очевидно, нельзя. Венериане не появятся возле корабля. О том, чтобы попытаться ещё раз увидеть их на берегу озера, не могло быть и речи. Мельников, вступивший в командование кораблём, категорически заявил, что не допустит ни одной экскурсии куда бы то ни было. До самого старта на Землю ни один член экипажа не отойдёт далеко от корабля.

– Довольно жертв! – сказал он своим товарищам. – Их и так слишком много. С обитателями Венеры познакомимся в следующем рейсе.

Как ни хотелось Второву получить снимки венериан, он должен был признать, что это решение единственно правильное. Экспедиция потеряла четырёх человек. Это действительно, слишком много.

Случайность, которую невозможно было предвидеть и предупредить, погубила на Арсене Леонида Орлова. По своей вине, жертвой собственной неосторожности стал Василий Романов. Неизвестно, как Белопольский и Баландин попали в руки венериан и были унесены ими на дно озера. Никаких надежд на их спасение уже не могло быть.

Вездеход исчез бесследно. Князев и Второв восемь раз погружались в озеро на амфибии, но не обнаружили машины. Куда её могли унести? Это оставалось тайной. После восьмой, бесплодной, попытки Мельников при-

казал возвращаться на корабль.

– Мы сделали всё, что могли, – сказал он, – больше рисковать нельзя.

Гроза, прервавшая первый поиск, оказалась, к счастью, слабой и непродолжительной. Но, когда она окончилась, Коржевский и Андреев с ужасом увидели, что их товарища, не успевшего вскочить в машину, нигде нет. Стало очевидно, что Василий Романов был оглушён ударом ливня и смыт в озеро.

– Немедленно найти! – приказал Мельников.

Вездеход-амфибия несколько не пострадал. Как только началась гроза, Князев погрузился под воду, где уже не могли угрожать ни ливень, ни молнии. Опасения, что на машину нападут «черепахи», не оправдались. Венериане, которых оба разведчика насчитали на дне больше сотни, панически боялись прожекторов. Как только появлялся свет, они падали на дно, прячась под свои панцири совершенно так же, как делали это в океане. Амфибия могла плавать под водой сколько угодно без всяких опасений.

Узнав о исчезновении Романова, Князев немедленно приблизился к берегу и тщательно обыскал дно. Но молодой геолог исчез так же бесследно, как вездеход Белопольского.

С энергией отчаяния, забыв обо всём, они, сменяя друг друга, искали пропавших товарищей двенадцать часов подряд. Дно озера было обследовано на всём своём протяжении.

Напрасно!.. Ни вездехода, ни тела Романова нигде не было. Озеро оказалось неглубоким. Они видели на его

дне огромное количество брёвен, лежавших кучами, многочисленные виды водорослей и других растений, но, кроме «черепаш», не заметили ни одного живого существа, ни одной рыбы.

– Спрятать машину там абсолютно негде, – сказал Князев. – Мы не могли не заметить её.

– Где же она может быть?

– Не знаю. Но в озере её нет.

Почти одновременная гибель трёх товарищей угнетающе подействовала на всех членов экспедиции.

Вечером 24 июля Мельников записал в своём дневнике:

«Последний срок миновал!

До сих пор какое-то неясное чувство говорило мне, что Константин Евгеньевич и его спутник живы. Так хотелось надеяться! Мне казалось, против всякой вероятности, что они вернутся к нам. Сегодня эта призрачная надежда окончательно рухнула. Даже теоретически не на что рассчитывать. Всё кончено. Запас кислорода в вездеходе исчерпан. Если они были живы до сих пор, то сейчас, безусловно, мертвы. Им нечем больше дышать! Какая страшная участь...

Я хочу верить (вот до чего дошло!), что «черепашки» сразу сломали стенки машины, разбили стёкла окон, умертвили... Слишком ужасно думать, что они жили двое суток без надежды на спасение, во власти свирепых зверей!..

Насколько счастливее (какое слово!) судьба Рома-

нова! Если он не был убит сразу ударом ливня, то всё же умер очень скоро, запас кислорода в его баллоне был так мал.

Ирония судьбы! Я жалел, что прервана связь с Землёй. А сейчас я благословляю это обстоятельство. Какими словами могли бы мы рассказать о случившемся?..

Конечно, это эгоистично, но я думаю об Оле. Сколько томительных дней выпало ей на долю, когда после спуска на Венеру на Земле не знали о нашей судьбе. Известие о гибели ещё трёх членов экспедиции... нет, лучше не думать об этом кошмаре!.. Куда всё-таки делся вездеход? Куда исчезло тело Романова?

Неужели кто-нибудь сможет упрекнуть нас, что мы плохо искали? Не попробовать ли ещё раз? Нет, я не имею на это права. Василия Романова схватили «черепахи». Это очевидно. И спрятали его тело так же, как вездеход К. Е. Зачем они это сделали? И куда спрятали? Князев и Второв утверждают, что на дне озера машины нет. Зловещая тайна. Неужели «черепахи» разломали вездеход на мелкие куски? В клочья разорвали тела наших несчастных товарищей? А может быть... жутко думать, что и это могло случиться!..

Что мы знаем о жителях Венеры? Ничего не знаем. «Черепахи»! Какие странные и причудливые создания! Я хорошо помню их. Назойливо стоят они перед моими глазами. Могли ли мы думать, когда смотрели на них из подводной лодки, что это и есть

разумные обитатели Венеры, что именно они, эти земноводные, и есть люди планеты? Даже сейчас, когда, казалось бы, отпали последние сомнения, я не могу верить этому.

Коржевский утверждает, что, судя по описаниям, «руки» «черепах» не могли создать линейку, они не способны к такому труду, это не руки, а лапы животных. Я убеждён в правильности этого рассуждения. Линейку сделал кто-то другой.

Может быть, «черепахи» только животные? Их поведение не похоже на поведение животных Земли. Что из этого? Мы имеем дело с животными Венеры. Слоны в Индии работают. Они ломают деревья, переносят брёвна. Совсем так же, как «черепахи». К тому же, мы не знаем, они ли делают это.

Кто же тогда настоящие венериане? Где они? Как они выглядят?.. Увидим ли мы их? Нет, в этом рейсе не увидим. Я сам запретил всякие попытки. И не изменю этого решения. Потом! В следующем рейсе! Как тяжело, как трудно казаться спокойным, ничем не выказывая боли, которая ни на минуту не оставляет тебя! Как часто приходится усилием воли сдерживать рыдания, готовые вырваться. Иногда хочется выть, как зверю, дать выход отчаянию. Нельзя! Любому из моих товарищей можно. Мне нельзя. Даже наедине с собой я должен держаться. Я не принадлежу себе. Потом! Когда наш несчастный рейс закончится...»

В ночь на 25-е дежурил Князев.

В три часа утра он неожиданно разбудил всех звонком тревоги. Не прошло и пяти минут, как в рубке управления собрались все восемь человек.

– Что случилось? – спросил Мельников, первым вошедший в рубку.

Князев молча показал на экран.

Небо Венеры пылало заревом. Зловещий красный свет был так силён, что можно было отчётливо видеть всё, что окружало корабль. Обычно тёмные, тучи сверкали всеми оттенками рубина. Казалось, что где-то за горизонтом разгорается гигантский пожар.

С сильно бьющимся сердцем звездоплыватели не спускали глаз с непонятной картины.

Что это?.. Пожар? Извержение вулкана?.. Им казалось, что кровавый свет становится сильнее, что-то неведомое приближается к звездолёту, неся с собой угрозу.

Мельников переглянулся с Зайцевым. Одна и та же мысль мелькнула у обоих – не пора ли поднять корабль в воздух и, пока не поздно, уйти от неизвестной опасности?

Вдруг откуда-то из-за леса взметнулись к зениту и рассыпались по нему искрящимся занавесом зелёные и фиолетовые линии. Мерцающей сеткой они закрыли весь горизонт, переплетаясь и сверкая всеми оттенками изумрудов и вишнёво-красных гранатов.

– Полярное сияние! – первым догадался Пайчадзе.

– Оно вспыхнуло внезапно, – сказал Князев.

Успокоившись, все перешли в обсерваторию и, столпившись у окон, молча смотрели на поразительное зрелище. Второв вертел ручку киноаппарата.

Рубиновый цвет неба сменился оранжевым, потом, пройдя всю гамму цветов, неожиданно вспыхнул чистейшим аквамарином. Изумрудные и гранатовые линии уступили место сверкающему потоку хрустальных нитей.

Фантастический калейдоскоп красок непрерывно сменялся больше полутора часов, поражая взор неистощимым разнообразием сочетаний всех цветов и оттенков. Во всём богатстве предстала перед людьми палитра величайшего из художников – Великой Природы.

Уходящее всё ниже за горизонт, Солнце давало прощальный спектакль.

К пяти часам утра полярное сияние Венеры стало меркнуть. Всё слабее окрашивалось небо, всё яснее проступали на нём свинцовые тучи.

– Изумительно! – сказал Коржевский.

– Вопрос, что! – отозвался Пайчадзе. – Изумительно не само зрелище. Оно должно быть красочным. Венера близка к Солнцу. Изумительно другое. Полярное сияние – в верхних слоях атмосферы, за десятикилометровым слоем облаков. Почему мы видели его так ярко? Непонятно.

– Что же мы могли увидеть, если бы поднялись над облаками? – спросил Второв.

– Скорее всего, ослепли бы, – ответил Пайчадзе.

Взволнованные всем виденным, звездоплаватели неохотно разошлись по каютам.

Но никто не смог заснуть сразу. И когда, не прошло ещё и часу, Князев вторично дал сигнал тревоги, все кинулись к рубке, надеясь ещё раз увидеть чудесное зрелище, которым не успели вдоволь налюбоваться. Но на этот раз их ожидало совсем другое. Ставшая памятной, ночь преподнесла ещё один сюрприз.

С бледным, взволнованным лицом Князев встретил товарищей непонятной фразой:

– Они только что принесли!..

– Кто «они»? – спросил Мельников.

– «Черепахи».

Все бросились к экрану. Но в мутном полусвете ночи они не увидели ничего.

– Свет! – приказал Мельников.

Яркий луч прожектора лёг на «землю». И тогда совсем близко от корабля они увидели маленький тёмный предмет, лежавший на траве.

– Я заметил, – рассказал молодой механик, – как со стороны порогов стала приближаться плохо различимая масса, какое-то тёмное тело. Сначала мне показалось, что это огромное животное. Оно медленно подходило всё ближе. Я не стал зажигать прожектор, хотелось рассмотреть его, а свет мог его испугать. Ведь оно не могло причинить вреда звездолёту, как бы велико ни было. Когда оно приблизилось, я узнал «черепак», совсем таких же, каких мы видели у озера. Они что-то несли. С ними было другое животное, гораздо меньших размеров, но я его не мог рассмотреть как следует. Не

зная, что делать, я дал сигнал. Но пока вы успели прийти, «черепахи» подошли вплотную к кораблю и положили этот предмет на «землю». Потом они исчезли очень быстро в сторону реки.

– Вот тогда и следовало зажечь прожектор, – сердито сказал Коржевский.

– Я не решился. Мне не хотелось пугать их.

– Правильно! – одобрил его Мельников.

Значит, обитатели озера не боялись приблизиться к звездолёту. Они что-то принесли людям. Что и зачем?

– Товарищ Второв, – приказал Мельников, – выйдите на берег и принесите этот предмет на корабль. С вами пойдёт Андреев.

Через полчаса таинственное приношение внесли в обсерваторию.

Все с любопытством обступили подарок.

Это было что-то вроде деревянного блюда, имевшего форму ромба, с загнутыми внутрь полукруглыми краями. Оно было тщательно отделанное, гладкое до блеска, с тремя тонкими, тоже деревянными, острыми, прикреплёнными ко дну. Блюдо было аккуратно устлано пучками оранжевых водорослей и красными листьями. Сверху лежали восемь плоских лепёшек красного цвета и... золотые часы.

Не веря глазам, Мельников схватил их.

– Это часы Константина Евгеньевича, – сказал он.

ХОЗЯЕВА ПЛАНЕТЫ

Одним из самых основных факторов в жизни любого существа является питание. Первые представления едва развитого мозга неразрывно связаны с ним. И от нижних до верхних ступеней эволюционной лестницы всё живое подчиняется этому незыблемому закону природы.

Все существа, наделённые разумом, независимо от степени его развития, заботятся о питании, и не только для себя, но и для других существ, связанных с ними. Птицы и звери добывают корм своему семейству. То же делают люди. Хищник уступает добычу другому хищнику, если не хочет драться с ним из-за неё. Это свидетельство миролюбия. Дикие племена в знак мира предлагают врагу добытые ими продукты питания.

У восточных народов сохранился обычай – не есть в доме врага. Разделить пищу с врагом – значит помириться с ним. Предложить человеку поесть – значит выказать к нему добрые чувства.

Закон питания диктует нравы и обычаи. Так было, так есть, и так будет всегда, потому что пища – основа жизни, потому что это первый закон природы для живых существ. И можно с уверенностью сказать, что закон этот действителен не только на Земле. Он властно царит всюду, где есть способные хотя бы к примитивному мышлению живые существа, которые растут и размножаются. Это закон Вселенной!

Одинаковые представления о предмете должны не-

избежно породить и одинаковые понятия о его роли в том или ином случае.

Что же удивительного в том, что венериане поступили так же, как на их месте поступили бы люди Земли. Только человеческие законы меняются и могут быть различными, законы природы всюду одинаковы. Принеся свой «хлеб» к звездолёту, жители Венеры показали этим, что хотят мира. Понять их поступок как-нибудь иначе было невозможно.

В этом смысле высказался биолог Коржевский, когда после детального анализа выяснилось, что восемь лепёшек, принесённых «черепашками», представляют собой питательный продукт, изготовленный, из рыбы.

В значении неожиданного подарка никто не сомневался. Это был знак мира. Что же думали жители Венеры о звездолёте? За что его принимали?

– Не видя Солнца, не видя звёзд, они не могут знать о существовании других миров, – сказал Пайчадзе. – Они принимают нас за неизвестных до сих пор жителей той же Венеры.

Это было вполне возможно. Встречали же дикие жители островов впервые увиденные ими корабли европейцев плодами и изделиями своих рук.

Но зачем рядом со своим «хлебом» венериане положили часы Белопольского. Что означает это злое напоминание о погубленном ими человеке? Часы не шли, а всем было хорошо известно, что Константин Евгеньевич никогда не забывал завести их. Что это? Предупреждение или знак раскаяния?

Мысль, одновременно пришедшую всем, высказал

Пайчадзе.

– Они сняли часы с тела Константина Евгеньевича, – сказал он, – и принесли нам, чтобы показать – тела у них. Почему они не принесли их сами, не знаю. Предлагают нам это сделать. Питательные лепёшки показывают, что они хотят мира и больше не нападут на машину. Я считаю – мы обязаны нанести им вторичный визит. Конечно, на берегу озера. Если они выйдут и пригласят к себе, можно проникнуть в озеро на амфибии.

Несколько минут в кают-компании, где происходил разговор, стояла тишина. Никто не решался первым высказать своё мнение по столь ответственному вопросу раньше, чем выскажется Мельников. А Борис Николаевич долго молчал. Он казался всецело погружённым в свои мысли.

– Я присоединяюсь к Арсену Георгиевичу, – решился заговорить Топорков, – советским учёным не пристало бояться опасности.

– Дело не в опасности, – сказал Мельников и снова задумался. – Почему лепёшек восемь? – неожиданно спросил он. – Можно ли считать это простой случайностью?

Все бывшие в каюте – переглянулись. В самом деле! Никто не обратил внимания, что число лепёшек точно соответствует числу оставшихся на корабле членов его экипажа. Каждому по одной!

– Откуда же они могли узнать? – нерешительно сказал Коржевский.

– Вот именно, откуда? – Мельников посмотрел на

товарищей заблестевшими глазами. — Они могли узнать об этом от...

Он не договорил, но все сразу поняли.

Загадочное появление золотого хронометра, с которым, как они все знали, никогда не расставался Белопольский, могло означать совсем не то, что они думали. Он сам отдал его венерианам. Это могло означать: «На помощь!»

Неужели же Белопольский и его спутник живы?..

— На озеро! — страстно вскрикнул Пайчадзе.

— Да! — ответил Мельников. — Мы должны немедленно отправиться на озеро. Возможно, мы ошиблись, но возможно, что угадали правильно. Медлить преступно.

Решение командира обрадовало всех. Один только Коржевский нахмурился и покачал головой с видом большого сомнения.

— Кому же Константин Евгеньевич мог сказать о нас? — спросил он. — «Черепам»? И как он говорил с ними?

— Саша видел какое-то существо, — ответил Мельников, — это, наверное, и был настоящий венерианин. Как бы то ни было, мы не можем пройти мимо появления часов, что бы они ни означали.

— Я не спорю, — согласился биолог.

Приняв решение, звездоплаватели, не теряя времени, приступили к его выполнению. Из ангара вывели самый крупный из вездеходов. Это была сплошь металлическая могучая машина с двумя моторами, в две с половиной тысячи лошадиных сил каждый, с двумя само-

стоятельными панелями управления. Она могла двигаться в обе стороны с одинаковой скоростью, достигавшей ста двадцати километров в час. Узкие окна, расположенные со всех сторон, вместо стёкол имели прозрачные пластмассовые пластины толщиной в три сантиметра. Гусеницы были так широки, что машина могла устойчиво держаться на болотистой почве. Передняя и задняя стенки были снабжены острыми, расходящимися по бортам таранам, прикрывавшими гусеницы. Вездеход мог пробираться через не проходимую для других машин чащу. Длина машины – восемь метров – предохраняла её от опасности опрокинуться при крутых подъёмах или спусках, вес – тридцать две тонны – защищал от участи, постигшей машину Белопольского. Вряд ли «черепахи» могли поднять подобную тяжесть.

Завод изготовивший её специально для рейса на Венеру, позаботился и об удобствах экипажа. В вездеходе было шесть мягких кресел, которые могли превращаться в постели. Автоматически действующие аппараты «следили» за чистотой воздуха и его температурой. Двери были двойные, с выходным тамбуром. Три радиоустановки – основная, аварийная и телевизионная – обеспечивали надёжную связь.

В отличие от вездеходов, которые до сих пор употреблялись в космических рейсах, эта машина не была безоружна. В специальной башенке, возвышавшейся на носу, находился крупнокалиберный пулемёт.

Камов заставил Белопольского согласиться взять с собой эту вооружённую машину, «на всякий случай».

«Кто знает, может быть, мы жестоко ошибаемся относительно обитаемости Венеры, — сказал он. — Сделайте это для нашего спокойствия».

— Это тридцать две тонны лишнего груза.

— Всё равно вам нужен большой вездеход.

Кроме пулемёта, сами гусеницы, учитывая огромную мощь двигателей, были грозным оружием. Будь машина менее мощной, Мельников, возможно, не решился бы на опасную экскурсию.

Когда начали обсуждать, кому участвовать в поездке, возникли горячие споры. Каждому хотелось быть зачисленным в экипаж. В конце концов Мельникову пришлось употребить власть командира.

— Машину поведёт Князев, — сказал он, — с ним отправятся: Коржевский, как врач, и Второв, как кинооператор. Командовать вездеходом поручаю Князеву.

В половине восьмого утра 25 июля по земному календарю и глухой ночью по календарю Венеры вездеход отошёл от звездолёта и, миновав освещённую прожектором полосу берега, направился на тихом ходу к порогам. Оставшиеся на борту корабля, собрались в помещении обсерватории, следили за ним до тех пор, пока неясный силуэт машины не потонул в темноте ночи. Но и тогда они продолжали стоять у окна, напряжённо всматриваясь вдаль.

Минут через десять далеко-далеко мелькнул светлый луч, — их товарищи искали вход на просеку. Потом и этот луч скрылся. Очевидно, машина вошла в лес.

Пять человек перешли на радиостанцию. Топорков включил экран. И тотчас же на нём появилась лесная

дорога. Телекамера, установленная на вездеходе, работала.

Отчётливо была видна медленно движущаяся на них панорама леса, освещённая ярким светом прожекторов машины. Из репродуктора раздавался шорох её гусениц. Экипажу корабля казалось, что они находятся рядом с друзьями, вместе с ними участвуют в этой беспримерной ночной экспедиции. Они слышали каждое слово, которыми изредка обменивались Князев, Коржевский и Второв, и при желании могли, включив радиосвязь, принять участие в разговоре.

Топорков протянул руку, чтобы сделать это, но Мельников остановил его.

– Не нужно отвлекать их внимания. Если понадобится, они сами нас вызовут.

Он говорил так тихо, словно боялся, что экипаж вездехода его услышит. Но передатчик был выключен.

Пять человек молча сидели в затемнённой рубке перед светящимся экраном, всем своим существом участвуя в каждом движении машины. Они как бы слились с ней в одно целое. Зайцев даже покачнулся в кресле, когда панорама на экране дрогнула и пошла быстрее. Князев резко увеличил скорость.

И вдруг...

Пять человек стремительно подались вперёд. Подавленное восклицание замерло на всех устах.

Из-за поворота, к которому, быстро приближалась машина, неожиданно появилась группа обитателей озера. Их было не меньше двадцати..

Все пятеро физически ощутили, как Князев затор-

мозил вездеход. Картина на экране остановилась. И так же неподвижно застыла группа «черепах».

Несколько секунд можно было отчётливо видеть красные панцири, бледно-розовые морщинистые тела и маленькие треугольные головы...

А затем прожекторы машины погасли. Лес погрузился в полную темноту.

И такая же полная темнота хлынула с экрана в радиорубку.

Встреча с жителями Венеры не была неожиданной для Князева и его товарищей, которые в любой момент ожидали, что вот-вот покажутся хозяева планеты. Они даже удивились, когда, подъехав к порогам, не увидели ни одной «черепахи». Штабеля казались нетронутыми.

Почти километр прошла машина по лесной дороге, ничего не встретив. Два раза в самом конце «светового коридора» в луче прожектора промелькнуло что-то живое, но это случилось так внезапно и так быстро, что они не могли решить, действительно ли они что-то видели или им только показалось.

– Неужели на Венере всё-таки есть животный мир? – недоуменно сказал Коржевский. – И живые существа появляются по ночам?

И вдруг из-за поворота показались венериане.

Князев остановил машину.

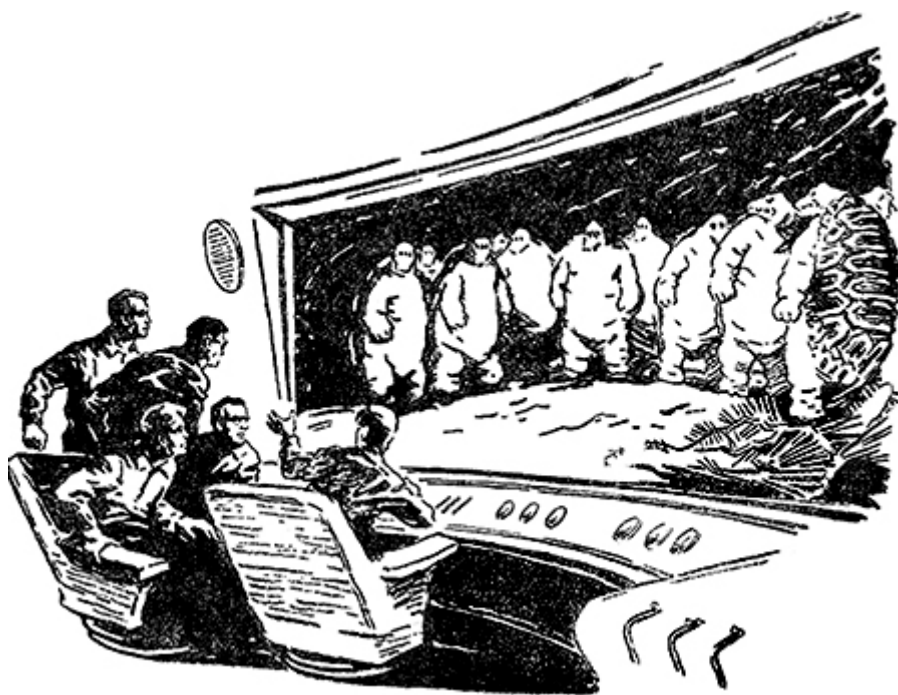
«Черепахи» также остановились. Между ними и вездеходом было шагов тридцать.

С этого близкого расстояния можно было хорошо рассмотреть подробности, которые ускользнули от внимания тех, кто видел эту группу на экране.

На звездолёте заметили только «черепах». Коржевский, Второв и Князев увидели ещё и другое. И когда убедились, что зрение их не обманывает, что перед ними не мираж, а реальная действительность, они поняли – великая тайна Венеры наконец раскрылась.

Коржевский был прав: не «черепахи» были хозяевами планеты, теми разумными существами, присутствие которых на сестре Земли звездоплыватели почувствовали с первого же дня пребывания на ней...

Громадные розовые тела, с уродливыми красными панцирями на спинах, со странно маленькими треугольными головами заполнили просеку плотной стеной. Их было очень много, и из-за поворота выходили всё новые и новые. Передние стояли неподвижно и не

выказывали никаких враждебных намерений. Возможно, что они были ослеплены светом прожекторов.

Но всё внимание трёх звездоплывателей сосредоточилось не на них, а на том, что находилось впереди «отряда».

Не сразу различимые на фоне этой розовой массы глазам людей предстали три странных существа.

Для сомнений не оставалось места. Это были «люди» Венеры.

Рядом с гигантскими «черепашками» они казались совсем маленькими, их рост не превышал одного метра. Тело, покрытое бледно-розовой, почти белой кожей, оканчивалось коротким толстым хвостом. Две пары конечностей были снабжены свободными, без плавательных перепонки, пальцами. На короткой шее помещалась голова с выдающимися вперёд губами и тремя огромными глазами, расположенными не с боков, а спереди, в один ряд. Близко посаженные друг к другу, они казались издали чёрной повязкой. Гладкий, блестящий череп не имел волос.

Они стояли прямо, упираясь в землю хвостом и нижними конечностями, которые можно было назвать «ногами». У этих ног не было ступней, а только пальцы, длинные и толстые.

Что касается верхних конечностей, то в их назначении нельзя было сомневаться. Это были «руки» — гладкие, круглые, оканчивающиеся широкими кистями с четырьмя гибкими пальцами.

В руках венериане держали различные предметы.

У одного была длинная деревянная палка, похожая на копьё без металлического наконечника. У другого — каменный сосуд в форме чаши. В руках третьего была линейка. Совершенно такая же, как выловленная в воде залива кораллового острова, — длинная, тонкая, деревянная линейка. Та самая линейка, которая не давала

людям покоя всё это время. Теперь они увидели её в руках владельца.

Несколько секунд люди молча смотрели на хозяев планеты. Коржевский машинально отметил, что над тремя чёрными глазами имеется характерная выпуклость лба. У «черепаш» головы были плоскими, их глаза светились в темноте жёлтым огнём, как у земных зверей они светятся зелёным.

Ещё не видя ни «черепаш», ни их хозяев, он чутьём биолога понял, что первые не могут быть разумными существами. Всё, что он слышал о них, противоречило такому заключению. И теперь он убедился, что был прав.

То же думали Второв и Князев.

Люди видели, как замершие на месте при неожиданном появлении вездехода венериане (не «черепаш») несколько мгновений стояли неподвижно. Потом каждый поднял руку и закрыл ею глаза, защищаясь от света. Но ни один из них не сделал ни шагу назад.

«Черепаш», как по команде, повернулись спиной к машине.

И тогда Князев сделал то, что другой на его месте, возможно, не решился бы сделать. Он погасил прожекторы.

– Опасность нам не угрожает, – сказал он спокойно. И с этими словами повернул выключатель и зажёл свет внутри машины. Он как бы приглашал венериан подойти ближе и взглянуть на людей Земли.

– Их так много, что они могут поднять вездеход и понести его, – сказал Второв.

– Они этого не сделают, – уверенно заметил Князев. «Ведь они принесли нам свой «хлеб», – подумал он.

ХОЗЯЕВА ПЛАНЕТЫ(продолжение)

За окнами машины была темнота. Трое звездоплавателей молча ждали.

Что делают сейчас обитатели Венеры, они не знали. Может быть, венериане боялись подойти к непонятной им машине или совещались, что предпринять. А может быть, им мешал даже относительно слабый свет лампочки внутри кабины.

Коржевский подумал, что это последнее наиболее вероятно, и выключил её. Теперь внутренность вездехода освещал только слабый голубоватый свет приборов пульта.

И тогда они увидели движущиеся жёлтые огоньки. Это светились в темноте глаза «черепах». Огоньки приближались. Громадные животные медленно и осторожно подходили к машине.

Люди обратили внимание, что на высоте метра от «земли» никаких глаз не было видно. Это означало, что либо сами венериане не хотели приблизиться, либо их глаза не обладали способностью светиться.

Вдруг красной точкой вспыхнул на щитке сигнал вызова. Коржевский наклонился к рации.

– Подождите! – шёпотом сказал он. – Они подходят к нам.

Неясные тени показались совсем близко. Люди не видели их. Им казалось, что шевелится сама темнота,

окружавшая машину. Светящаяся жёлтым огнём цепочка огромных глаз, словно вися в воздухе, надвигалась на них, охватывая вездеход полукругом. Точно тёмная стена заслонила собой темноту леса.

«Черепахи» находились в метре от машины. Каждое мгновение могло последовать нападение. Князев крепко сжал в руках рычаги управления...

Были ли с «черепахами» люди Венеры?..

В кабине стоял голубой сумрак. Звездоплаватели едва видели друг друга. Призрачный свет приборов не выходил наружу, но иногда люди замечали, как рядом с окнами мелькали смутно различимые тусклые отблески – блики света на блестящих розовых телах. Чуть слышный шорох доносился до их напряжённого слуха – «черепахи» ощупывали машину.

Коржевский неожиданно громко кашлянул. Сразу прекратился шорох. Жёлтые огни глаз отступили назад. Тёмная стена отодвинулась.

Биолог удовлетворённо улыбнулся. Венериане обладали тонким слухом. И они боялись вездехода.

Минуты две жёлтые огни глаз не приближались. Но, очевидно, полная тишина внутри машины успокоила озёрных жителей. Стена снова придвинулась. Однако шорох больше не раздавался. Венериане не осмеивались или не хотели опять дотронуться до вездехода.

Князев, Коржевский и Второв понимали, что обитатели планеты внимательно рассматривают их. Привыкшие к темноте глаза венериан должны были хорошо видеть все подробности внутри машины. Свет приборов не мог мешать им, – он был слаб.

Какой-то предмет вплотную приблизился к переднему окну. Князеву показалось, что это не что иное, как знаменитая линейка. Кто-то осторожно и тихо постучал в стекло. Через полминуты стук повторился.

Жёлтая цепочка глаз отодвинулась на несколько метров.

– Они приглашают нас выйти, – сказал Князев.

Коржевский и Второв молча посмотрели друг на друга.

Выйти из машины... Оказаться в полной власти этих непонятных существ... Правда, они не выказывают никаких враждебных намерений, но всё же... Кто их знает, что у них на уме. Может быть, они пытались поднять машину и, увидя, что это невозможно, выманивают из неё людей.

– Надо спросить Бориса Николаевича, – сказал Коржевский.

– Зачем? – было видно, как Князев пожал в темноте плечами. – Мы должны выйти, если хотим познакомиться с венерианами. Я выйду!

– Тогда лучше я, – возразил Второв, – на звездолёте ты нужнее.

– Это ещё вопрос, кто из нас нужнее. Но к чему этот спор? Никакой опасности нет.

– Ну так и разреши выйти мне...

– Пустите лучше меня, – сказал Коржевский.

Князев даже не повернул головы в его сторону. Он будто не слышал слов биолога.

– Хорошо, – сказал он. – Если тебе так хочется, Геннадий, то иди. Но я считаю, что надо зажечь прожектор.

– Это ослепит их.

– Мы направим луч его света вверх. Иначе ты не сможешь шагу ступить в такой темноте. Отражение света от ветвей и листьев даст тебе возможность ориентироваться, а им не мешает.

– Всё-таки лучше посоветоваться с Мельниковым, – вторично предложил Коржевский.

Он не был обижен невниманием Князева, хорошо понимая, что молодой механик, которому доверили начальство над экскурсией, боится рисковать единственным на корабле биологом. Объём ещё не выполненной работы был очень велик. Станислав Казимирович предложил себя почти машинально и больше не заикался об этом.

– Я не возражаю, – ответил Князев, – но Борис Николаевич не может не согласиться.

Мельников действительно ни слова не сказал против. Выслушав подробный, но очень короткий рассказ Коржевского, он только спросил, кто выйдет из машины.

– Геннадий Андреевич, – ответил Коржевский.

Несколько секунд Мельников молчал.

– Будьте ко всему готовы, – сказал он. – Пусть один из вас находится у прожекторов, а другой станет у пулемёта.

Пока шли все эти переговоры, венериане ещё дальше отодвинулись от вездехода. Они явно ждали.

Второв надел на себя шлем противогаза. Князев повернул штурвал прожектора и включил ток. Белый столб света взметнулся вверх. Высоко над головой вы-

ступил из темноты лесной свод.

Мгла рассеялась, – её сменил прозрачный полусумрак.

В двадцати шагах они увидели плотную толпу «черепах» и три фантастические фигуры венериан. Все головы наклонились, словно приветствуя гостей. Но было ясно, что венериане сделали это не в знак приветия, а просто спрятали глаза от блеска луча прожектора. Двое заслонили глаза рукой.

И ни одно из этих странных созданий не двинулось с места.

– Станьте у пулемёта, – сказал Князев Коржевскому.

Он считал эту предосторожность излишней, но так приказал им Мельников.

Биолог поднялся в башенку. Как и все члены экипажа «СССР-КСЗ», он хорошо владел всем находящимся в их распоряжении оружием.

Второв без малейшего колебания открыл внутреннюю дверь и прошёл в тамбур. Затем он вышел из вездехода и спокойно направился к венерианам.

Один из них двинулся ему навстречу.

«Черепахи» ходили подобно людям, передвигая ногами. Венерианин поступал иначе. Он не шёл, а прыгал. Помогая себе хвостом, он короткими прыжками приближался к человеку. В руках он нёс каменную чашу.

Коржевский и Князев с напряжённым вниманием следили за каждым движением венерианина. Одновременно они не выпускали из поля зрения двух оставшихся на месте и их грозную свиту.

Второв сделал только пять шагов и остановился.

Венерианину понадобилось больше двадцати прыжков, чтобы преодолеть оставшееся расстояние.

Человек Земли и «человек» Венеры сошлись вплотную.

Второв протянул руку.

Венерианин не взял руки. Он даже отскочил на шаг назад. Потом он протянул вперёд свою чашу и, дотронувшись ею до руки Второва, выпустил её.

Чаша упала на землю и разбилась.

Остальное произошло в несколько секунд.

Венерианин отскочил и поднял руки. Это было, очевидно, сигналом.

Пять «черепах» бросились вперёд на Второва.

Князев мгновенно повернул штурвал. Луч света, описав стремительную дугу, ударил прямо в глаза нападающим.

Словно споткнувшись, «черепахи» остановились.

Молодой механик почувствовал, что через секунду Коржевский нажмёт на гашетку. Свинцовый ливень обрушится на плотную массу розовых тел, сея смерть и увечья.

– Не стреляйте! – крикнул он, зажигая второй прожектор.

Но и одного было достаточно. Нападавшие «черепахи» упали на «землю», спрятав головы под панцири. Остальные повернулись спиной к машине. Венерианин подходивший ко Второву, «на четвереньках» прыгал к своим сородичам.

Геннадий Андреевич наклонился и подобрал обломки чаши. Потом он отступил, пятясь. Он не боялся

повернуться спиной к неожиданным врагам – прожектор создавал между ними непроходимую стену, а просто не мог стать лицом к вездеходу, от которого исходил ослепляющий свет.

Как только Князев услышал, что за Второвым закрылась дверца тамбура, он погасил один прожектор, а луч другого направил опять вверх. Он даже не подумал, что может следует дать задний ход и уйти от опасности. Он хотел знать, что будут делать венериане. Он не боялся их – свет был надёжной защитой.

– В чём тут дело? – недоуменно спросил Коржевский.

– Что случилось? – раздался из репродуктора встревоженный голос Мельникова. – Почему Станислав Казимирович хотел стрелять?

Князев рассказал обо всём, что только что произошло.

– Можно предположить, – закончил он, – что каменная чаша имела какое-то символическое значение. Геннадий Андреевич не успел её взять. Я это ясно видел. Чаша разбилась. Они поняли это как отказ принять дар. Мы ведь не знаем их обычаев. Может быть, по их понятиям это означает враждебные намерения или даже объявление войны. Кто их знает.

– Надо подобрать осколки и показать этим, что мы принимаем их подношение.

– Геннадий Андреевич так и сделал.

– А что венериане?

– Они отошли шагов на тридцать и как будто совещаются. По крайней мере, у них такой вид.

– Будьте крайне осторожны.

– Разумеется Борис Николаевич!

– Досадный случай! – сказал Коржевский. – Если бы Второв успел взять чашу, события могли принять чрезвычайно любопытный оборот.

– Они и так достаточно любопытны, – ответил Князев. – Даже слишком.

Венериане продолжали стоять на том же месте. Они не приближались к машине, но и не уходили. «Черепахи», все до одной, повернулись спиной к вездеходу. Трое венериан стояли тесной кучкой, и у них действи-

тельно был такой вид, будто они совещаются.

– Интересно! – сказал Коржевский. – Мне кажется, они думают, что наше единственное оружие – свет. Повернувшись спиной, они считают себя в полной безопасности.

– И в этом они правы, – сказал Мельников. – Свет – надёжное и достаточное оружие. Применить другое – жестоко и бесчеловечно.

– Вы правы, Борис Николаевич! – ответил Князев. – Эти существа не опасны. Против нас они бессильны.

Но прошло совсем немного времени, и он убедился, что ошибся в своей оценке.

Больше десяти минут положение оставалось прежним: вездеход не двигался, венериане тоже. Второв закончил «дезинфекционный» процесс и вышел из тамбура.

– Я действительно не успел взять чашу, – ответил он на вопрос Коржевского. – Не ожидал этого.

– А где обломки?

– Оставил в тамбуре. Рассмотрим на корабле. Что мы будем делать дальше? – обратился он к Князеву.

– Там увидим! Предоставим инициативу венерианам.

Ожидать «инициативы» пришлось недолго.

Где-то в задних рядах толпы красных панцирей произошло движение. Стоявшие впереди расступились в стороны, уступая дорогу чему-то, что в первый момент показалось людям неизвестной машиной. Вглядевшись пристальней, они поняли, что на них движется большой деревянный щит, сделанный из брёвен, скреплённых между собой чем-то вроде верёвок. Те, что его нёс,

были невидны.

– Открытие военных действий, – сказал Князев.

– Исключительно интересно! – воскликнул Коржевский. – Становятся очевидным, что на Венере есть различные племена и они воюют между собой. Никакого сомнения, – война им известна.

– Очень жаль, – заметил Второв.

Щит приближался. Намерения венериан не вызывали сомнений. Прикрываясь щитом от света, они хотели приблизиться к вездеходу вплотную.

– Нельзя отказать им в смелости, – сказал Коржевский, – наша машина должна вызывать в них страх, но его незаметно. Отчего это происходит? – Он рассуждал словно сам с собой, и так спокойно, точно никакая опасность им не угрожала. – Земные дикари не осмелились бы напасть на вездеход. Венериане либо гораздо умнее их, либо, наоборот, гораздо глупее и не сознают опасности...

– Создавать гипотезы будем на звездолёте, – прервал его Князев, – стойте у пулемёта, но без моей команды не стреляйте. Геннадий! Пересядь к заднему пульту.

– Может быть, лучше уйти от них?

– Я хочу выяснить их намерения. Убежать, мы всегда успеем.

Произнося фразу, он даже не подозревал, как скоро будет вынужден переменить своё мнение.

Чтобы узнать нравы, обычаи, характер и силу одного народа, другому народу всегда нужно было время. Особенно, если они встретились впервые. Если так обстояло дело на Земле, между родственными друг другу

существами, то насколько труднее обитателям одной планеты узнать обитателей другой.

Между людьми и венерианами общим был только разум. Во всём остальном они были совершенно различны. И только по внешнему виду, но, очевидно, и по восприятию мира. Люди не могли понять, почему незначительный с их точки зрения, случай привёл к такому резкому изменению отношения к ним со стороны хозяев планеты.

Венериане, по-видимому, действительно опасались только прожекторов. Понимали они, что представляют собой эти аппараты, или считали их живыми и опасными существами, оставалось неизвестным, но свои действия они направили именно против них. Люди поняли это слишком поздно.

Князев не сомневался, что «черепахи» повторят свой прежний манёвр – попытаются поднять машину и унести в озеро. Он был уверен что вездеход слишком тяжёл для них.

Но случилось иное.

Деревянный щит приблизился и остановился в четырёх шагах. Потом он упал на «землю», открыв гигантские фигуры венерианских «воинов». В лапах «черепак» были огромные камни.

Люди поняли всё, когда плотная мгла сменила недавний свет. Прожекторы были разбиты или сорваны чудовищной силой удара.

– Вперёд! – крикнул Князев.

Даже сейчас, при явном нападении, он не решился дать команду, которую ждал Коржевский.

Второв включил мотор. В крошечной тьме вездеход рванулся в сторону реки. Просека была прямой, но развить полную скорость ничего не видя впереди было нельзя. Они надеялись, что и на тихом ходу легко оторвутся от неуклюжих противников.

Глядя назад, Князев видел, что жёлтые огоньки глаз удаляются всё дальше и дальше. «Черепахи» остались на том же месте и не пытались преследовать машину.

И тогда ему неожиданно пришла в голову мысль, которая потом на звездолёте всеми была признана вероятной. «Венериане и не думали нападать на нас. Первые «черепахи», которые, как нам показалось, бросились на Второва, сильно пострадали от света, ударившего им прямо в чувствительные глаза. Возможно, что они совсем ослепли. И, не понимая причины, не зная, зачем нужны людям источники света, венериане отомстили прожекторам, как живым и враждебным существам. Они уничтожили их, возможно, полагая, что этим нисколько не вредят ни машине, ни тем, кто находится в ней. Что они знают о нас, если само существование иных, чем на их планете, условий жизни им совершенно неизвестно. Венерианам свет не нужен и чужд. Ведь даже луча Солнца они никогда не видели».

– Всё, что случилось, одно сплошное недоразумение! – вслух сказал Князев. – Но как поправить дело?

– Возвращайтесь на звездолёт, – приказал Мельников в ответ на рассказ, переданный по радио. – Тогда и подумаем, как нам поступить. Поскорее!

– Мы не можем двигаться быстро, не видя дороги.

– Дорога видна, – неожиданно сказал Второв.

Все, кто был в машине и на корабле, одинаково удивились, услышав эти слова.

– Как ты можешь её видеть? – спросил Князев.

– Смотри сам, – ответил инженер.

Внутренний свет в кабине, естественно, не зажигался. Вглядевшись в переднее окно, Коржевский и Князев заметили в нескольких шагах от вездехода слабо светящуюся полосу. Потом они увидели вторую – метрах в ста.

– Что это такое? – удивился Коржевский.

– Стволы, – ответил Второв, – те, что лежат вдоль просеки.

– Да, это они, – подтвердил Князев, – так вот, оказывается, для чего они здесь положены.

– Это даёт нам право думать, что венериане не так уж хорошо видят в темноте, – заметил биолог.

– Вероятно, – предположил Князев, – стволы очищены от коры именно потому, что она мешает им светиться в темноте.

Вскоре выяснилось назначение и тех брёвен, которые лежали не одиночно, а кучками. Они обозначали повороты дороги.

– Это изумительно! – восхищался Коржевский. – В ботанике эти деревья произведут сенсацию.

– Странно, что мы не заметили свечения штабеля на берегу. Они ведь тоже состоит из очищенных стволов.

– Мы видели его только днём или при свете прожекторов.

Загадочные брёвна лежали на одинаковом расстоянии друг от друга. Стоило проехать мимо одного, как

вдали светлой полоской появлялось следующее. Руководствуясь этими своеобразными указателями, Князев, сменивший Второва за пультом управления, уверенно вывел машину из леса.

Оказавшись на берегу реки, они легко убедились, что штабель действительно светился. Каждое бревно испускало слабый, слегка розоватый свет.

– Во что бы то ни стало надо захватить на Землю несколько таких деревьев, – сказал Коржевский.

– Ничего не может быть легче.

Над звездолётом взвилась огненная нить ракеты. На высоте ста метров она вспыхнула ярким светом и повисла на парашюте. По освещённому берегу вездеход полным ходом помчался к «дому». Через несколько минут он остановился у выходной камеры.

– Жаль! – сказал Князев. – Наша поездка окончилась бесплодно.

– Почему бесплодно? – возразил Второв. – «Черепашки» и венериане у меня здесь.

Он похлопал рукой по воронёной стенке кинокамеры.

Через несколько часов после возвращения машины Мельников собрал совещание в помещении центрального пульта.

Главная цель похода не была достигнута. О судьбе пропавших товарищей они ничего не узнали.

– Прошу всех высказать своё мнение, – скачал Борис Николаевич.

Первым взял слово Пайчадзе.

– То, что случилось, непоправимо, – сказал он. – Дальнейшие попытки считаю неразумными.

Один за другим шесть человек сказали то же самое.

– Присоединяюсь... – начал Мельников и вдруг замолчал, стремительно обернувшись.

Все услышали тихий, но хорошо им знакомый звук. Сработал один из автоматов пульта. Они увидели, как вспыхнула красная лампочка, соответствующая наружной двери нижней выходной камеры. Потом она погасла и загорелась зелёная. Стрелки приборов вздрогнули и задвигались. В камере начался дезинфекционный процесс.

Никто не двинулся с места. С побледневшими лицами члены экипажа смотрели на своего командира.

Что это значит?.. Кто может быть в камере?.. Все восемь человек были на пульте. Неужели?..

– Это один из них, – с трудом справляясь с голосом, сказал Мельников. – Больше никому.

Топорков вдруг кинулся к пульту и включил экран. Путаясь от волнения в ручках, он настроил его на левую от корабля сторону.

Все увидели совсем рядом с бортом тёмный предмет и сразу узнали его. Это был пропавший вездеход Белопольского.

ВЕНЕРИАНЕ

– ...Я не успел вскочить в машину, – закончил свой рассказ Романов. – Станислав Казимирович, кажется, успел. Хлынул ливень. Что было дальше, я не знаю. Очнулся в воде. Кругом было темно. Сначала мне показалось, что я свободно плыву, но потом почувствовал, что меня кто-то крепко держит. Совсем рядом горели в

темноте три огромных жёлтых глаза. Я понял, что это «черепаха» и что именно она держит меня и несёт куда-то. Я знал, что моя рация включена и стал звать на помощь. «Черепаха» вздрогнула от звука моего голоса, я это ясно ощутил, но не только не выпустила меня из лап, а сжала так крепко, что у меня кости затрещали. Тогда я замолчал и стал прислушиваться. Но ответа не было. Меня или не слышали, или, наоборот, я не слышал ответа. Повторить попытку я не решился. «Черепаха» могла меня раздавить, я и так еле дышал в её объятиях. Мне казалось странным, что вода не проникает в костюм. Оказывается, наши противогазовые костюмы водонепроницаемы. Ни одна капля не попала внутрь, и подача кислорода шла нормально. Но дышать было всё труднее, кружилась голова. Я понял, что это оттого, что я дышу чистым кислородом. Потом я увидел странный туннель с бревенчатыми стенами, от которых шёл розовый свет. Я убедился, что меня действительно несёт «черепаха». Она была совсем такой, каких вы нам описывали, Зиновий Серапионович. Отвратительное создание! Неужели это и есть венериане? Из туннеля меня пронесли в огромную пещеру, а затем сюда. Я никак не ожидал, что увижу вас здесь.

— Так же, как мы не ожидали увидеть вас, — хмуро ответил Белопольский. — Плохо, очень плохо! Трое членов экипажа попали в плен. На звездолёте осталось восемь человек. Я надеюсь, что Борис Николаевич никого больше не отпустит далеко от корабля.

— Они, безусловно, будут пытаться найти нас или, по крайней мере, наши тела, — сказал Баландин. — Обшарят

всё озеро и, в конце концов, найдут туннель.

– Если амфибия войдёт в него, это может закончиться катастрофой. Её захватят. Ах, если бы у нас были личные ракеты! Я категорически запретил бы всякие попытки. Позвольте, – воскликнул Белопольский, – ведь у вас, Василий Васильевич, есть ракета!

– Я уже сказал, что она почему-то не работает.

– Очень просто, – спокойно сказал Баландин, – не работает потому, что её нет.

– Как нет?!

Но маленького чёрного футляра портативной радиостанции действительно не было. Сиротливо висел оборванный провод.

– Проклятая «черепаха»! – сказал Романов. – Это она.

Стало ясно, что футляр был сорван в тот момент, когда животное схватило геолога.

– Теперь вся надежда на Мельникова, – сказал Белопольский, – он должен понять, что единственная его задача – это закончить программу работ и вернуться на Землю. Знакомство с венерианами завершит следующая экспедиция.

Константин Евгеньевич говорил таким тоном, словно его самого совершенно не касались последствия «предложенного» Мельникову плана. Было ясно, что Белопольский считал себя и своих двух товарищей безнадежно погибшими.

– Нельзя ли бежать отсюда? – спросил Романов. – Наши костюмы вполне пригодны для путешествия под водой. Мне кажется, что в этом помещении нет запоров.

– Зиновий Серапионович не может идти, – ответил

Белопольский.

– Только не думайте обо мне, – поспешно сказал Баландин. – Я не могу, но вы-то можете! Не будьте сентиментальны. Лучше погибнуть одному, чем троим.

– Всё равно, это совершенно невозможно. Стоит нам показаться в туннеле или на дне озера, и «черепашки» сразу увидят. Они тут же нас схватят, а может быть, и убьют. Нет! Если мы хотим, чтобы наша смерть не была напрасна, то надо действовать совсем иначе. Надо наблюдать, узнать как можно больше и всё записывать. Может быть, подвернётся случай отправить письмо в закупоренной бутылке. Когда станет ясно, что наши часы сочтены, сделаем попытку прорваться через туннель и выбросить её.

– Если Борис Николаевич будет придерживаться образа действий, который вы считаете самым разумным, то они никогда не найдут нашего послания, – заметил Баландин.

Белопольский посмотрел на профессора, и что-то вроде улыбки появилось на его суровом лице.

– Если будет... – сказал он. – К сожалению, в этом вопросе правы вы, а не я. Боюсь, что они будут нас искать. Но даже если и не будут, у нас есть надежда, что бутылку найдёт следующая экспедиция.

– Слабая надежда! – сказал Романов. – Я бы сделал попытку немедленно.

Они замолчали, каждый думая одну и ту же невесёлую думу. Положение было трагическим. Оторванные от товарищей, пленники неведомых венериан, они были совершенно беспомощны. Какую участь готовят людям

обитатели планеты? Что хотят сделать с ними?..

Белопольский сказал: «Ничего хорошего!» Но венериане до сих пор не причинили людям никакого вреда, и это невольно оставляло место для какой-то надежды. И каждый из них продолжал надеяться, вопреки вероятности. Таково уж свойство человека.

Прошёл час, второй, третий...

Белопольский ещё раз переменил повязку на ногах Баландина. Профессор со стоическим терпением переносил боль.

Никто не приходил.

Они изредка обменивались короткими фразами. Говорить было не о чем. Всё было достаточно понятно и достаточно скверно.

– Если бы нас взяли в плен на Земле, – сказал вдруг Баландин, – то любые, какие ни есть, дикари подумали бы о нашем питании. Венериане не могут знать, что у нас есть свои продукты. Мне это очень не нравится.

Ни Романов, ни Белопольский ничего ему не ответили.

Тревога, которую каждый старался скрыть от других, постепенно увеличивалась. Окружавшая тишина становилась невыносимой. Что бы ни ждало их впереди, они хотели только одного – чтобы скорее наступила развязка.

Прошёл ещё час, потом ещё...

Неожиданно Белопольский вздрогнул и стал прислушиваться.

– Кто-то идёт! – сказал он. – И это не «черепеха». Не те шаги!

Через открытую дверцу машины они слышали царапающие звуки. Они доносились из угла, где находился вход в куб. Кто-то, несомненно, поднимался по наклонной бревенчатой лестнице. Звуки не были похожи на тяжёлый топот огромных ног «черепаш». Брёвна не скрипели.

Белопольский запер дверцу. Стенки вездехода были их единственной защитой.

Трое людей молча ждали.

Вошли два существа, до такой степени странные, что звездоплыватели в первое мгновение подумали, что видят сон.

Это были отнюдь не «черепашки»...

С вытянутых вперёд голов смотрели по три чёрных глаза, расположенных не с боков, а спереди, в один ряд, — издали они казались чёрной повязкой. Розовые тела были плохо различимы в розовом сумраке.

Странные существа, точно сошедшие со страниц волшебной сказки, прыгали на двух ногах, помогая себе хвостом. В руках они несли: одно существо — каменную чашу, другое — что-то вроде деревянного блюда.

Онемев от изумления, Белопольский, Баландин и Романов молча следили за фантастическими фигурами. Они разглядели длинные гибкие пальцы, которыми кончались руки, выпуклые лбы над глазами, и все трое одновременно подумали, что видят перед собой венериан.

Так вот как выглядят подлинные хозяева планеты!

Венериане приблизились вплотную к вездеходу. Очевидно, они не опасались подойти к людям, хотя их

было только двое против трёх. Может быть, самая мысль об опасности не могла прийти им в голову.

– Наконец-то! – прошептал профессор.

Оба венерианина заметно вздрогнули. Сквозь стенки машины они явно слышали шёпот. Оба повернулись друг к другу, точно хотели обменяться мнениями. Но плоские губы остались недвижимы. Было такое впечатление, что венериане молча переглянулись.

Один из них, тот, который нёс блюдо, поставил свою ношу на пол и, протянув руку, постучал в стекло. Потом оба отступили на шаг, вернее, отпрыгнули.

Шесть тёмных глаз, казалось, следили за каждым движением пленников.

– Они хотят, чтобы мы вышли, – сказал Баландин.

– Хорошо, я выйду к ним.

Белопольский взялся за ручку двери. Он посмотрел на Романова и прибавил:

– Категорически запрещаю пользоваться оружием. Что бы ни случилось.

Открыв дверцу, он ступил на бревенчатый пол. Тотчас же венерианин с чашей прыгнул вперёд. Он был не больше метра ростом, и Белопольский рядом с ним казался огромным.

Они стояли друг против друга, почти вплотную.

Венерианин протянул чашу. Она была пуста. Белопольский взял её. Чаша была очень тяжёлой, и было непонятно, как это небольшое и хрупкое на вид существо могло держать её.

Венерианин чего-то ждал. Он не двигался с места и, казалось, пристально смотрел в глаза человеку. Второй

венерианин также не шевелился.

Чего они ждали?..

Белопольский держал чашу в руках, не зная, что делать дальше. Он чувствовал, что от его поведения зависит многое, но секунды бежали, а никакая спасительная мысль не приходила ему в голову.

Положение было явно затруднительным. Как угадать, чего хотят от него венериане?

Каменная чаша оттягивала вниз руки. Было тяжело держать её на весу. Прошла минута, и руки Белопольского невольно опустились. Чаша оказалась на уровне груди венерианина. Он взял её обратно.

Второй венерианин протянул деревянное блюдо, и, когда Белопольский принял его, оба повернулись и запрыгали к колодцу входа. Унося с собой таинственную чашу, они скрылись.

Белопольский, недоумевая, повернулся к товарищам, всё ещё держа блюдо в руках.

Что тут произошло? Что означала эта непонятная церемония с каменной чашей? Сделал ли он то, что нужно, или нет?..

– Раз они оставили нам блюдо, – сказал Баландин, – значит, всё в порядке. Они хотят нас накормить. Никогда не предлагают еду, если имеют враждебные намерения.

Деревянное блюдо было необычайной ромбической формы, с загнутыми внутрь полукруглыми краями. Оно было устлано мокрыми растениями, похожими на оранжевые водоросли. На них лежали три красноватые лепёшки.

– Рассмотрим их как следует, – сказал Белопольский, – всё равно нам надо что-нибудь съесть. Голод – плохой помощник в нашем положении.

Перед появлением Романова они с Баландиным собирались подкрепить силы, но так и не сделали этого.

Белопольский плотно запер дверцу и включил в работу дезинфекционную установку. Через полчаса воздух внутри машины очистился от углекислого газа и формальдегида. Установка была портативной, и неудивительно, что понадобилось много времени.

Все трое с удовольствием сняли прозрачные шлемы.

Баландин сразу же взял одну из принесённых венерианами лепёшек и поднёс её к носу.

– Её запах, – сказал он, – похож на запах сырой рыбы. Но всё же я не рекомендую их пробовать.

– Пока в этом нет нужды, – ответил Белопольский, – у нас есть своё. Употреблять пищу венериан без крайней необходимости не будем.

Блюдо упрятали под сиденьем. Было бы неосторожно оставить его снаружи. Венериане могли подумать, что люди отвергли их дар.

– Обратите внимание на водоросли, – сказал Баландин. – Блюдо тщательно выложено ими. Я бы сказал – любовно. Пищу для пленников, которых собираются убить, так не украшают. Это лишнее свидетельство их миролюбия и дружеских чувств.

– Возможно, что это так, – неопределённо ответил Белопольский.

Снова надев шлемы, открыли дверцу вездехода. Было крайне важно экономить кислород, да и хозяева могли в

любую минуту вернуться.

Опять потянулись часы ожидания. Венериане явно не торопились. Иногда казалось, что они совсем забыли о своих пленниках, так медленно шло время.

Часы Белопольского показывали двенадцать. Прошло шестнадцать часов с начала роковой экскурсии к озеру. Всю ночь люди не сомкнули глаз. Хотя все были сильно возбуждены, но усталость давала себя чувствовать.

Прошло ещё несколько часов без всяких перемен в положении. Наступал вечер. Никто по-прежнему не шёл к ним...

Все трое проснулись одновременно. Они не помнили, как заснули, но, посмотрев на часы, поняли, что проспали десять часов. Было утро 24 июля.

На полу возле машины стояло блюдо с лепёшками. Романов перенёс его в машину и поставил рядом с первым. Белопольский переменил повязку на ногах Баландина. Потом они позавтракали и приготовились ждать.

Часы шли за часами...

Наконец в два часа дня послышался шум. Трещали брёвна, доносился топот огромных ног. Десять «черепах» и три венерианина окружили машину.

Наступила решающая минута.

Зачем из пришло так много? Что они собираются делать?..

Один из венериан подскочил к машине и постучал в стекло. Люди уже знали, что это означает приглашение выйти.

Белопольский, внешне спокойный, вышел первым. За

ним Романов.

Но венерианин снова постучал. Он требовал, чтобы вышли все трое, это было совершенно очевидно.

Баландин не мог выйти. Обожжённые ноги при малейшем движении причиняли жестокую боль. Как объяснить это венерианам?..

Белопольский показал рукой на ноги профессора и отрицательно покачал головой. Но странное существо не поняло и продолжало стучать. Второй венерианин поднял руку. «Черепахи» приблизились. Положение становилось угрожающим.

Баландин сделал над собой невероятное усилие и попытался выйти, но со стоном упал обратно в кресло. Крупный пот выступил на его лице.

– Я не могу! – сказал он. – Лучше смерть!

Венерианин перестал стучать. Он повернул голову к двум другим, а те посмотрели на него. Можно было поклясться, что они говорят друг с другом, но не раздалось никакого звука, и плоские губы не шевельнулись. Если и был разговор, то он происходил молча.

«Обмен мыслями, что ли? – подумал Белопольский. – Или незаметная для нас мимика?»

Венериане «совещались» недолго. Один из них запрыгал к выходу. Остальные остались стоять возле машины, но больше не настаивали, чтобы Баландин вышел из неё.

Они чего-то ждали.

Близкое соседство огромных «черепаш», с их свирепыми мордами, где-то сверху нависшими над головами людей, неприятно действовало на обоих звездоплава-

телей, вынужденных оставаться на месте. Они не знали, можно ли им вернуться в машину.

Романов решился попробовать. Стараясь двигаться как можно медленней, он спокойно повернулся и открыл дверцу. Ни «черепахи», ни двое оставшихся венериан никак не реагировали. Тогда он вошёл в машину и сел на своё место.

Никакого угрожающего движения.

Белопольский последовал за геологом и даже запер за собой дверь. Ему тоже никто не помешал.

«Черепахи» опустились на четыре лапы и стали поразительно похожи на земных циниксов, только гигантских размеров. Они стояли неподвижно. Точно десять розово-красных беседок на четырёх столбах выросли на полу «комнаты».

Двое венериан короткими прыжками обошли вездеход кругом. Казалось, они внимательно осматривают его. Выглядевшая громадной в тесном помещении, машина нисколько не пугала их. Потом они отошли к стене и стали друг против друга. И снова у них был такой вид, что они беседуют. Но трое людей, следивших за ними, видели, что их губы по-прежнему не шевелятся.

– Если они разумны, – сказал Баландин, – а это очевидно так, то у них должен существовать язык. Мы знаем, что они умеют делать линейки, блюда, каменные чаши. Умеют строить дома. Всё это проявление творческой мысли. А она невозможна без обмена мыслями, то есть без языка. Они говорят друг с другом, но как это делается?..

Ни Белопольский, ни Романов ничего не ответили на это рассуждение. Сейчас им было не до теорий.

Ничего угрожающего в поведении венериан как будто не было, но людей угнетала полная неизвестность. Зачем и куда ушёл венерианин? Может быть, они решили заставить Баландина выйти из машины.

Чувства сострадания, жалости, милосердия не являются прирождёнными свойствами разумных существ. Всё это появляется только с цивилизацией. А какова степень цивилизованности венериан? Это было совершенно неизвестно.

За кого принимают их венериане? За разумных существ или за неизвестных животных? Сказал ли им что-нибудь внешний вид людей и их вездеход? Отдают ли они себе отчёт в том, сколь необычно то, что находится перед их глазами?..

«Не видя Солнца, они не могут знать о его существовании. Не видя звёзд, не знают о Вселенной, – думал Белопольский. – Мысль, что мы обитатели другого мира, не придёт им в голову. Что же они должны думать о нашем появлении на планете?»

Прошло минут двадцать...

Ушедший венерианин вернулся. Впрочем, тот ли это или другой – люди не знали. Все венериане казались им одинаковыми.

Короткими прыжками он подошёл к двум другим и будто что-то сказал им. Потом все трое повернулись к «черепахам».

Никакого звука не раздалось и на этот раз, но «черепахи», как по команде, поднялись на две ноги и, окру-

жив машину, взялись за неё огромными лапами. Без видимого усилия они подняли вездеход и понесли его к выходу. Венериане направились за ними.

– Никакого сомнения! – сказал Баландин. – Существует язык, и существует возможность отдавать распоряжения, которые понятны для «черепах». Только как они это делают?

Но и на этот раз он не дождался ответа от своих товарищей. Белопольский и Романов просто не слушали.

Снова их пронесли через проход и вынесли на «улицу».

Толпы «черепах», несколько часов тому назад сопровождавших вездеход, больше не было. «Город» казался пустым. Ни одного из его жителей не было видно.

«Черепахи» шли быстро. Через две-три минуты они снова спустились в «подъезд» и внесли машину с людьми в «комнату», которая была раз в десять больше первой. Здесь также не было ни одного окна. В домах без потолков они не были нужны: пол и стены испускали розовый свет.

У стены, противоположной входу, стояло примерно двадцать венериан.

«Черепахи» отнесли машину на середину помещения и поставили на пол. Потом они удалились. Сопровождавшие людей трое венериан также вошли в дом. Один из них постучал в стекло вездехода.

Белопольский и Романов тотчас же вышли. Баландин остался в машине.

Венериане ничем не протестовали против этого. Неужели они поняли, что человек не хочет, а не может

выйти? Всё, что произошло до сих пор, говорило в пользу такого предположения.

Венериане прыгнули вперёд, остановились и обернулись к людям. Смысл этого движения был ясен – они хотели убедиться, что люди следуют за ними.

Усилием воли звездоплаватели преодолели невольную нерешительность. Всё равно у них не было возможности не выполнить требования хозяев.

Венериане направились к группе, стоявшей у стены. Не доходя метров трёх, они остановились и снова обернулись. Один из них сделал рукой отталкивающий жест. Это могло значить только одно – «Остановитесь!»

Увидя, что люди поняли и не идут дальше, трое венериан смешались с другими. Теперь при всём желании нельзя было сказать, кто именно приходил за ними.

Прямо напротив Белопольского и Романова, обособленно от остальных, стояли два венерианина. Они были такими же, как другие.

Один из них обернулся назад. Тотчас же подали каменную чашу.

Опять на сцене появился этот таинственный символ, но люди уже знали, что следует делать, если венериане поднесут его.

Так и случилось. Венерианин сделал несколько прыжков вперёд и протянул чашу Романову, напротив которого случайно оказался. Молодой учёный принял дар и протянул его обратно. При этом он поклонился.

Венерианин взял чашу и передал тому, кто подал её с самого начала. Церемония прошла как будто так, как и следовало.

Жестом руки, совершенно таким же как у людей, венерианин пригласил обоих звездоплывателей идти за ним.

Стоявшие у стены расступились, и люди увидели вход. Это было квадратное отверстие, ничем не завешенное. За ним виднелась другая комната.

Оба венерианина прошли туда. Людям пришлось согнуться, так как высота двери была только немногим больше метра. Все остальные венериане остались в первом помещении.

За дверью оказалась небольшая комната, также без потолка. Её стены были сплошь закрыты длинными ветвями оранжевых, жёлтых и красных растений, сквозь которые проникал розовый свет. Это было красиво.

Посредине находилось низкое, не более шестидесяти

сантиметров высотой, возвышение, сделанное из брёвен. Его поверхность, тщательно отделанная, была гладкой и ровной. Возвышение напоминало стол без ножек. На нём стояла уже знакомая людям каменная чаша.

Возле стола они увидели трёх венериан. Один из них жестом пригласил звездоплавателей подойти к столу.

Белопольский и Романов подчинились желанию хозьев и сели возле стола на пол. Они понимали, что готовится длительная беседа, но не представляли себе, как она может произойти. Общего языка между ними, очевидно, не могло быть.

Венериане расположились стоя. Хвост давал им возможность устойчиво и, по-видимому, удобно обходиться без каких-либо стульев.

НЕМАЯ БЕСЕДА

Несколько минут длилось взаимное рассматривание. Обитатели двух планет, двух «сестёр», внимательно изучали друг друга.

Звездоплаватели молчали. Необычайность обстановки сжимала их сердца никогда не испытанным чувством какого-то особого, трепетного волнения.

Вокруг поднимались украшенные странными растениями бревенчатые стены. Исходивший от них розовый свет делал эти растения прозрачными, стеклянно хрупкими и почти нереальными. Высоко над головой нависал свод пещеры. На его неровных каменных выступах светлыми бликами играли лучи белого света,

исходившие неизвестно откуда. Призрачный полусвет комнаты скрадывал очертания предметов. Тускло блестящая гладкая поверхность стола, и стоявшая на нём каменная чаша, казалось, парила в воздухе.

А напротив себя, совсем близко, звездоплыватели видели фантастические головы с тремя глазами и тонкими плоскими ртами. Ни носа, ни ушей, ни волос. Никакой одежды. Обнажённая розовая кожа их рук и плеч при каждом движении отливала металлическим блеском.

Человекоподобные! Жители чужого мира! Венериане!..

Василий Романов на секунду закрыл глаза. Вот сейчас он откроет их и увидит белые стены госпитального отсека звездолёта. Всё это только плод его фантазии, бред воспалённого мозга. Он болен, и больное воображение вызвало перед ним неправдоподобное видение. Он откроет глаза, и видение исчезнет, как исчезает с пробуждением кошмарный сон...

Но «сон» не исчез, а продолжался.

Один из венериан наклонился и достал откуда-то из-за стола несколько пучков чего-то вроде тонкой верёвки и куски дерева различных размеров. Всё это он положил на стол. Его движения были гибки и эластичны. Руки венериан, по-видимому, не имели локтевого сустава.

Романов встряхнул головой и окончательно пришёл в себя. Фантастическая картина была реальной действительностью. Он видел рядом сосредоточенное, серьёзное лицо Белопольского.

Венерианин приступил к делу. На столе появилась извилистая линия, сделанная из верёвки. Параллельно ей легла вторая. Между ними он положил в шахматном порядке три ряда маленьких деревянных кубиков. Сбоку появился продолговатый брусок. Указав на него рукой, венерианин другую руку протянул к людям.

Звездоплаватели с напряжённым вниманием следили за каждым его движением. Они знали, что во что бы то ни стало должны понять смысл этих действий. Венериане хотели вести разговор с помощью рисунка. Не понять — это означало отказаться от надежды найти общий язык.

Оба склонились над столом.

Первым догадался Белопольский.

— Это изображение реки и плотины, — сказал он, — а брусок — это наш корабль.

— Место, где он стоит, указано правильно, — согласился Романов.

Белопольский положил палец на «макет» звездолёта, кивнул головой и вопросительно посмотрел на венерианина. Тот медленно наклонил голову. Черты его лица остались неподвижны.

Другой венерианин поставил рядом с «кораблём» три маленьких кубика. Одной рукой он указал на них, другой сначала на Романова, потом на Белопольского, потом на «дверь».

И это было достаточно ясно. Три кубика изображали трёх людей. Венериане спрашивали, сколько человек находится на корабле?

Ответить было не трудно.

Белопольский взял несколько кубиков (их подвинул к нему венерианин) и положил рядом с тремя кубиками ещё восемь.

«Разговор» пока что шёл успешно. Пятеро венериан были понятливы. Они ясно задавали вопросы и, очевидно, хорошо понимали ответы. Их умственное развитие было высоким. Белопольский подумал, что это, по всей вероятности, учёные Венеры, которые явились сюда на это озеро, когда им сообщили о том, что захвачены в плен неизвестные существа. Становилось понятным, почему людей так долго держали в одиночестве. Местные жители ждали «приезда учёной комиссии». Но откуда она явилась?..

Венериане убрали со стола «рисунки». Что они теперь спросят?

Очередной чертёж оказался более сложным и потребовалось много времени. На столе появилась целая карта. Река протянулась наискось через весь стол. (Один из венериан отодвинул стоявшую на нём чашу на самый край.) Плотины и звездолёт оказались в углу. Рядом с плотиной венериане изобразили контур озера и даже тонкой верёвочкой показали лесную просеку. Она была прямой и, очевидно, изображала не ту, которая была найдена Белопольским. В противоположном конце стола они поместили контур другого озера, гораздо больших размеров. Рядом появились большие куски дерева. Река заканчивалась у этого озера.

– Эти большие куски, по всей видимости, изображают горы, – сказал Белопольский. – Это горное озеро, где берёт начало река. Но что они хотят этим сказать? Пока я ничего не понимаю.

– Я тоже, – сказал Романов.

Долго ждать не пришлось. Вскоре всё стало ясно и достаточно страшно.

Венерианин взял три маленьких кубика и положил их возле изображения озера, где они находились. Он дал понять, что эти кубики изображают трёх людей. Потом он взял их в руку и перенёс к другому, горному озеру.

Белопольский и Романов всё поняли. Это было ужасно и грозило им быстрой смертью. Венериане собирались перетащить своих пленников к горам.

Было необходимо во что бы то ни стало объяснить им положение.

С лихорадочной быстротой Белопольский соображал как ему поступить. Венериане, по-видимому, не пони-

мают, что люди не могут дышать воздухом их планеты. Они, конечно, видят, что на головах пленников надеты шлемы, не являющиеся частями их тела. Но смогут ли они понять назначение этих шлемов?

Белопольский принялся объяснять. Употребив в дело все свои мимические способности, он старался показать, что без шлемов они дышать не могут. Романов старательно помогал ему. Со стороны они оба выглядели в этот момент довольно комично.

Венериане внимательно следили за всеми их движениями. Но поняли они что-нибудь или нет, оставалось неизвестным.

Один из них обошёл стол и, подойдя к Белопольскому, взялся за его шлем руками. Он медленно тянул его вверх, словно желая снять.

Белопольский отрицательно качал головой и очень осторожно оттолкнул от себя венерианина.

Тот не возобновил попытки и вернулся на своё место. Все пятеро повернулись друг к другу. Их плоские губы не шевелились, но было совершенно очевидно, что между ними происходит какой-то разговор. Всё, что происходило до сих пор, с несомненностью доказывало, что венериане обладают даром речи и могут высказывать друг другу свои мысли. Но как и чем они говорят — оставалось абсолютно непонятным.

«Разговор» продолжался недолго. Один из венериан опять взял три кубика, положил их на контур озера и снова перенёс к горам. Венериане повторили свою угрозу. Стало ясно, что они ничего не поняли.

Белопольский усилием воли заставил себя успоко-

иться. Он решительным движением перенёс три кубика обратно на прежнее место. Потом перенёс их к «макету» звездолёта и, взяв его в руку, вместе с кубиками, поставил у горного озера.

Романов повторил всю операцию.

Им обоим казалось, что венериане не смогут на этот раз не понять их. Просьба была достаточно ясна – они вернутся на корабль, и он со всем экипажем перелетит к горам. Они с волнением ждали, что ответят венериане.

Опять начался немой разговор. На этот раз он продолжался долго.

Люди молча ждали. Их жизнь и смерть зависели от степени сообразительности хозяев планеты.

Наконец венериане снова повернулись к людям. Они убрали со стола «карту» реки и стали «рисовать» что-то новое.

– Нам необходимо вернуться в машину, – тихо сказал Белопольский, – и перезарядить баллоны.

Романов кивнул головой. Уже больше трёх часов они не возобновляли запаса кислорода, и он подходил к концу.

– Мы можем просто уйти отсюда, – сказал Романов, – нас никто не держит.

– Это опасно. Они могут неправильно понять наш поступок. Подождём немного. Они хотят что-то спросить.

На столе появился тот же «рисунок», который был уже один раз «нарисован», – река с плотиной на ней, звездолёт, лесная просека и озеро. Но рядом с озером венериане на этот раз изобразили ещё и пещеру. По их

рисунку она была почти так же велика, как и озеро. В пещере они положили три кубика, которые, как уже было известно, изображали трёх людей. Потом один из венериан положил руку на каменную чашу и указал на «макет» звездолёта.

Белопольский и Романов ничего не поняли.

– Вероятно, они говорят этим, что отпускают нас, – предположил Романов.

– Вряд ли! Совсем не похоже.

Белопольский взял кубики и перенёс их к «макету» корабля. Венерианин вернул их обратно и снова дотронулся рукой до чаши.

«Разговор» зашёл в тупик.

Три раза подряд венериане повторяли одно и то же. Романов в отчаянии посмотрел на своего командира.

Белопольский напряжённо думал. Понять было необходимо.

Когда венерианин в четвёртый раз настойчиво повторил те же движения, ему показалось, что он уловил их мысль. Он вспомнил, как им самим два раза подносили таинственный символ. Не спрашивают ли венериане – могут ли они поднести чашу тем, кто остался на корабле, не встретят ли их там враждебно?

– Скорей всего, это именно так! – обрадовано сказал Романов, когда Белопольский поделился с ним своей догадкой.

Константин Евгеньевич положил возле «звездолёта» восемь кубиков. Потом он указал на них и положил руку на чашу.

Венерианин точно повторил его движения. Было яс-

но, что Белопольский правильно понял вопрос и что венериане, в свою очередь, правильно поняли его ответ.

Так казалось и людям и венерианам.

Привычные понятия и представления всегда выглядят простыми и общеизвестными. Каждый разум стремится наделить другое существо разумом параллельным.

Люди думали, что поняли назначение каменной чаши как символ мира, как своеобразный способ выражать дружеские чувства. Ответы венериан казались им подтверждением этого. Люди Земли, они невольно наделяли венериан земным разумом и придавали их поступкам земной смысл. Их ошибке немало способствовала форма чаши, хорошо им знакомая. Не замечая, что путают форму с содержанием, они не смогли даже заподозрить истинного назначения каменного сосуда.

Венериане также ошиблись, и ошиблись по той же причине. Жители Венеры, они приписывали своим гостям привычные им самим понятия о предмете и, по-своему воспринимая их «ответы», решили, что люди поняли их и согласны удовлетворить просьбу, которая на самом деле осталась для людей совершенно неизвестной.

Но всё это стало ясно только впоследствии. Теперь же как гости так и хозяева были вполне удовлетворены достигнутым успехом. И те и другие считали, что добились полного взаимопонимания в вопросе о каменной чаше.

Венериане жестами пригласили людей следовать за собой и вернулись в большой «зал» к вездеходу.

Баландин встретил их радостно. Долгое ожидание и тревога измучили его. Ведь он не знал, куда и зачем увели его товарищей, не знал, что с ними сделали. Увидев обоих живыми и невредимыми, он облегчённо вздохнул.

Белопольский и Романов поспешили войти в машину. Они чувствовали, что кислород кончается. Дышать становилось трудно. Хотя и очищенный фильтрами противогазов от углекислого газа и формальдегида, воздух Венеры не годился для дыхания, – кислорода в нём было недостаточно.

Пятеро венериан окружили машину. Все остальные куда-то исчезли.

– Они ушли сразу, как только ушли вы, – сказал профессор. – Здесь всё время никого не было.

Зарядить наспинные баллоны кислородом было делом нескольких минут. Венериане следили за всеми действиями людей и поминутно поворачивали головы друг к другу, словно делясь впечатлениями.

– Говорят они? – спросил Баландин.

– Нет, – ответил Белопольский, – только жестами.

Он рассказал о способе разговора и его результатах.

– Что они с нами сделают?

– Я уже сказал – перетащат к горам. Все наши старания объяснить, что нам нечем дышать, не увенчались успехом. Они нас не понимают.

– И вы примирились с этим?

Белопольский пожал плечами.

– Сейчас они собираются пойти к звездолёту, – сказал он вместо ответа, – и проделать церемонию с чашей.

Я надеюсь, что наши друзья догадаются, как надо поступить.

– Может быть, возможно отправить с ними записку?

– Именно об этом я и думаю. Надо попробовать.

Белопольский и Романов снова вышли из машины. Её дверцу они оставили открытой, желая показать, что относятся к венерианам с полным доверием. Константин Евгеньевич подошёл к одному из них и жестом пригласил его пройти в «комнату» со столом.

Венерианин понял и тотчас же пошёл туда. Белопольский захватил с собой карандаш и блокнот.

Подойдя к столу, он нарисовал на листке тот же план, который два раза изображали венериане, – реку с плотиной, звездолёт и озеро. Потом на другом листке написал короткое письмо Мельникову.

Венерианин с видимым интересом следил за его действиями. Потом осторожно потрогал рукой блокнот и карандаш.

Белопольский принялся объяснять, что записку надо доставить на звездолёт. Несколько раз подряд он указывал на неё и на изображение корабля. Потом положил записку внутрь чаши.

Венерианин замер. Он смотрел на чашу, и Белопольскому показалось, что его поза выражает напряжённое ожидание.

Чего он ждал?..

Так прошла минута.

Внезапно венерианин кинулся к чаше и, вытащив записку, бросил бумагу на стол. Этот жест мог означать презрение, негодование или просто отказ выполнить

просьбу. Может быть, человек оскорбил его, положив посторонний предмет в священный сосуд? Как угадать, если на лицах венериан не отражалось никаких чувств? Если они всегда были совершенно неподвижны?

Но почему он не сразу вынул бумагу из чаши? Почему он чего-то ждал?..

Белопольский был убеждён, что попытка не удалась. Венериане не доставят записку.

И вдруг странное существо взяло бумагу в руки. Другой рукой показало на рисунок и затем на чашу.

Неужели он всё-таки согласен?

Белопольский кивнул головой и снова повторил своё объяснение. Венерианин в точности повторил все его жесты. Снова возникла надежда, что записка будет доставлена. Очевидно, её нельзя было класть в чашу, и только.

Белопольский подумал, что как бы мало ни были похожи друг на друга разумные существа различных планет, они всегда могут найти способ обмена мыслями.

Венерианин ещё раз показал на записку и на изображение корабля на рисунке. Это было уже вполне убедительно – он согласен.

Но кто доставит записку? Если «черепашка», то по пути к звездолёту она неизбежно пройдёт под водой. Как оградить письмо от её воздействия? Стекло могла разбиться.

Белопольский не колебался. Он вынул из кармана золотой хронометр. Это был подарок его учителя – знаменитого русского астронома, – и Константин Ев-

геньевич никогда не расставался с дорогой ему вещью. Но выбора не было: приходилось рискнуть часами. Он сложил бумажку и положил её под двойную заднюю крышку. Часы закрывались плотно, и вода не могла проникнуть в них. Потом он протянул хронометр венерианину.

Но тот не взял. Он смотрел на часы и, казалось, боялся до них дотронуться. В чём дело?

Белопольский вспомнил, что венериане обладают тонким слухом. Не беспокоит ли его тиканье часов? Скорее всего так. Но как остановить их? Даже находясь в плену, Белопольский утром завёл пружину.

И снова он ни минуты не колебался. Открыв заднюю крышку, он пальцем надавил на маятник. Рубиновый молоточек сломался – часы остановились.

На это раз венерианин взял непонятный ему предмет. При этом он в третий раз указал на изображение звездолёта.

Белопольский облегчённо вздохнул. Записка будет доставлена, на корабле узнают, что с ними случилось и где они находятся. Остальное будет зависеть от Мельникова. Белопольский был уверен, что его заместитель окажется на высоте положения.

Они вернулись к машине.

Часы остались лежать на столе. Там же Белопольский оставил карандаш и блокнот. Он видел, что эти предметы очень заинтересовали венерианина.

Романов встретил его новостью.

– Они просят показать им наш вездеход в движении, – сказал он.

— Что ж! — ответил Белопольский. — Это вполне понятно. Исполните их желание. Комната достаточно велика, и машина может сделать круг. Только не вздумайте зажигать прожектор.

Романов сел за рули управления. Белопольский остался с венерианами и жестом объяснил им, что надо отойти к стене. Они послушно выполнили его указание. Язык жестов пока что с успехом заменял слова. Это происходило потому, что основные жесты существ, наделённых разумом и руками, не могут сильно отличаться. Они не выдуманы, а подсказаны природой.

Вездеход двинулся вперёд. На бревенчатом полу его гусеницы подняли невероятный грохот.

Венериане схватились руками за нижнюю часть головы, возле самой шеи. Очевидно, именно там помещались их органы слуха, судя по всему очень чувствительные.

Все пятеро повернулись лицами к стене.

Белопольский понял, что означает это движение. Он бросился к машине.

— Остановитесь! — крикнул он Романову.

Вездеход замер на месте. Грохот прекратился.

— Они не могут вынести такого шума, — пояснил Константин Евгеньевич, — у них чувствительные уши.

Венериане снова подошли к машине. Казалось, что они осматривают её ещё более внимательно, чем раньше.

Один из них направился к выходу из «комнаты». Четверо оставшихся «попросили» Белопольского войти в машину. Он повиновался, недоумевая.

Что случилось? Куда ушёл венерианин?

Каждая перемена в поведении венериан невольно вызывала тревогу. Люди всё время находились на грани жизни и смерти. Понимая, как они думали, жесты своих тюремщиков, они совершенно не понимали их психологии и образа мыслей. Угадать их намерения в каждом отдельном случае было невозможно. Как внешний облик «людей» Венеры отличался от людей Земли, так и их поступки должны были отличаться от поступков людей. Всё было неизвестно: нравы, обычаи, восприятие окружающего, самый способ мышления, всё было таинственно.

Минут через десять венерианин вернулся. С ним было десять «черепаш». Подняв машину, они понесли её к выходу. Пятеро венериан остались в «доме», и трое людей почувствовали ещё большую тревогу. Присутствие хотя и непохожих на них, но несомненно высокоразумных существ действовало успокаивающе. С «черепашами» у людей не было ничего общего. Как-то невольно звездоплывателям казалось, что, находясь рядом с венерианами, они в безопасности. Это убеждение объяснялось тем уважением, которое человек привык показывать разуму, в какой бы форме он ни проявлялся. От разума естественно ожидать «человечности».

«Черепашки» миновали проход и вышли на «улицу».

Куда они несли вездеход? Это вскоре выяснилось. Через несколько минут перед ними появился знакомый «дом». «Черепашки» поставили машину на прежнее место, и одна за другой исчезли.

Снова вокруг замкнулись голые стены тюрьмы.

– Если они оставят нас здесь ещё на сутки, мы погибли, – сказал Белопольский.

ТАЙНА КАМЕННОЙ ЧАШИ

Продукты питания подходили к концу. Но, что было ещё страшнее, к концу подходили запасы кислорода. Звездоплаватели начали последний резервуар. При самой жёсткой экономии его могло хватить на двенадцать часов, если дышать, в основном, воздухом Венеры.

Уже пятнадцать часов они находились в «тюрьме». Учёные Венеры, казалось, забыли о них. Никто не приходил, кроме двух венериан, которые два раза принесли людям «рыбные» лепёшки.

Это показывало, что венериане как-то заботились о своих пленниках и не хотели, чтобы они умерли с голоду. Но было ясно, что о самом главном вопросе – дыхании, они нисколько не думали.

– Сегодня! – сказал Белопольский.

Баландин и Романов промолчали.

Да! Сегодня всё будет кончено! Раньше чем наступит ночь они будут мертвы.

Белопольский ждал смерти с олимпийским спокойствием. Он считал, что сделано всё, что можно было сделать в их положении. Если венериане доставили письмо, Мельников предупреждён. Звездолёт вернётся на Землю, и люди узнают о том, что Венера населена разумными существами. Будет организована большая экспедиция, которая обследует пещеру, найдёт горное

озеро и раскроет все тайны. Белопольский находил утешение в этой мысли, – их смерть будет не напрасной. Он был твёрдо уверен, что Мельников не послушается его приказания и не предпримет безумной попытки проникнуть в пещеру. Это могло привести только к новым жертвам.

Баландин тоже покорился своей участи, но по другой причине: обожжённые ноги причиняли ему жестокие страдания, и он почти с удовольствием думал, что скоро избавится от мучительной боли. Пикриновая кислота больше не помогала. Раны почернели и нагноились. Профессор находился в таком состоянии, что не думал ни о чём, кроме близкого избавления от пытки.

Романов, молодой и здоровый, не мог рассуждать так спокойно. Он хотел жить и предлагал один за другим самые фантастические проекты спасения. Белопольский выслушивал его внимательно, но неизменно разбивал все иллюзии.

Холодная логика начальника экспедиции приводила Романова в отчаяние. Он не знал, что Константин Евгеньевич давно обдумал и хотел осуществить последнюю попытку спасти именно его. Для этого надо было дожидаться, когда венериане осуществят свою угрозу и отправят пленников к горному озеру. Было вполне вероятно, что они не заставят людей выйти из вездехода, а понесут его, как делали это до сих пор. Дорога могла быть только по реке.

Но время шло, а венериане ничего не предпринимали. Белопольский опасался, что его замысел не успеет осуществиться – кислород кончится раньше, и Рома-

нову придётся разделить участь их двоих. Белопольский с грустью и щемящей жалостью думал об этом.

Часы, вделанные в пульт машины, показывали половину десятого утра, когда они услышали, наконец, что приближаются «черепахи». Звук их шагов нельзя было спутать с лёгкими прыжками венериан.

Вероятно, начинается путешествие к горам, – сказал Белопольский, – очень хорошо! Это всё, чего я желаю.

Баландин не слышал, он был почти без сознания. Романов удивлённо посмотрел на Белопольского, не понимая смысла его слов. Что хорошего могло быть в том, что вездеход или их самих потащат куда-то к далёким горам?

В помещение вошло десять «черепах». Как всегда, без видимого усилия, они подняли машину и вынесли её на «улицу».

Белопольский ожидал, что они повёрнут к туннелю, пройдут через озеро и дальше направятся к реке. На её берегу он намеревался пустить на полную мощность двигатель вездехода и тем самым связать руки носильщикам. Романов воспользуется этим и попытается бежать, применив, в случае необходимости, оружие. Он сам поможет ему – работой мотора, светом прожектора и оружием.

Шансов на успех было, правда, немного, но другого способа Белопольский не находил. О себе и Баландине он не заботился. Профессор всё равно не мог бежать, а оставить его одного в жертву ярости «черепах» для Белопольского было совершенно невыносимо. Если спасётся самый молодой из них, то и на том спасибо, –

он думал так.

Но «черепахи» не пошли к туннелю. Они повернули вглубь пещеры, прошли знакомым уже путём и доставили людей в тот же самый «дом», в котором были вчера.

Снова они увидели большой «зал», и снова возле «двери» стояло «человек» двадцать венериан.

«Черепахи», поставив вездеход на пол, удалились.

Никто не подходил и не предлагал выйти. Венериане как будто ждали.

Не зрением, а смутным ощущением, шестым чувством, Белопольский заметил, что венериане держатся не так, как прежде. Ему показалось, что они смотрят на машину и на людей враждебно. Он не мог бы объяснить, отчего такая мысль пришла ему в голову, но почему-то был уверен, что не ошибается. Что-то случилось, и это «что-то» было неблагоприятно для них.

Венериане не подходили.

Белопольский решил пойти навстречу неизвестности. Ожидать, ничего не предпринимая, было невыносимо.

– Оставайтесь в машине, – сказал он Романову, – я постараюсь выяснить, чего они ждут.

Выйдя из вездехода, он прямо направился к венерианам.

Они расступились при его приближении, открыв дорогу к «двери». Белопольский, не колеблясь, прошёл в «комнату» со столом. Трое венериан пошли за ним.

Ничто, казалось, не изменилось в этом помещении. Так же висели на стенах хрустально-прозрачные растения, освещённые сзади розовым светом. Стол имел

тот же вид, но Белопольский сразу заметил, что каменной чаши на нём не было. Не было ни блокнота, ни карандаша, ни его хронометра. На столе лежали три каких-то обломка.

Венериане, с помощью верёвок, кубиков и брусков быстро «нарисовали» карту. Это был всё тот же «рисунок», изображавший реку, просеку, звездолёт и озеро. Рядом с «макетом» корабля они поставили восемь кубиков.

Белопольский отметил про себя, что венериане не забыли число членов экипажа.

Потом один из венериан взял три кубика и перенёс их на изображение лесной просеки. У звездолёта осталось пять.

Что это значит?..

Неужели трое звездоплавателей предприняли разведку к озеру и попали в руки венериан?.. Белопольский почувствовал мучительную тревогу. Неужели Мельников не исполнил его приказа?

Венерианин указал рукой на три кубика, а другую протянул к обломкам, по-прежнему лежавшим на столе. Внимательно приглядевшись к ним, Белопольский понял: это были обломки каменной чаши.

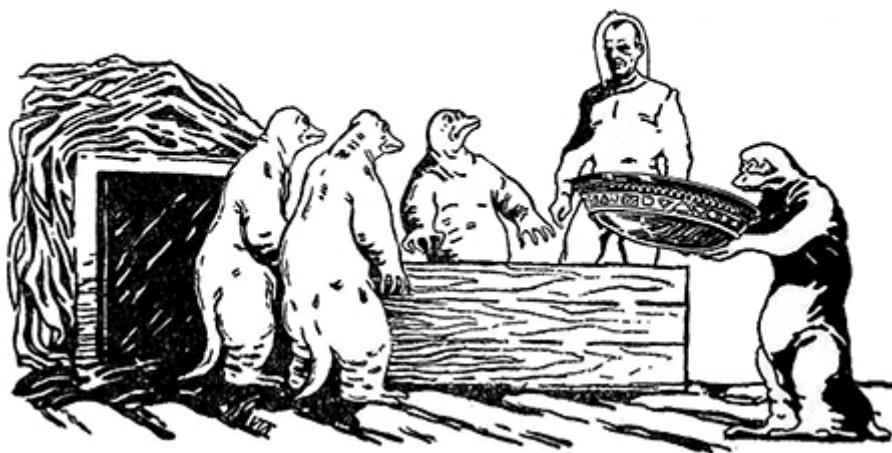
Что случилось? Что произошло на просеке, где, очевидно, венериане встретились с тремя людьми? Почему символ мира и дружбы разбит?.. Венерианин явно хотел сказать, что чашу разбил человек.

Белопольский не допускал мысли, что его товарищи могли намеренно совершить такую неосторожность. Что-то крылось за этим. Было ясно, что он не ошибся,

что венериане, действительно, переменили своё отношение к людям, и переменили именно после того, как чаша была разбита. Как разобраться во всём и восстановить прежние отношения?

Венериане пришли ему на помощь.

Один из них повернул голову к двери. Он не крикнул, не издал никакого звука. Но тотчас же, словно в ответ на неслышное приказание, из большого «зала» появился венерианин и поставил на стол другую чашу, в точности похожую на первую.

Белопольский почувствовал, что окончательно запутался. Он ничего не мог понять. Если у венериан есть несколько чаш, то почему они так разгневались из-за потери одной? Что означает, в конце концов, этот странный предмет, которому венериане, очевидно, придают столь большое значение?..

Один из венериан указал одной рукой на чашу, а

другую протянул к стоявшему напротив них человеку. Его вид был очень красноречив. Он что-то приказывал. И этот приказ относился к каменной чаше.

Белопольский почувствовал, как на его лбу выступил холодный пот. Чего хотят от него венериане? Что он должен сделать?

Он вспомнил вчерашний «разговор», и ему показалось, что он по-новому понял его смысл. Венериане и вчера могли требовать того же самого, что и сегодня. Потом они могли согласиться, чтобы это требование было выполнено на звездолёте. И вот их постигла неудача – чаша была разбита. По чьей вине это произошло, сейчас неважно. Они решили добиться цели у него. Но в чём заключалась эта цель? Что им нужно?

Белопольский привык владеть своими нервами. Он заставил себя успокоиться и хладнокровно подумать.

Всё дело, очевидно, заключалось в каменной чаше. С ней надо было что-то сделать. Неужели не удастся выяснить это у венериан? Ведь вчера он сумел с ними договориться.

«Суммируем всё, что известно, – подумал он. – Два раза венериане подносили нам чашу и принимали обратно. Это могло означать, по их понятиям, что мы согласны исполнить просьбу. Потом они поняли нас так, что просьба будет выполнена на корабле. Потерпев неудачу, неважно, по какой причине, они хотят, чтобы её выполнил я, здесь, на месте».

Белопольский взял чашу в руки. Венериане не препятствовали ему, они ждали.

С необычайной отчётливостью мысли Белопольский

обдумывал, что делать дальше. Вернуть чашу? Конечно нет! Взять её в машину? Не то! Положить в неё что-нибудь? Он вспомнил, как венерианин выбросил положенную им записку. Опять не то!

Что же тогда?..

Белопольский внимательно осмотрел каменный сосуд.

Тусклый розовый свет мешал ему. Но всё же он заметил, что на внешней стороне чаши имеются какие-то украшения, какая-то резьба.

Он вгляделся, напрягая своё острое зрение, и увидел...

Что это?..

Мгновенным видением промелькнули перед ним мрачные чёрно-белые скалы Арсены... Круглая котловина... Гранитные фигуры... Октаэдры, додекаэдры, кубы...

Именно они были изображены на каменной чаше принадлежавшей венерианам.

Белопольский поднял голову. Напротив себя он увидел венериан. Они?.. Нет, это было невозможно! Венериане – и межпланетный полёт... Ничего общего!

Это была случайность. Странная случайность!

Но ведь он может спросить...

Белопольский указал пальцем на вырезанные на чаше фигуры.

Венерианин повторил его жест и указал на него самого. Двое других сделали то же самое.

Дикая мысль пришла в голову Белопольскому. Уж не хотят ли венериане сказать, что чаша принадлежит

людям? Что именно люди её сделали?

А если не люди, то... Да, конечно, это так!

Учёные знают такие мгновения. В запутанном лабиринте бьётся пытливая мысль, ища разгадки. И вдруг ослепительным светом вспыхивает в мозгу правильное решение, и всё, что казалось тёмным и загадочным становится ясным.

Белопольский понял...

Каменные чаши сделаны не венерианами. Кто-то очень давно принёс их на Венеру. Кто? Те же, кто поставил гранитные фигуры на Арсене. Из поколения в поколение передаётся память о неведомых пришельцах. Венериане думают, что чаши оставили им люди Земли, вторично посетившие их планету. Конечно, они не знают о существовании Земли, не знают, откуда и зачем явились к ним тогда и теперь непохожие на них существа, обладающие неведомой им техникой. Но они хотят, чтобы им вернули то, что представляли собой эти чаши в далёком прошлом и что, несомненно, забыто или, скорее всего, утеряно ими.

Для чего же служили эти чаши? Весь вопрос заключался теперь только в этом.

Белопольский взял в руку один из обломков разбитой чаши.

Внешняя сторона была, безусловно, каменная, но на внутренней он увидел слой какого-то вещества. Оно было твёрдо, но это был не камень. Обследовав ещё раз чашу, он убедился, что и её внутренняя полость покрыта тем же веществом.

Здесь, и только здесь таилась – разгадка!

Белопольский показал, что хочет вернуться к вездеходу. Венериане поняли и пошли за ним. Один из них захватил с собой чашу.

Зал был полон венерианами. Вероятно, их было не менее двухсот.

Подойдя к машине, причём венериане поспешно расступались перед ним, Белопольский рассказал товарищам обо всём, что пришло ему в голову, и показал захваченный с собой обломок.

– Помогите разгадать загадку до конца, – попросил он.

Романов взял обломок. Несмотря на молодость, геолог был опытным и разносторонним учёным. Он сразу понял, что перед ним не природное вещество, а искусственный сплав. Его цвет был темно-серым.

– Это напоминает термит, – сказал он.

– Термит!..

Белопольскому показалось, что его оглушили обухом по голове.

Огонь!..

В чаше горел огонь. Огонь был оставлен венерианам неизвестными звездоплавателями, и венериане потеряли его. Они не умели сами получить огонь, но память о нём сохранилась у них, и они просили зажечь его снова.

Так, именно так! Разгадка найдена.

– Чем можно зажечь его? – спросил Белопольский, указывая на обломок.

– Если это слой термита, – сказал Романов, – то он должен был давно выгореть. Термит горит быстро.

– Это вещество не земного происхождения. Возможно, что это совсем не термит. Но оно должно гореть.

– Термит поджигается магнием, – сказал Романов. – У нас его нет. Но у Второва он, конечно, есть.

– Это не термит, – повторил Белопольский, – нет ли у вас спичек?

– Конечно нет. Но у нас есть аккумуляторы.

– Скорее! – нетерпеливо сказал Белопольский.

Аккумуляторы дают постоянный ток. При достаточно высоком напряжении получить с его помощью огонь проще простого. Для этого достаточно приблизить друг к другу два, проводника, соединённые с полюсами аккумулятора. Между ними появится вольтова дуга. От неё легко зажечь щепку или бумагу.

– Осторожнее! – сказал Романов, когда в руках Белопольского ярким пламенем вспыхнул листок из блокнота. – Если это всё-таки термит, появится очень высокая температура.

Как только вспыхнуло пламя, венериане поспешно отошли от машины. Было ясно видно, что они испуганы. Тот, который держал в руках чашу, быстро поставил её на пол и отступил вместе со всеми.

– Они знают, что произойдёт, – сказал Романов. – Ради всего святого, осторожнее!

– У нас нет выбора!

Белопольский поднёс горящую бумагу к чаше. Бросить её он не решился. Бумажка могла погаснуть, а кто знал, что последует в случае неудачи.

Пламя бумаги коснулось внутренней поверхности чаши... Короткая вспышка!.. Облачко дыма взлетело и

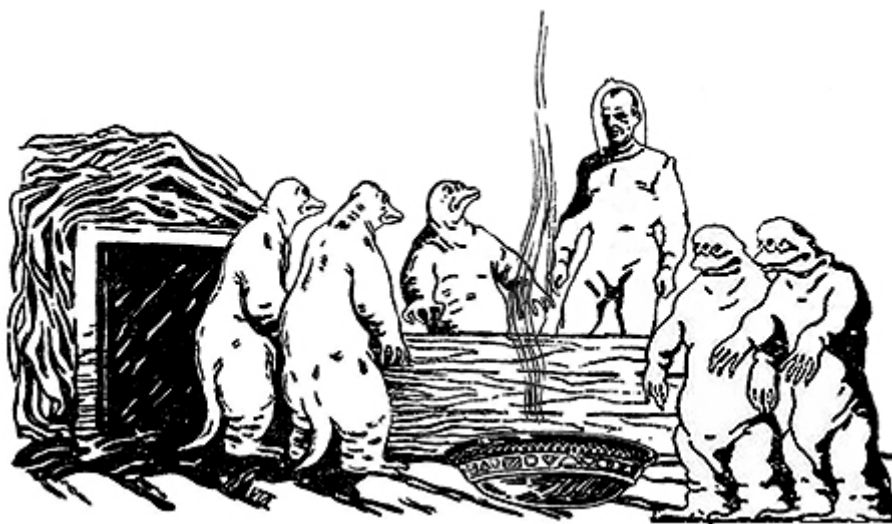
растаяло в воздухе...

Над каменной чашей высоко поднялось бледно-голубое пламя. Такой огонь даёт тонкая плёнка горящего спирта.

Огонь был «холодным». Стоя рядом с чашей, Белопольский не чувствовал никакого тепла.

– Это не термит, – сказал Романов.

Венериане, не отрываясь, смотрели на чашу, – пламя не ослепляло их, оно было совсем слабым. Потом они стали медленно приближаться...

Белопольский вошёл в машину.

Люди стали свидетелями языческого поклонения огню. Каждый венерианин дотрагивался головой и руками до чаши и «отходил» к стене. Эта церемония заняла много времени, венериан было не меньше двухсот.

Но вот последний венерианин «поклонился» чаше. Возле неё осталось пятеро. Один из них поднял чашу и

понёс её к выходу. Все пошли за ним.

Казалось, что они совсем забыли о людях. «Комната» опустела. Люди остались одни.

– Стоило стараться! – сказал Белопольский, пожимая плечами.

Но не прошло и двух минут, как двое венериан вернулись. С ними было десять «черепак».

– Ну вот и всё! – сказал Романов. – Больше мы им не нужны, и они покончат с нами.

– Не думаю, – ответил Белопольский, выходя из машины.

Венериане подошли и упали перед ним на пол. Константин Евгеньевич не удивился, – он ожидал этого. Преклоняясь перед непонятным им пламенем, венериане должны были поклониться и перед теми, кто зажгёт его. Но почему они не делали этого раньше, если знали, что люди могут дать им огонь? Это было совсем не «по-человечески».

«Это не поклонение, а выражение благодарности», – подумал Белопольский.

Венериане поднялись. Они жестами попросили человека пройти с ними в «комнату» со столом.

Что им ещё нужно?

Белопольский исполнил их желание.

На столе появился недавно сделанный рисунок. Венерианин поставил возле «звездолёта» восемь кубиков. Это обозначало восемь человек, оставшихся в нём. В контуре озера он поместил пять других кубиков.

Почему пять? Ведь пленников было трое?

Но тут же всё объяснилось. Венерианин указал на

кубики и протянул руку к Белопольскому. Потом указал на себя и другого венерианина.

Пока что было достаточно ясно. Пять кубиков изображали трёх людей и двух венериан.

– Что будет дальше?

Дальше произошло такое, чего Белопольский никак не ожидал. Венерианин взял пять кубиков и перенёс их к звездолёту.

Сомнений не было – венериане хотели посетить корабль?

Белопольский был изумлён. Выходило, что венериане несколько не боялись корабля. Они даже хотели осмотреть его.

Но не только удивление почувствовал начальник экспедиции. Он окончательно запутался в вопросе, за кого считать венериан? Кто они? Высокоразумные существа или дикари, поклоняющиеся каменной чаше и горящему в ней огню? Понятие о высоком развитии разума не соответствовало той картине, которую они наблюдали недавно. А желание посетить корабль совершенно не вязалось с представлениями о дикарях, которые должны бояться непонятного огромного предмета.

Простая и естественная мысль, что люди слишком мало знают о жителях Венеры, чтобы делать выводы, почему-то не приходила в голову Белопольского. Его раздражали эти загадки, встававшие одна за другой. Он был до предела измучен трёхдневным пленом и непрерывной тревогой. Он не мог рассуждать сейчас с обычной ясностью мысли. Но по той же причине он не

додумался и до этого.

Что ответить венерианам? Разумеется согласиться! Пусть посетят корабль, если им этого хочется.

У Белопольского мелькнула мысль, что хорошо бы захватить одного венерианина на Землю, но он тут же с негодованием отбросил её. Это было бы гнуснейшим насилием, недостойным советского человека. Как могла возникнуть подобная мысль?..

Он повторил движения венерианина, показывая этим, что согласился на просьбу.

Все трое вернулись к вездеходу.

– Чем они будут дышать на нашем корабле? – спросил Романов, когда Белопольский рассказал о намерении венериан.

– Это совсем просто, – ответил Константин Евгеньевич, – воздухом Венеры.

Белопольский вошёл в машину. Он пригласил обоих венериан последовать за собой, но они отказались.

Значило ли это, что они дойдут сами? Или Белопольский снова не понял их? И то и другое было возможно.

«Черепахи» подняли и понесли вездеход. Венериане пошли за ними.

«Город» по-прежнему казался пустым. Но люди уже знали, что это впечатление обманчиво.

«Жаль, что мы не видели их жилищ, – подумал Белопольский, – те дома, где мы были, явно нежилые. У них должны быть мастерские, где изготавливаются, например, блюда».

Белопольского и Романова пронесли мимо знакомой

«тюрьмы». Они тревожно подумали, что «черепахи» повернут к ней и оставят их на этот раз на верную смерть. Но животные прошли мимо опасного места.

Вот, наконец, и розовый туннель.

Оба венерианина, сопровождавшие машину, повернули куда-то в сторону и исчезли. «Черепахи» вошли в воду.

Почти трое земных суток люди пробыли в плену у венериан, в подземном «городе». Что они видели за это время? Можно сказать – ничего! Что узнали о венерианах? Очень мало! Приключение, едва не стоившее им жизни, ни на шаг не продвинуло вперёд их знаний о жителях планеты. Загадок стало, пожалуй, ещё больше.

Вот и дно озера, освещённое слабым светом загадочных брёвен...

Берег...

Лесная просека...

Снова появились венериане. Было совершенно очевидно, что они вышли из пещеры другим, наземным, туннелем и обошли озеро по берегу. Значило ли это, что венериане не могли находиться под водой?..

Берег реки...

И, наконец, в темноте ночи чёрной громадой возник перед людьми силуэт родного корабля.

КОНЕЦ ПЛЕНА

Несколько минут восемь человек в каком-то оцепенении стояли перед светящимся экраном. Радость и горе, надежда и отчаяние – чувства, противоречившие

друг другу, боролись в них, попеременно уступая место одно другому. Они боялись поверить своему зрению и страстно желали, чтобы всё это не оказалось сном.

То, что они видели, было слишком невероятно. Появление вездехода, который на глазах трёх членов экипажа был унесён в озеро, походило на сказку.

Всего несколько минут назад Мельников сказал: «Если они найдут нужным, то сами доставят тела наших погибших товарищей». И вот, словно ему в ответ, машина стоит у двери выходной камеры. В ней должны находиться три мёртвых тела.

Но приборы пульта решительно опровергали такой вывод. Фильтрустановка работала. Никто, кроме Белопольского, Баландина или Романова, не мог пустить её в ход, не мог даже проникнуть в выходную камеру.

Но как могло случиться, что кто-то из них остался в живых, если кислород в резервуарах вездехода кончился ещё вчера. Под водой, без доступа наружного воздуха, его нельзя экономить.

– Может быть, вернулся только один из них, – прошептал Мельников.

Это было единственным и, очевидно, правильным объяснением. На одного человека кислорода могло хватить на лишние сутки.

Кто же из трёх вернулся на звездолёт?

Один из тех, кого они уже «похоронили», находился в выходной камере, совсем рядом. Но из восьми человек ни один не кинулся к ней. Они хорошо знали, что внутренняя дверь не откроется раньше чем через двадцать минут. Мучаясь неизвестностью, все оставались

на месте, не спуская глаз с экрана.

И они увидели...

В состоянии растерянности никто не догадался включить прожектор и осветить вездеход. В полумраке ночи он казался неясной тенью. И вот рядом появились другие, движущиеся, тени.

Их было три!

Но ведь кто-то, пусть даже один человек, находился в камере. Людей возле машины не могло быть больше чем двое.

Но теней было три.

Наклонившись к экрану, звездоплаватели напряжённо всматривались.

Одна из этих теней... Они узнали высокую фигуру Белопольского. Возле него смутно шевелилось что-то... два существа, тёмные силуэты которых имели странные, непривычные формы.

— Что это?..

— Зажгите свет! — приказал Мельников.

— Не надо! — вдруг закричал Князев. — Это венериане!

— Да, это они! — взволнованно подтвердил Коржевский.

Новая и ещё более поразительная неожиданность!

Неужели удалось найти общий язык с обитателями озера? Неужели венериане обладают развитой техникой и сумели снабдить людей кислородом для дыхания? Но как иначе могли остаться в живых оба звездоплателя? В выходной камере, очевидно, находился Баландин. Белопольский почему-то оставался снаружи вместе с венерианами.

Из трёх человек двое были живы, и хотя все искренне любили Василия Романова и с острой болью восприняли мысль о его смерти, звездоплыватели почувствовали огромное облегчение.

– Мы не ошиблись, – сказал Топорков. – Рация вездехода вышла из строя. А личных у них не было.

– Да, – со вздохом отозвался Мельников, – это ясно. И не менее ясно, что Василий Васильевич погиб. У него была личная рация.

Всё указывало на печальную истину. Если бы Романов был жив, связь была бы давно восстановлена. Но он погиб, в этом невозможно было сомневаться. Напрасная и бесполезная смерть, – оба человека, из-за которых погиб Романов, были живы.

– О чём мы думаем? – оказал Игорь Дмитриевич. – Почему мы не включаем связь с камерой?

Даже об этом они всё забыли...

– Но ведь Баландин и сам может вызвать центральный пульт. Почему же он этого не делает?

Топорков повернул ручку и нажал кнопку. Боковой экран вспыхнул, появилась внутренность выходной камеры.

Крик радости и испуга вырвался у всех.

В камере живой и, по-видимому, невредимый стоял Василий Романов. На его руках было неподвижное человеческое тело с бессильно повисшей головой. С ужасом они узнали в нём Баландина.

Геолог смотрел на приборы. На общий крик, который должен быть слышен в камере, он никак не реагировал.

Топорков пристально взгляделся и понял, в чём дело.

— У него нет рации, — сказал он, — она куда-то исчезла. Сквозь шлем он нас не слышит.

Вернулись все трое. Это было необъяснимо!

Как это произошло?.. Никто не хотел мучиться догадками. Пройдёт немного времени — и всё станет ясно.

Они видели, как геолог осторожно положил тело Баландина на пол. Потом он снял с себя противогазовый костюм и начал раздевать профессора.

Значит, он жив! Никто бы не стал снимать костюм с мёртвого.

— Василий Васильевич, — тихо позвал Мельников.

Геолог вздрогнул и повернулся на голос. В выходной камере не было экрана, и он не мог видеть, кто с ним говорит.

— Я слушаю, — сказал он.

— Василий Васильевич, дорогой! Мы так рады! Что с Зиновием Серапионовичем? Почему Константин Евгеньевич не вошёл в камеру?

— Он остался с венерианами. Они пришли к нам в гости. Зиновий Серапионович очень плох. Пусть Степан Аркадьевич приготовится принять его.

Романов говорил возмущительно спокойно. Точно они трое вернулись из короткой поездки и ничего особенного с ними не произошло.

— Немного потерпите, — прибавил он, — мы вам всё расскажем. Константин Евгеньевич приказал, чтобы вы ни в коем случае не зажигали прожектор.

— Мы просто забыли о нём, — ответил Мельников.

— Очень хорошо. Глаза венериан не выносят света. Встретьте меня у двери камеры с носилками. Процесс

окончится через десять минут. Да! Ещё надо герметически закрыть все двери, кроме коридора, идущего от камеры к центральному пульта, самого пульта и обсерватории. Но сначала надо доставить Зиновия Серапионовича в госпиталь. И всюду уменьшить свет.

— Зачем это?

— Я же говорил, к нам в гости пришли венериане. Придётся пустить на корабль воздух Венеры. Иначе наши гости не смогут дышать.

— Но как вы остались живы?

— Об этом после.

Пришлось сдерживать нетерпение. Геолог был достойным товарищем Белопольского. Было ясно, что он и не подумает удовлетворить их любопытство.

Семь человек отправились к камере. Мельников остался на пульте, чтобы выполнить приказ начальника экспедиции. Пустить в часть помещений звездолёта воздух Венеры было нестрашно. Придётся только всем надеть противогазы. Потом, когда венериане покинут корабль, его можно будет быстро освободить от формальдегида и углекислого газа. Фильтровальные установки были достаточно мощны.

Внимательно следя за всем, что происходило внутри корабля и за его бортом, Мельников часто останавливался взглядом на высокой фигуре Константина Евгеньевича, который медленно и, казалось, совсем спокойно прохаживался возле вездехода. Там же виднелись трудно различимые в темноте небольшие фигурки венериан.

Кто бы мог подумать совсем недавно, что между

людьми и жителями Венеры так быстро возникнут дружеские отношения? Всего несколько часов тому назад это считалось недостижимым.

Только что всё казалось потерянным, трое человек погибшими, цель экспедиции – недостигнутой. И вот, точно по волшебству, всё изменилось. Начальник экспедиции и его спутники живы, венериане через несколько минут будут здесь внутри корабля.

Бурная радость, которую Мельников испытал, увидя живым учителя и друга, сменилась спокойным и ровным ощущением счастья. И только мысль о Баландине, который, по словам Романова, находился в тяжёлом состоянии, омрачала радость. Что с ним?..

Мельников видел на экране, как отворилась дверь выходной камеры, видел, как Второв и Князев приняли от Романова безжизненное тело Баландина и бережно уложили на носилки. Потом, сопровождаемые Андреевым и Коржевским, они понесли профессора в госпитальный отсек. Пайчадзе, Топорков и Зайцев горячо обнимали молодого геолога.

А немного спустя Мельников и сам обнял чудом спасённого товарища.

– Надо торопиться! – сказал Романов. – В баллоне Константина Евгеньевича почти не осталось кислорода.

Мельников невольно взглянул на экран.

Белопольский всё так же медленно «прогуливался» возле машины. Было совсем не похоже, что этот человек знает, что промедление может стоить ему жизни. Но он, конечно, хорошо это знал.

– Что надо делать? Говорите скорей!

– Открыть обе двери выходной камеры.

Почему Белопольский не входит на корабль? Неужели нельзя оставить венериан одних на несколько минут? Нет конца выдержке этого железного человека!

Мельников действовал быстро. Закрыть все люки и двери заняло одну минуту. Баландина уже внесли в лазарет. Мельников предупредил Андреева, что он и Коржевский вместе с больным будут отрезаны от остальных помещений на всё время пребывания на корабле венериан. Тревога за командира, находившегося в смертельной опасности, заставила его забыть обо всём, и он даже не спросил у врача о состоянии пострадавшего. Впрочем, Андреев всё равно не мог ещё ничего сказать.

– Одевайтесь! – приказал Мельников всем остальным.

Не прошло и пяти минут, как все уже были в противогазовых костюмах.

Мельников протянул руки к нужным кнопкам...

Конструкторы звездолёта сделали всё, чтобы оградить корабль от проникновения в него воздуха другой планеты. В космическом рейсе это было одной из важнейших задач.

Совершенная автоматика, установка фильтров, взаимная блокировка дверей и окон обсерватории, термические выключатели дверных кнопок – всё подчинялось одной цели. Открыть обе двери выходной камеры случайно было совершенно невозможно. Чтобы сделать это, пришлось бы один за другим выключить шестнадцать автоматов.

Усилиями воли Мельников подавил в себе невольно возникшее чувство протеста. Приказ командира звездолёта должен быть выполнен.

Погасла расположенная в центре пульта на самом видном месте, ни разу с самого старта на Земле не потухавшая лампочка. Её зелёный свет сменился красным – грозным сигналом катастрофы. Спустились к нулю стрелки приборов автоматики. Корабль лишился защиты!

Мельников положил пальцы на последние кнопки. Укоренившееся за четыре космических рейса, вошедшее в плоть и кровь звездоплывателя сознание, что этого нельзя делать, против воли удерживало его руку.

Понадобилось усилие, чтобы нажать легко поддающиеся кнопки.

То, что казалось бы никогда не произойдёт, свершилось...

Белопольский терпеливо ждал. Он знал, что Мельников не будет медлить. Но он чувствовал, как всё труднее и труднее становится дышать. Кислород в баллоне кончался. Резервуары вездехода были уже пусты. Люди вернулись к кораблю буквально в последний момент.

Может быть, ему следовало войти в камеру вместе с Романовым? Но как отнеслись бы к этому венериане? Они могли уйти, а Белопольский придавал огромное значение предстоящему посещению корабля жителями Венеры. Это было столь важно, что он, не колеблясь, решился впустить в звездолёт воздух планеты.

Оба венерианина стояли возле вездехода. «Черепи-

хи», принёсшие машину, куда-то исчезли. Прозрачная темнота, чёрный контур близкого леса – всё это Белопольский видел впервые. Он знал, что сумерки уже окончились, что сейчас ночь. Её относительная светлость не удивляла астронома, – он ждал этого.

Но вот с хорошо знакомым мелодичным звоном раскрылись двери выходной камеры. На «землю» быстро спустились трое и подбежали к нему.

Белопольский с облегчением увидел в руках одного из них кислородный баллон.

Кто-то сильно сжал его в объятиях. Белопольский сумел разглядеть, что это Пайчадзе. Двое других возились за его спиной.

– Задержите дыхание! – раздался голос.

Белопольский вздрогнул, голос принадлежал Мельникову. Что это значит?..

Он почувствовал, как закрыли краник на шланге. Через несколько секунд свежая струя воздуха проникла в его грудь. Истощённый баллон заменили новым.

Белопольский резко обернулся.

– Что это значит, Борис? – спросил он ледяным тоном. – Как ты осмелился покинуть корабль, когда меня на нём нет?

Мельников исчез как привидение, рядом стоял только Романов.

Белопольский повернулся к Пайчадзе.

– Это и к тебе, относится, Арсен, – сказал он.

Не так поспешно, но и Пайчадзе немедленно вернулся на корабль. И он и Мельников сгорали со стыда. Что бы ни случилось, они не имели права нарушить

главнейший закон космических рейсов. Оба знали, что Белопольский долго не простит им этого.

Люди плохо видели в темноте ночи, но венериане видели отлично. Белопольский жестами пригласил обоих учёных Венеры пройти на корабль. Он не сомневался, что они охотно примут приглашение, – ведь они сами просили об этом. Но оба венерианина отступили на шаг. Это могло означать отказ.

Белопольский, а за ним Романов повторили свои жесты, которые должны были быть понятны венерианам.

Тот же ответ.

– В чём дело? – недоуменно спросил Белопольский.

– Может быть, их смущает лестница?

– Нет, не думаю.

Один из венериан сделал шаг вперёд. Он протянул руку к Белопольскому, а другой указал назад, на лес.

– Ничего не понимаю! – сказал Константин Евгеньевич.

Из выходной камеры, находившейся над их головой, лился слабый свет притушенной лампочки. Чтобы лучше видеть, Белопольский перешёл на освещённое ею место. Оба венерианина пошли за ним. Он ещё раз пригласил их подняться наверх.

И снова венериане отступили на шаг. Они указали на людей, потом на лес.

– Может быть, они требуют, чтобы мы вернулись к озеру? – предположил Романов.

Белопольский молчал. Он видел, что им не понять, чего хотят венериане. Выходило, что там, в пещере,

снова произошла ошибка. Ему казалось тогда, что венериане хотят посетить корабль. Теперь становилось ясным, что они не думают об этом. Их действия имеют другую цель, но как можно догадаться, какую именно.

Из корабля быстро спустился Князев.

– Борис Николаевич спрашивает, почему вы не идёте, – сказал он.

– Я знаю это не лучше, чем он сам, – сквозь зубы ответил Белопольский.

– Степан Аркадьевич просит вас скорее прийти. Зиновию Серапионовичу очень плохо.

Белопольский понял, что надо принять какое-то решение. Он сделал последнюю попытку. Но венериане, как и раньше, ответили отказом.

Все планы рушились. Если люди уйдут на корабль, оставив венериан одних, то как поймут это венериане? Не поведёт ли это к разрыву с таким трудом достигнутых отношений? Что делать?

– Попробуем поднять их по лестнице на руках, – предложил Романов.

Может быть, действительно геолог прав, и венериане просто боятся подниматься по лестнице? Или не могут этого сделать?

– Попробуйте! – согласился Белопольский. – Только осторожно.

Романов подошёл к одному из венериан и, указав вверх, протянул руки, чтобы взять его.

Поймёт ли венерианин?

Он понял, это было очевидно. Но не менее очевидно было и то, что он не согласен. Венерианин отступил и

поднял руку, указывая на дверь камеры. Другой рукой он сделал уже знакомый людям отталкивающий жест.

Ответ был совершенно ясен.

Зачем же они пришли сюда? Что они хотят от людей, отпущенных ими на волю? Долг благодарности требовал исполнить их желание, но как это сделать, если желания никак не понять?

Белопольский сделал единственное, что можно было сделать в столь затруднительном положении. Он постарался показать, что желание хозяев планеты не встречает возражений. Он не знал, в чём состоит это желание, но так же, как венериане, указал на лес и на себя. Потом он поставил ногу на нижнюю ступень лестницы, внимательно наблюдая за венерианами.

Они медленно наклонили головы, точно прощаясь. Это могло означать и другое – согласие. Оба отступили на шаг, ещё раз показывая, что не последуют за людьми.

Больше нельзя было медлить. С чувством досады, недоумения и разочарования Белопольский поднялся в камеру. Романов и Князев последовали за ним. Двери закрылась.

Венериане остались снаружи. Что они сейчас думали о людях? Какие последствия будет иметь то, что люди не поняли хозяев планеты?..

Белопольский поспешно прошёл на пульт. Мельников встретил его сдержанно. Ему хотелось обнять Белопольского, выразить ему всю свою радость, но он понимал, что командир звездолёта возмущён его недавним поведением. В глазах такого человека, как Белопольский, проступок Мельникова не мог иметь ни-

каких оправданий.

Сухо кивнув головой, Константин Евгеньевич пошёл к экрану. Но венериан уже не было.

– Пустите в ход фильтрустановки выходной камеры и обсерватории, – приказал он. – Надо как можно скорее очистить воздух.

Мельников молча повиновался. Ему было грустно, что они встретились так сухо. Белопольский обратился к нему на «вы». Неужели он не может понять? Нет, не поймёт... Ведь он сам никогда бы этого не сделал.

Белопольский соединился с лазаретом.

– Дело плохо, – доложил ему Андреев. – Вероятно, придётся ампутировать левую ногу.

– Сделайте всё возможное, чтобы избежать этого.

– Разумеется, Константин Евгеньевич!

Пайчадзе и Топорков, бывшие на пульте, вышли. Белопольский повернулся к Мельникову и молча посмотрел на него.

– Это было в первый и в последний раз, – сказал Борис Николаевич.

– Что ты предполагал делать?

– Закончить те работы, на которые могло хватить людей, и вернуться на Землю точно в срок.

– То есть как? Разве венериане не доставили моего хронометра?

– Доставили.

И тут Мельников внезапно понял, что допустил ещё одну непростительную ошибку. Сомнения быть не могло, в часах находилась записка. Как же могло случиться, что ни он и никто из его товарищей не подумали

о том, чтобы открыть их? Вторично краска стыда залила его лицо.

– Я думал, вы поймёте, – сказал Белопольский.

– Мы считали всех вас мёртвыми. Мы думали, что венериане, неизвестно зачем, сняли хронометр с вашего тела. Мы поняли это как приглашение взять ваши тела у озера.

– И вы отправились туда? Вы встретились с венерианами и разбили каменную чашу?

Мельников с изумлением посмотрел на Белопольского. Откуда он знает эти подробности?

– И ты сам повёл вездеход? – безжалостно спросил академик.

Мельников вспыхнул в третий раз.

– Конечно нет! – ответил он. – Как вы можете так думать?

– Приходится, – пожал плечами Белопольский. – Кто же и почему разбил чашу?

– Её разбил Второв. Вернее, она сама разбилась. Это произошло так...

– Подожди! – перебил его Белопольский, – надо обо всём поговорить подробно. И вам и нам есть о чём рассказать друг другу. Отложим пока.

Процесс очистки воздуха, как оказалось напрасно испорченного, продолжался больше полутора часов. Всё это время члены экипажа не снимали противогазовых костюмов и почти не разговаривали.

Наконец приборы показали, что никаких примесей в атмосфере звездолёта не осталось. Двери выходной камеры были закрыты, и автоматика введена в действие.

Привычная зелёная лампочка вспыхнула на пульте.

Как только открылись двери, Белопольский ушёл в госпитальный отсек. Тревога за здоровье Баландина ни на минуту не покидала его.

Профессор был без сознания. Землисто-серый, с посиневшими губами, он лежал на койке, похожий на труп.

– Сердце плохо работает, – ответил Андреев на вопрос Белопольского, – положение угрожающее. Если бы он попал ко мне немного раньше...

– Какой выход?

– Немедленно произвести ампутацию ноги. Это единственная надежда.

– Но вы сами говорите, что сердце слабое.

– Если не ампутировать ногу, он не проживёт и часа.

Белопольский закрыл глаза рукой. Оплотность, в которой он и себя считал виновным, навеки вычёркивала профессора Баландина из рядов звездоплавателей. Константин Евгеньевич почувствовал, как к горлу подступил горячий комок.

– И ничего нельзя сделать.

– Ничего. Слишком поздно.

– Но операция спасёт его? Вы уверены в этом?

Андреев опустил голову.

– Мы надеемся на это, – чуть слышно ответил он.

Белопольский ничего не сказал. Он медленно повернулся и вышел.

Началась операция.

Весь экипаж звездолёта собрался у запертой двери госпитального отсека. Никто не проронил ни слова.

И вот открылась дверь.

Коржевский в белом халате с окровавленными руками появился на пороге. Он был смертельно бледен.

— Зиновий Серапионович скончался, — сказал он.

К БЕРЕГУ ГОРНОГО ОЗЕРА

Неожиданная смерть Зиновия Серапионовича Баландина была тяжёлым ударом для его товарищей, жестоким испытанием их мужества, воли и решимости. Белопольский с тревогой наблюдал за членами экспедиции, опасаясь, что трагическая развязка первой по существу попытки проникнуть в тайны планеты подорвёт в них веру в общее дело. И с глубоким чувством удовлетворения и гордости убедился, что все девять участников космического полёта на высоте положения.

Никто не упал духом.

Ровно в полночь на опушке леса звездоплаватели опустили в глубокую яму стальной гроб, изготовленный Князовым из запасных плит. Могилу тщательно сравнивали, чтобы венериане не смогли обнаружить её. Земля Венеры сохранит тело до следующей экспедиции.

Нормальному и здоровому человеку не свойственно думать о смерти. Возможность её как-то невольно не учитывается, забывается. И при подготовке экспедиции на сестру Земли никто не предусмотрел, никто не подумал о том, что будет делать экипаж корабля в случае чьей-нибудь гибели. Никаких средств сохранить тело до возвращения на Землю не было. Положить умершего товарища в холодильник, вместе с образцами фауны и

флоры Венеры, казалось им кощунством. Пусть лучше тело Баландина ждёт следующей экспедиции, которая доставит его на родину, так же, как ждёт этого тело Орлова на Арсене.

Похоронив Зиновия Серапионовича, звездоплаватели с удвоенной энергией взялись за работу под общим руководством Пайчадзе, который заменил профессора на посту начальника научной части экспедиции. Времени оставалось мало.

Быстро и незаметно проходили часы и сутки «ночи».

Напряжённый труд помогал забыть... не человека, а горе, причинённое его смертью.

Несколько раз экипаж корабля наблюдал волшебное сияние Венеры. Они жалели, что на Земле не увидят всю несравненную красоту этого зрелища. Заснятая Второвым киноплёнка могла дать только слабое представление об этой фантазмагии красок.

Чем ближе к утру, тем реже появлялись и становились слабее эти сияния.

Общение с венерианами совершенно прекратилось. Только раз жители озера явились к кораблю целой толпой, «человек» в сто. Около часа простояли они у опушки леса, очевидно рассматривая звездолёт, но не подошли к нему ближе.

Константин Евгеньевич был убеждён, что они снова встретятся с венерианами у горного озера.

Все обстоятельства пребывания Белопольского и его спутников в подземном городе, а также встречи вездехода с венерианами на лесной просеке служили темой нескончаемых горячих споров.

Романов высказал предположение, что венериане вовсе не собирались насильно переправить пленников к горам, а просто предложили им самим сделать это. Белопольский долго не соглашался с таким выводом, но в конце концов и сам стал иначе понимать весь немой разговор, происшедший в пещере.

Выходило, что венериане ничем никогда не угрожали людям, относились к ним с самого начала дружелюбно. То, что в глазах людей Земли казалось насилием – захват вездехода, трёхдневный плен, – в глазах венериан могло иметь совсем другое значение. Это могло быть даже выражением гостеприимства – кто мог знать обычаи этого народа?

И то, что произошло у звездолёта, когда венериане отказались взойти на корабль, после того как сами как будто изъявили желание осмотреть его, подверглось после длительного обсуждения переоценке. Все сошлись на том, что венериане просто проводили своих гостей «домой», а на прощание попросили их ещё раз посетить пещеру. Осматривать звездолёт они не собирались.

Но, несмотря на столь благоприятные выводы, Белопольский не считал возможным рисковать и на просьбу Второва разрешить посещение пещеры с целью киносъёмки ответил категорическим отказом.

– Жесты венериан при нашем последнем свидании с ними, – сказал он, – могли означать не просьбу посетить пещеру, а как раз обратное – запрещение. Лучше оставим это до следующей экспедиции, которая будет соответствующим образом подготовлена к такой экскурсии.

Эти слова показали членам экипажа, что Константин Евгеньевич не совсем согласен с общим мнением.

Было ясно, что он не доверяет венерианам и боится новых жертв.

Второву пришлось покориться, но совсем неожиданно он вознаградил себя другими кадрами.

Уже на следующий день после похорон Баландина звездоплаватели заметили движение у плотины. Вскоре стало ясно, что венериане принялись за ночную работу. Белопольский сам предложил посмотреть на неё вблизи.

Появление у штабелей мощного вездехода не произвело на обитателей озера никакого видимого впечатления. Они продолжали своё дело, не обращая на него внимания. Люди благоразумно не зажигали прожекторов. Сквозь окна Второв мог снимать сколько ему угодно, что он, конечно, и сделал. Сверхчувствительные плёнки, изготовленные специально для него, позволяли получить достаточно отчётливые снимки даже в условиях ночи.

Зрелище было исключительно любопытное. Ежедневно вездеход на несколько часов отправлялся к плотине. Кроме Второва, в машине попеременно побывали все члены экипажа. Всем хотелось увидеть фантастическую картину работы венериан.

Но не только интерес вызывала эта картина. Внимательное наблюдение за процессом работы позволило сделать чрезвычайно важные выводы относительно умственного развития жителей озера.

Работа производилась главным образом «черепахами». С ними было несколько венериан. Венериане, очевидно, командовали, отдавали распоряжения. Но как это делалось, люди не могли понять. Никаких жестов, никакого звука. Создавалось впечатление, что венериане отдают распоряжения мысленно и что «черепахи» слышат и подчиняются мысленному приказу. Но это было явно невозможно, тут была какая-то тайна.

Наблюдая за «черепахами», Белопольский часто задумывался о том, как был захвачен в плен их вездеход. Действия «черепах» в тот роковой вечер выглядели вполне осмысленно: они взяли машину «по всем правилам военного искусства». Единственным объяснением было то, что при этом присутствовали венериане, хотя ни Белопольский, ни покойный Баландин не заметили их.

Ещё более сложный манёвр осуществили «черепахи» при атаке на вездеход Князева. Правда, при этом ими уже наверняка руководили венериане, но всё же то, что сделали «черепахи», выходило за пределы мыслимой дрессировки. Земные обезьяны, слоны и другие наибо-

лее развитые животные не были способны на такие действия. Это имело уже характер цирковой дрессировки. Но ведь венериане не могли заранее предвидеть встречу с вездеходом и научить «черепах», как надо действовать при столь внезапных обстоятельствах.

После долгого раздумья Коржевский высказал своё предположение по этому поводу.

– Всё, что мы узнали о «черепахах», – сказал он, – доказывает, что они не обладают разумом и не способны, как и все животные, к логическому умозаключению. Своё дело они выполняют механически, не понимая его смысла. Но их действия при нашей встрече, направленные против прожекторов, нельзя объяснить предварительной дрессировкой. Я думал, что им знакома война, это ошибка: «черепахи» воевать не могут. Но они умеют пользоваться щитами, подходить к чему-то под их защитой и нападать с помощью камней. Как это объяснить? Только охотой. Существует охота на какое-то большое и опасное животное. «Черепахи» приучены охотиться со щитами и камнями и выполнили знакомое дело. Разницы между обычной целью и нашей машиной они не понимали. Мы думали, что они целились в прожекторы. Это не так. Они швырнули камни вообще в машину. То, что при этом были разбиты прожекторы, – простая случайность.

– Значит, – спросил его Второв, – в тот момент венериане не проявили к нам враждебности?

– Нисколько! – ответил биолог. – Вспомните! Они не преследовали вездеход. Не забывайте, что их разум – это не разум обитателей Земли.

Звездоплаватели согласились с Коржевским. Такое объяснение действий венериан многое делало понятным.

Работы у плотины закончились к утру. Старые штабеля были перенесены к озеру, а на их месте уложены новые. При этом снова только один штабель состоял из очищенных стволов, а другой из деревьев с корой и ветвями. Коржевский придавал этому обстоятельству огромное значение.

– Совершенно очевидно, – сказал он, – что не только «черепахи», но и сами венериане действуют по раз навсегда установленному шаблону. Ведь можно наверняка сказать, что эта работа производится сотни лет. Но она всё же крайне примитивна.

Действительно, наблюдая за работой, люди видели, что многое можно было делать более результативно и с меньшей затратой сил. Для этого требовались только самые элементарные представления об организации труда. Но, очевидно, венериане даже не догадывались об этом.

Не было ни малейшего намёка на технику. Всё делалось руками, голым физическим трудом. Принцип рычага, который мог оказать им большую помощь, был неизвестен венерианам. Даже до самых простых каменных топоров, известных людям Земли с незапамятных времён, они не додумались.

– Очень скоро здесь всё изменится, – сказал Белопольский, – мы научим их трудиться разумно. Венериане – дикари в сравнении с нами. Но они наши младшие братья. Долг человека Земли дать им всё, что

нужно, чтобы облегчить жизнь и труд. И это будет сделано!

– Без общего языка... – начал Коржевский, но командир корабля перебил его.

– Это будет сделано! – повторил он. – А общий язык будет найден. Как они говорят, пока тайна. Но эту тайну мы должны раскрыть и раскроем.

Топорков, присутствовавший при этом разговоре, посмотрел на Белопольского и загадочно усмехнулся.

– А что вы скажете, – спросил он, – если мне известна эта тайна?

– Вам?..

Игорь Дмитриевич пожал плечами.

– Необязательно, – сказал он, – быть биологом, чтобы раскрыть биологическую тайну. Может случиться, что возможность говорить с венерианами или во всяком случае обмениваться с ними мыслями люди получают от техники.

– Но что вы знаете?

– Во-первых, я не знаю, а только думаю, что знаю. Это не одно и то же. А во-вторых, я вам пока ничего не скажу. Ваше восклицание, Константин Евгеньевич, когда вы с таким недоверием спросили: «Вам?» – относилось не ко мне лично, я это понимаю, а к технике, которую я представляю. Вы не можете допустить, что эту тайну откроют инженеры. Я обиделся за мою корпорацию. У меня есть план, когда он будет осуществлён, вы его узнаете, но не раньше.

Товарищам показалось, что Топорков шутит. Но Игорь Дмитриевич, по-видимому, действительно оби-

делся. Он так и не сказал ничего, несмотря на все мольбы Коржевского, который в конце рассердился на Белопольского.

— Откуда я мог знать, — чуть заметно улыбнулся академик, — что Игорь Дмитриевич так обидчив. Да не в этом и дело. Он просто не хочет говорить, пока не убедится, что прав.

— В таком случае нечего было и начинать.

— Ничего не поделаешь! Потерпите!

Нетерпеливый биолог несколько раз возобновлял свои попытки, но ничего не добился. Игорь Дмитриевич иногда бывал на редкость упрям. Было ясно, что он никому не откроет своего секрета. Коржевскому пришлось покориться и ждать.

Всё же один из членов экипажа узнал тайну раньше других, но Топорков взял с него слово молчать. Это был Зайцев. Помощь инженера-механика была необходима для осуществления задуманного. Но старший инженер звездолёта умел хранить то, что ему доверяли.

Наступило утро. Снова поднялось над горизонтом невидимое Солнце. Конец ночи ознаменовался чудовищной грозой, продолжавшейся двенадцать часов подряд. Точно после двухсотсемидесятичасовой спячки, природа Венеры праздновала своё пробуждение.

Звездоплаватели готовились в путь. Программа работ, намеченная на первую ночь, была перевыполнена. Белопольский решил перелететь к горам, найти показанное венерианами горное озеро и провести там оставшееся время.

4 августа звездолёт покинул место своей стоянки,

оставив жителям озера на память о своём пребывании сожжённую полосу берега. Мельников, управлявший кораблём, пролетел над озером, прощаясь с ним.

Звездоплаватели взволнованно смотрели на гладкую поверхность воды. Там, под ней, находится странный мир, освещённый розовым светом загадочных «деревьев», ползают похожие на ожившие беседки огромные «черепахи» — «рабочая сила» Венеры.

А там, в недрах высокого обрыва южного берега, таится от глаз огромная пещера — подземный город со странными домами без крыш, со светящимися стенами.

Трое людей побывали в этом городе венериан, но почти ничего не видели в нём. Там нашёл свою смерть Зиновий Серапионович Баландин. Бревенчатые стены розового туннеля были последним, что он видел в жизни, потому что там он потерял сознание и до последнего вздоха уже не пришёл в себя.

Что делают сейчас жители «города»?

Коржевский утверждал, что они спят. Для венериан день – то же, что для человека ночь. Три недели для человека – одни сутки для венериан.

Так ли это?

Может быть, именно сейчас люди могли бы проникнуть в «город» и, пользуясь сном хозяев, осмотреть его?..

Озеро осталось позади. Под крыльями машины широкая река.

Никаких признаков жизни, кроме растений! Неудивительно, что первые люди, посетившие Венеру, ошиблись. Экипаж «СССР-КСЗ» мог впасть в ту же ошибку. Ничто не указывало на то, что планета населена.

Загадка! Закрытая книга, которую прочтут следующие экспедиции.

Люди науки упорны. Работа экспедиции Белопольского вскоре подойдёт к концу. Звездолёт вернётся на Землю. Ему на смену прилетят другие. Один, второй, третий, – сколько потребуется.

Человек должен знать всё!

Быстро летит корабль. В водах реки отчётливо отражается крылатая сигара с длинным огненным хво-

стом за кормой. Километр за километром. Вперёд и только вперёд! К новым открытиям, к новым вершинам знания!

Бесконечный, трудный, но прекрасный подъём по лестнице разума!

Конец второй книги.

1957 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление

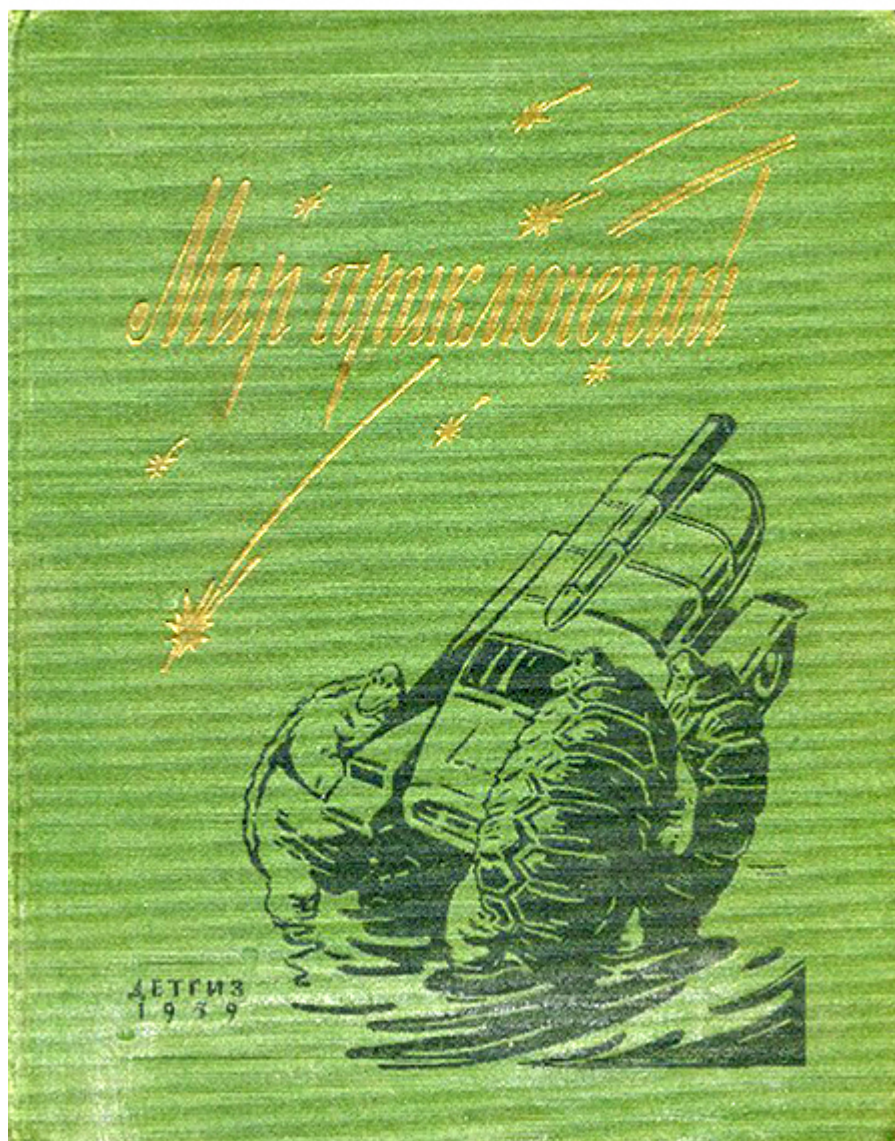
Георгий Мартынов	1
Звездоплыватели, Книга 2	1
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
СЕСТРА ЗЕМЛИ	8
Часть первая	9
БОРИС МЕЛЬНИКОВ	9
«СССР-КСЗ»	20
В ДАЛЁКИЙ ПУТЬ!	46
БУДНИ ПОЛЁТА	63
АРСЕНА	76
СЕНСАЦИОННОЕ ОТКРЫТИЕ	90
СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ	108
СЕСТРА ЗЕМЛИ	124
НЕОБЪЯСНИМАЯ НАХОДКА	142
КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВ	163
ВОЗДУШНАЯ РАЗВЕДКА	184
НА ПОМОЩЬ!	202
***	214
ЕЩЁ ОДНА ЗАГАДКА	219
ПОДВОДНЫЙ МИР	242
ПЕРЕЛЁТ НА МАТЕРИК	262
ПОД УДАРОМ ГРОЗЫ	279

Часть вторая	296
НА БЕРЕГУ ОЗЕРА	296
***	302
***	306
***	308
МИНУТА ОПОЗДАНИЯ.....	319
ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД	334
НОЧЬ	345
***	354
ХОЗЯЕВА ПЛАНЕТЫ.....	358
ХОЗЯЕВА ПЛАНЕТЫ(продолжение)	370
ВЕНЕРИАНЕ	384
НЕМАЯ БЕСЕДА	400
ТАЙНА КАМЕННОЙ ЧАШИ	415
КОНЕЦ ПЛЕНА	430
К БЕРЕГУ ГОРНОГО ОЗЕРА.....	446
ОГЛАВЛЕНИЕ	458
Обложка БПиНФ 1959(?) года.	460
Обложка 1-го издания.....	461
Шмуцтитул 1-го издания.....	462
Обложка трилогии.....	463
Шмуцтитул трилогии.....	464

Обложка БПИНФ 1959(?) года.

Обложка 1-го издания

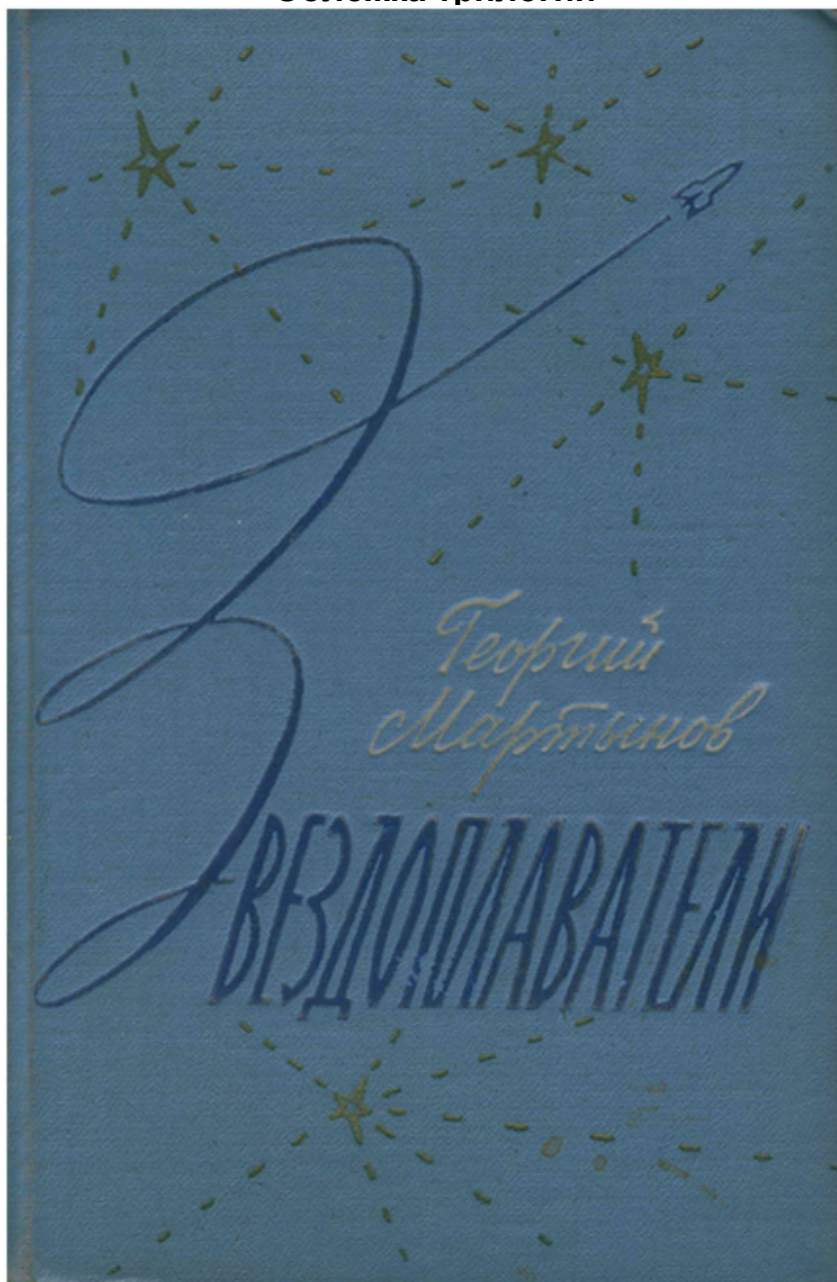
Шмуцитул 1-го издания

Г. МАРТЫНОВ ~

СЕСТРА
ЗЕМЛИ

Научно-фантастическая
новелла

Обложка трилогии

Данная электронная сборка не является копией
какого-либо полиграфического издания.
Это компьютерная компиляция текста и элементов
оформления книги разных изданий.

При изготовлении этой книги использовались:

1. Текст повести из трилогии Г. Мартынова
«Звездоплыватели».
Ленинград: Лениздат, 1960 год.
2. Элементы оформления этого издания:
оформление обложки О. Маслакова;
внутренние иллюстрации Л. Рубинштейна;
шмуцтитутлы Г. Гунькина.
3. Элементы оформления 1-го издания повести.
Альманах «Мир приключений», выпуск 5,
Ленинград: Детгиз, 1959 год.

Настоящая публикация преследует исключительно
культурно-образовательные цели и не предназначена для
какого-либо коммерческого воспроизведения
и распространения, извлечения прибыли и т.п.